

Олег Мельник

Книга Тьмы

Через Любовь по дороге в Утопию

Олег Мельник

Книга Тьмы

«SelfPub.ru»

2015

Мельник О.

Книга Тьмы / О. Мельник — «SelfPub.ru», 2015

Вы когда-нибудь спрашивали себя: "почему именно я?"... Что вы сделаете, когда необъяснимое постучится вдруг в вашу дверь?.. Главный герой - музыкант, открывший для себя силу мистической Тьмы. Возможность заглянуть за кулисы обыденной жизни открывают ему далекие перспективы, но оголяют перед могучим Врагом, и теперь герой ввергнут в пучину противостояния, фронт которого растянулся по границам целой Вселенной... В этой схватке нет понятия о Зле и Добре, Свете и Тьме, Правде и Лжи, Любви и Ненависти... На поле боя сходятся Жизнь - и отсутствие какой бы то ни было жизни. И если в начале определенных событий можно было выбрать одну из дорог в будущее, то впоследствии, оглянувшись назад, понимаешь - никакого выбора никогда не существовало.

© Мельник О., 2015

© SelfPub.ru, 2015

Содержание

Предисловие	6
ЧАСТЬ I	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	50
Глава 10	53
Глава 11	65
Глава 12	70
Глава 13	75
Глава 14	83
Глава 15	91
Глава 16	95
Глава 17	102
Глава 18	109
ЧАСТЬ 2	116
Глава 1	116
Глава 2	120
Глава 3	125
Глава 4	131
Глава 5	141
Глава 6	150
Глава 7	160
Заключительная глава	165

Книга Тьмы

Роман

Татьяне,

вдохновившей меня бросить стихи

Предисловие

У меня осталось немного времени, чтобы закончить рукопись. Его настолько мало, насколько может быть только у человека, распростертого между молотом и наковальней, и единственный выход из такого положения – это перевернуть Реальность. Когда-нибудь исчезнут те, кто сможет расшифровать эти уродливые письма, именуемые русским языком в исполнении офисного редактора, настроенного на новоримский шрифт. Будет множество ложных трактовок и туманных смыслов. И единственный, кто поймет, что в действительности здесь написано, способен уничтожить то, что я пытаюсь создать. Такой вот парадокс.

Описываемые события охватывают пятилетний промежуток, но я постараюсь возродить в памяти все, что считаю нужным, в наиболее подробных красках. Повествование будет вестись от лица того человека, каким я был когда-то.

Я разбил рукопись на две части: в одной рассказывается о моей жизни в среде людей, в другой – среди Стражей. Первая часть несколько затянута, но я прошу вас набраться терпения, ее назначение – подготовить ваше сознание для понимания того, что будет происходить дальше и почему эта история закончится именно так.

Повествование начнется с плавного хода, будет наращивать обороты, переключать передачи, пока скорость не оборвет силу притяжение Земли и вашего мировосприятия. Это придумал не я. Таковой была моя жизнь

В тексте присутствуют небольшие философские, научные и псевдонаучные вставки, а так же полемики персонажей, предназначенные осветить позицию автора и людей, повлиявших на его выбор. Эти вставки на первый взгляд могут показаться не к месту, но впоследствии их назначение будет понятным. Следует так же отметить, что все мысли, изложенные в данной рукописи, нельзя принимать за истину. Как говорил Михаэль, область разума – не самый достоверный источник информации. Обрывочные сведения могут быть такими же ложными, как и цитаты, вырванные из контекста. А чтобы записать Истину, добавлю от себя, вам потребуется флешка размером с саму Вселенную.

К.Т.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Вика позвонила в обед с просьбой зайти к ней, когда освобожусь. Вечером после работы я сразу направился к ее дому. Не сказать, что я скучал по Вике и рвался увидеть ее изо всех сил, хоть мы не виделись уже несколько дней: то я на репетиции или на работе, то Вика в институте подолгу засиживалась – готовила диплом. Если честно, я бы с большим удовольствием отправился домой и поужинал. Но тон ее голоса и редкая для нее немногословность породили тревогу. В конце концов, я считал Вику своей любимой, и если произошло что-то важное, мой долг – это быть рядом с ней.

– Проходи, – тихо произнесла она.

Пока я стягивал куртку и ботинки в прихожей, Вика, облокотившись о стену, разглядывала свои скрещенные руки. На меня она старалась не смотреть.

За приоткрытой дверью в зал было видно родителей Вики – они сидели на диване, в полутьме, поглощенные просмотром какого-то фильма с шумными спецэффектами, и не обращали внимания на движение в коридоре.

Поведение Вики настораживало. Вроде все было в порядке; родители, сама Вика – живы-здоровы. Училась она хорошо, так что волноваться насчет успешного окончания ее образования не приходилось. Может быть, у нее появились проблемы? Что у нее стряслось? Институт? Диплом? Поругалась с предками? Куда-то вляпалась? Беременна?.. Или?.. все-таки решилась? Вопросы разрывали голову, и я даже с нетерпением ждал того момента, когда все прояснится.

Мы вошли в ее комнату. Вика усадила меня на диван, сама села рядом, немного помолчала, собираясь с мыслями, и без прелюдии начала:

– Нам нужно серьезно поговорить...

– Что-то не так?

– Да. В общем... я думаю, нам надо расстаться, – выпалила она.

Любая другая новость удивила бы меня больше. Я с самого начала ожидал этих слов. Не хотел, но ожидал. Поэтому заранее нацепил на себя тонкую противоэмоциональную маску, сквозь которую не только не могли просочиться никакие ослабляющие чувства, но и слова Вики звучали как-то издалека.

Последние пару недель наши отношения стали носить какой-то приятельский, дружеский характер, но отнюдь не любовный. Близость перевернулась в дальность. Я не заметил, когда же переломился ход событий и надеялся, что все вернется в прежнее русло. В прежнее русло события так и не вернулись – оказывается, они скатились по наклонной и врезались в землю. Точка. Знакомый старенький диван, знакомый письменный стол с ноутбуком, цветы на обоях, платяной шкаф, белые занавески, Вика – теперь все это чужое, как будто из другого мира, откуда-то из воспоминаний.

– Есть какое-то серьезное основание? – спросил я.

– Да. Я люблю другого.

– Давно?

– Мы встречаемся почти месяц. Я хотела сказать об этом раньше, но не находила момента. Вернее, попросту не успела. Это было так... неожиданно. Просто какой-то ураган! Мы проводили вместе дни напролет, я совершенно про тебя забыла... Прости, неудобно признавать, что все это происходило за твоей спиной. Но ты и сам виноват – мог бы хоть изредка звонить...

– Значит, ты решила окончательно? – перебил я Вику. Кажется, большую часть ее слов я пропустил мимо ушей. О чем она там говорила? В кого-то влюбилась? Что-то было неудобно признавать? Да ради бога! Я устал и мне неинтересны твои переживания. Избавь меня, пожалуйста, от своих интрижек. Давай уже закончим с этим.

А ведь неделю назад у нас был секс. Получается: она и с ним, и со мной... Меня аж безразлично передернуло внутри – как будто я спал не с ней, а с каким-то волосатым осетином. Я простил бы многое, но не измену.

Вика кивнула, посмотрела исподлобья. А мысли уже трансформировались и потекли совсем иначе. Уговорить ее не делать этого, сказать, что совершает ошибку? Рассказать о том, как она мне нужна? Вика уже все решила и теперь просто ставила перед фактом. Официальная точка наших отношений. Что ж, по крайней мере, это справедливо. Куда лучше, чем узнавать все самому и понимать, сколько лжи было вылит на тебя в последнее время. Или в один прекрасный момент наткнуться на стену из проигнорированных звонков и SMS, а дальше – думай что хочешь.

Сущность каждого человека поделена на два противопоставленных полушария: кто-то называет их левым и правым, кто-то – ангелом и чертом. Я же, вдохновленный одной индейской легендой, звал своих черным и белым волками. Этот миф рассказывал о борьбе людей со стаей черных волков, в которой племя индейцев видело свои негативные черты и нарекало «злом», но чем дольше продолжалось противостояние, тем больше и опытней становилась волчья стая. Однако и сами индейцы преображались в борьбе, закаляясь и телом, и духом. Племя желало победы, но война грозила продолжаться вечно. Тогда старый шаман посоветовал людям прекратить эту борьбу и обратить внимание на белых волков – и черная стая, действительно, была побеждена.

Я не разделял мнения индейского шамана и кормил, давал волю обоим волкам. Они грызлись между собой, крепили, и в этом противостоянии закалялся и я. Но предполагал, что однажды тонкая граница между двумя возросшими силами – то есть я – когда-нибудь рухнет под натиском моих волков и тогда начнется последняя, грандиозная битва двух зверей за право именоваться истинным мной.

Два разных мнения, два противоположных волка столкнулись во мне, начав своеобразную битву, и я не знал, как стоит поступить.

– Мы могли бы поговорить об этом и в подъезде, – нарушил я молчание безразличным тоном. На секунду на лице Вики появился виноватый оттенок. – Совсем не обязательно было меня сюда тащить ради одной этой фразы...

– Чуть не забыла! – вдруг воскликнула она. Затем встала, подошла к платяному шкафу и вытащила из-за него гитару в черном демисезонном чехле. – Спасибо, что дал поиграть, но с музыкой у меня все-таки проблемы...

– Я же говорил, что с таким маникюром за гитару можно и не братья, – сказал я, взяв гитару за гриф.

Но Вика не отпускала чехла. Ее лицо внезапно изменилось: холодная гримаса приобрела нежные черты, острый как ледяная бритва взгляд стал печальным, а на губах ее возникла едва заметная улыбка.

Вика, моя улетающая птичка, протянула ко мне свободную руку, положила на плечо и подалась вперед. Оцепенение спало, когда кончики наших носов уже готовы были встретиться. Я отпрянул от Вики, а к ней вновь вернулось это суровое выражение лица. Вика отпустила гитару.

– Если разрывать, то сразу, – выговорил я, отводя взгляд. – Сжигая мосты и прочее в том же духе.

– Иди, – сухо рубанула Вика. В ее взгляде читалось не столько озлобление, сколько обида – казалось, она ожидала от меня совершенно другой реакции.

Входная дверь – дверь в прошлое – хлопнула за мной, и я остался один на лестничной площадке. Хватка черного волка ослабла, я будто вынырнул из омута. Там, за декоративной металлической дверью, еще слышны были глухой шум спецэффектов из телевизора и голос Вики, отвечающей что-то родителям. Прошлый мир, старый мир, мир с Викой, куда отныне вход для меня закрыт, и понимание этого пробуждало то ли чувство одиночества, то ли свободы.

Последние зимние объятия еще держали в холоде городские улицы. Белые проплешины грязного снега робко напоминали о той пышной поре ослепительных дней и морозов, но теперь вызывали только чувство раздражения. Серое небо не обещало ничего хорошего. А я – наоборот: был свободен и полон радостных перспектив. В конце концов, теперь не придется тратить на Виду деньги и у меня появится больше времени для творчества.

Музыка – вот чем я занимал свободное от рабства в магазине время. Три месяца назад в недрах славного города Невинки начала свою деятельность команда музыкантов, взявшая себе неприметное имя «Скальд». Так же как и наши польские тезки «Skaldowie», группа «Скальд» специализировалась на балладах, исковерканных ритмом тяжелого фолка или folk-metal. Так что жизнь моя сплошь состояла из музыки: днем я торговал музыкальными компакт-дисками, вечера проводил на репетициях во «Дворце культуры имени Горького».

Еще год назад я был студентом «Политехнического института», готовился к карьере технаря на каком-нибудь предприятии города, и думать не думал перенести сферу своей деятельности в область искусства. А затем какая-то невидимая рука толкнула меня в правое полушарие человеческого сознания, где я утонул глубоко и прочно.

В довольно просторном помещении, размером в школьную аудиторию, царил загадочный полумрак – лишь несколько лампочек освещали комнату. Вдоль стен громоздилась пыльная аппаратура: колонки, усилители, бобинный проигрыватель, синтезатор «Yamaha», барабанная установка неизвестного производства, коробки с кассетами и грампластинками «Мелодии», микрофонные стойки и пюпитры и еще куча всякого хлама. Бетонные полы устланы проводами, покрытые вековой пылью жалюзи плотно, а может и намертво, сомкнуты, отгораживая обитель искусства от мирской суеты.

Этот предназначенный для старой аппаратуры закуток был арендован у администрации «Дворца культуры имени Горького» с тем уговором, что репетиции будут проходить либо вечером, либо рано утром, когда грохот нашей музыки не будет отвлекать местный персонал от своих непосредственных театрально-художественных обязанностей. Конечно, такое соседство предусматривало не только временные, но и децибельные рамки: пошуметь как следует нам бы не позволили.

Когда я пришел на репетицию, почти вся команда была уже в сборе, настраивалась, проигрывая разные мелодии, большей частью придуманные на ходу. С каким-то нездоровым энтузиазмом регулировали эквалайзер, отчего стало понятно: Алекса еще нет – он такого варварства не допустит.

– Привет всем, – перекикивая общий шум, возвестил о своем присутствии я.

Тут же раздалась приветственная барабанная дробь за установкой, венчавшаяся коротким звоном тарелки, – это Игорь. Человек он немногословный, часто угрюмый, но от барабанов не оторвать, даже когда нет поблизости установки, обязательно найдет что-нибудь гулкое и звонкое. Или просто отбивал ритм на коленях или столешнице, когда руки больше ничем не заняты. Вообще Игорь для нашей группы был настоящим подарком: не так-то легко найти барабанщика, тем более толкового, – никто не хочет быть тем парнем, который постоянно сидит на стуле за установкой, откуда его красивого нифига не видно. А Игорь – он был прирожденным «тарабанщиком». Это был низкий, коренастый паренек с темно-рыжими волосами, накрывающими уши. Иногда Игоря можно было спутать с гномом.

Ребятам нравилось, чем все мы здесь занимались. И если бы не Алекс, мы бы так и не нашли друг друга. Шатались бы где-нибудь по улицам со своей подъездной романтикой, а затем и вовсе забросили инструменты в чуланы накапливать пыль.

Сам же Алекс – сокращенно от Алексей – был довольно грамотным музыкантом да и человеком в общем. Окончил музыкальную школу, затем «Ставропольский колледж искусств», чем остальная группа похвастаться не могла – музыке обучались сами, практически с полпинка от доморощенных учителей: даже обычный нотный стан казался нам таинственной и запутанной эльфийской вязью. Алекс собрал группу три месяца назад, кого добровольно, кого силой или даже хитростью, потому как некоторым товарищам такая затея показалась заведомо неудачной. Алекс выискивал по друзьям, знакомым, а кто попался и случайно – Сергей когда-то промышлял игрой в подземном переходе, где его и «взяли».

– О, торгаш явился! – откуда-то из-за колонок прокричал Дима – бас-гитарист.

Это единственный человек, которого я знал дольше всех. Когда-то в детстве по двору вместе гоняли, скучали за одной школьной партой. Но вскоре как-то перестали видаться, разошлись по разным ВУЗам, и только теперь, попав в общую сборную, возобновили нашу дружбу. Хотя дружба – сильно сказано, мы были слишком разные в представлениях о мире: мне он представлялся в менее приземистых и пошлых тонах. Однако товарищеская симпатия все же имелаась. Дима отличался разнообразием причесок, которыми раз в месяц одаривал свою голову, и неизменным наличием фенек на шее, запястьях, пальцах и ушах, стараясь изобразить сходство с Джеком Воробьем. Извините, капитаном Джеком Воробьем.

– Купец, – огрызнулся я в шутку. – Что-то начальство опять запаздывает, – заметил я после рукопожатия с музыкантами. Заниматься пустой болтовней, обычно сопровождавшей наши посиделки, в этот день категорически не хотелось. У меня все зудело от жажды действовать.

– Насяльника не запасывает, насяльника задеззивается, – копируя знаменитого персонажа Михаила Галустяна, отшутился Сергей.

Сергей вырос в довольно зажиточной семье владельца небольшой сети гастрономов, этакий буржуа в нашем кругу, хотя занятие отца его мало интересовало. Месту в университетской аудитории Сергей предпочел воняющий мочой подземный переход, где исполнял на гитаре на радость прохожим, что еще больше отдалило его от перспективы «стать нормальным человеком». Сергей был среди нас настоящим красавцем, мечтой любой первокурсницы: ни худой, ни толстый, ни высокий, ни низкий, ни лысый, ни заросший, ни качок, ни задохлик. И благодаря своему причастию к «олигархическим» кругам города, но старательно отрешивающийся от них, – ни богатый, ни бедный. Этакая блеклая середина женских вкусовых рецепторов. Если Алекс был грамотным музыкантом, то Сергей являлся грамотным творцом – именно на его счету было подавляющее количество мелодий и рифмов. Можно сказать, Сергей занимался музыкой, Алекс – аранжировкой, я – текстами.

– Негоциант, – запоздало прибавил Дима, и, не найдя в моем лице поддержки для дальнейшего словесного поноса, потупился и вернулся к своему занятию.

Все мы здесь чем-то жертвовали ради музыки. Уделяли ей больше внимания, чем своим личным делам. Даже работали в последнее время только для того, чтобы закупить хорошие инструменты, улучшить звучание, оплатить аренду. В этой комнате мы утоляли свой голод, получали дозу наркотика, спасали свои души от рутины. Мир заканчивался по ту сторону жалюзи и плотно захлопнутой двери.

Пока Дима и Сергей возились с примочками, вытягивая из гитар самые разнообразные звуки, я расположился на подоконнике и стал ждать. Занятие гитаристов меня мало интересовало, я отвечал за вокал и большую часть текстов. Без Алекса обычно не начинали, ожидание несколько остудило мой пыл и в придачу наградило мрачными мыслями.

Вике не нравилось, когда я уходил на репетиции. Она побывала здесь всего один раз, сначала с любопытством глядела на наше занятие, а через некоторое время на лице ее появилась недовольная гримаса. Уже потом, когда я провожал ее домой, Вика назвала нас прожигателями времени, дилетантами и прочим в том же духе. Сначала я думал, что она попросту ревнует, что я провожу вечера не с ней, а в компании «отмороженных неформалов». Вика была категорически против моего нового увлечения, ей до тошноты не нравилась наша музыка, но свою убедительную точку зрения она не могла составить, пока в одном журнале ей не попала статья о рок-музыке. Вкратце выглядела она так:

«Когда-то рок в России был инструментом культурно-политической оппозиции, нишей отчаянных и свободных. Затем, когда рокерам объявили о свободе самовыражения, оппозиция на время умерла. В котле идеологического хаоса перестройки было непонятно, против чего стоит бунтовать.

Но выход скоро нашелся: сражаться стоит против попсы – не просто как направления в музыке, а вообще с любой популярностью, стандартностью. Появилась прослойка неформалов, своим пестрым видом сигнализирующая нечто вроде: «Смотрите на меня! Я не такой, как вы! Я не хочу быть в стаде! Я могу плевать на мораль, традиции и ваше мнение! Смерть попсе!». Таким образом, несогласные со стадом объединились в свое отдельное стадо.

Естественно, стадо это вскоре подросло, сломалось под тяжестью мнений, стыдливо откристилось от своих прежних увлечений, и на свет появилось нечто новое, еще хранившее отпечатки предшествующих стадий эволюции рока. Это новое синхронизировалось с социально-культурной жизнью общества, все еще плюется в сторону гламура и гомосексуалистов, однако не так ядовито, как прежде. «Тьфу на вас! Живите как хотите!» – вот лозунг современного *пушистого* рока.

И пока непонятно, кому и чему, собственно, следует создавать оппозицию, рок все больше перекапывается в область фольклора и фэнтези. Там он сражается с воображаемыми друзьями против воображаемых врагов.

Бурная молодость рока прошла, он вышел на пенсию и меркантильно подсчитывает каждую копейку. Симпатичные напевы команд вроде «Lumen» и «Louna» с их расплывчатой антисистемной философией не могут утолить голода борьбы, они движутся скорее по инерции из лона старого рока, чем создают что-то сознательно. Потому что, во-первых, до конца не понимают, что такое система, во-вторых, как найти выход из этой системы, и, в-третьих, куда выходить из этой системы. Из системы можно выйти только в систему, а не в пустоту. А чтобы выйти в систему, нужно ее сначала построить.

Рок всегда был тесно связан с политикой и обществом. Феодализм и монархия ушли в прошлое, социализм пережили, демократия не может удовлетворить требованиям народа. Что дальше?... Переливать из пустого в порожнее, громко горланить со сцены научились многие. Создать что-то новое по примеру первопроходцев рока, поразить этим весь мир – пока этого сделать не может никто».

Мнение Вики заключалось в следующем: если ты пишешь стихи, то обязан быть Пушкиным, если играешь на гитаре – Джо Сатриани. Если ты хоть на ступеньку ниже – то и браться не стоит. Но меня больше задела не сама ее слова, а то, что Вика так категорично препятствовала моему увлечению. Чтобы лучше понять мое поведение во время расставания с Викой, я сообщу, что когда-то дышал только ей и музыкой, а попытка отнять у меня музыку была равносильно ампутации одного легкого, причем самого жизненно необходимого.

Этот эпизод со статьей всплыл в моей памяти, будто последняя насмешка Вики. И что самое противное – на меня эта насмешка подействовала.

Рок мертв. Попытка встряхнуть его равносильна эксгумации.

Неужели я не там, где должен находиться?

В ответ тишина.

Куда мне следует идти?

Опять тишина. Ответы не всегда приходили вовремя. И до некоторых ответов нужно было просто дорасти.

Эта репетиция оказалась самой провальной из всех предыдущих. Воодушевление, желание вломить тяжелого металла, да так, чтоб треснули стены, куда-то пропало после моего осознания бессмысленности всей этой затеи. Музыка, которую транслировали старые колонки, была отвратительной, собственные стихи звучали как набор пустотелых слов. Кажется, мое настроение передалось остальным членам команды – и вся игра пошла наперекосяк.

Наверно, думал я, мы все-таки хорошая команда, раз чувствуем и понимаем друг друга. Однако это уже не имело никакого значения. Наша группа сто раз вторична и обречена на скорую смерть. Фальшь, внезапная слабость, отсутствие желания превратили репетицию в настоящую каторгу. Уже не людям – стенам ДК стала отвратительна подобная музыка: в девятом часу вечера вдруг погас свет, и нас окунуло в черную тишину. Подсвечивая путь телефонами, мы добрались до вахты, где нам сообщили о проблеме с трансформатором, и разошлись по домам.

Автобусы и маршрутки к тому времени уже не ходили, тратить на такси я не стал, хотя дорога домой была не близкой и занимала около часа ходьбы. Наш город в девять часов вечера, за исключением летнего периода, уже начинал потихоньку засыпать. Я шел по безлюдной улице, освещенной фонарями и скупыми витринами в сторону городского парка, и что-то едкое бурлило в груди: я старался потопить в себе какое-то чувство, расходуя силы, укрываясь позитивом, но чувство это настойчиво старалось всплыть.

Как долго мы с тобой не разговаривали. Наверно, ты уже забыла про меня, Тьма?

Глава 2

Я рос довольно закрытым ребенком, несмотря на то, что охотно плавал в общественном социуме: мне нравились командные игры на физкультуре, я любил принимать участие во всяческих школьных мероприятиях и целыми днями пропадал во дворе. Но никогда и ни перед кем не открывал своего внутреннего мира, считая это место священным и предназначенным лишь для меня одного.

Наверно, это был такой способ маскировки, чтобы никто не заподозрил во мне чего-то, не присущего человеческому роду. Я боялся, что родители откажутся от меня, посчитав странным ребенком, бросающим тень недоверия к их социальному месту. Я боялся потерять друзей и сделаться мишенью для насмешек. Меня пугала мысль об изгнании, хотя желание одиночества невыносимо ныло в груди, выманивая из кипучего города на простор сельскохозяйственных полей и узкую полосу леса вдоль реки Кубани.

Короче говоря, я с детства жил больше на небе, чем на земле. В прямом и переносном смысле. Но крепче всего манило звездное небо.

И однажды, лежа на крохотном плоту-Земле, дрейфующему посреди Океана Вселенной, вдали от фонарей, окруженный лишь несмело переговаривающейся темнотой летнего поля, я созерцал звездное небо и неожиданно сознанием провалился в его глубину. В тот момент я перестал быть на своей планете. Сила притяжения как будто иссякла, или почва подо мной вдруг провалилась, а я остался висеть в тех же вселенских координатах.

Я парил где-то в необъятном, черном, украшенном соцветиями звезд пространстве. И это пространство больше не было двухмерной картинкой романтического фотографа или астронома. Это был Космос, с его глубинами, расстояниями, с его движением, силой и загадками, недоступными никогда человеческой расе, ибо чтобы добраться до этих тайн уйдет не один срок, предназначенный людской цивилизации...

Тогда я понял ее – Тьму. Я условно так назвал Ее, потому что видел только мрак с россыпью искр. Слово «космос» не подходило, так как обозначало лишь какое-то пространство, скорее «Вселенная» – это чуть ближе, но тоже не то. Даже свет, излучаемый звездами, электрическими лампами, кострами в глухом лесу – весь он был только ничтожной частью огромной Тьмы.

Спустя какое-то время я задал себе вопрос: неужели эта Жизнь, эта Тьма движется, трансформируется сама по себе? Что, какие силы ведут этот колоссальный механизм? Управляют им, следят за порядком. Многие ответили бы мне, что это Бог. Но что за Бог? Иисус, Будда, Тласольтеотль?.. Если Бог один, то почему у него столько разных имен? Нет, религия не может быть истиной. И эти персонажи не имеют никакого отношения к Богу, кроме того, что их так называют. Если бы муравей захотел изобразить человека, он нарисовал бы невероятно могущественного муравья, живущего на верхней ветке самого высокого дерева на поляне.

Я уже имел тогда представление о религиях, как о некоторой национальной идее, как о человеческом вымысле, созданном для осмысления своей жизни, которое накатывалось снежным шаром и превращалось сначала в ниточки для управления государством, а затем в бизнес.

И тогда мне пришло в голову такое слово – «судьба». Конечно, эта движущая сила – Судьба! Но не в классическом диктаторском варианте. Судьба – огромный локомотив, тянущий за собой все остальное. Она движет всеми цепочками жизней, не только органических, но и неорганических, ведь, в сущности, Жизнь не ограничивается только биологической формой. Эти жизни сходятся вместе случайным образом в зависимости от вектора направления и угла, под которым они отскакивают друг от друга при встрече.

Такая модель Судьбы напоминает бильярдный стол, где шары – это не только физические субъекты вселенной, но и такие эфемерные, как мысли или желания.

Разумеется, эти умозаключения тринадцатилетнего подростка могут показаться несерьезными, только спустя много лет Тьма открыла для меня настоящий облик Действительности. Но и этого хватило, чтобы пробить крохотную брешь в яйце традиционного мировоззрения.

С тех пор я стал внимательней к окружающему миру и заметил, что он способен общаться: сначала я воспринимал это с помощью знаков, потом научился эти знаки перекодировать в слова. Тьмой я стал называть своего незримого собеседника, сохраняя верность недавнему открытию. (К тому же это загадочное слово было для меня жутко соблазнительным из-за неприязни подавляющего большинства ко всему, что не относится к продукции религиозной попсы.) Тьма стала моим гидом, я словно впервые изучал окружающий мир, получал новые знания и поражался их простоте и доступностью.

Вопросы мои носили очень обширный характер: от психологии до астрофизики, – и не все ответы были до конца ясны. Но вопреки ожиданиям я не стал всезнайкой, способным вот так вот запросто выложить всех джокеров истинного порядка вещей. Мой мозг был подобен маленькой флешке, время от времени подключавшейся к огромному *харду* вселенского знания, и это давало значительные ограничения в хранении информации. В памяти перемещались данные из всевозможных источников, так что разделить истинные от ложных зачастую было довольно трудно. К тому же огромное количество знаний попросту забывалось ввиду невостребованности, точнее – путь к ним терялся в нагромождении миллиарда файлов.

Для того чтобы знать все обо всем необходимо было иметь постоянное подключение к Тьме, но поговорить с Ней получалось только в определенных условиях. Зачем в таком случае мне нужна была Тьма? Она была моим единственным другом, общение с Ней я расценивал как развлечение, недоступное остальным.

Случалось и такое, что ответа на какой-то вопрос я не мог понять из-за особенностей своего физического состояния. Например, человеку невозможно стать деревом или облаком и оттого некоторая информация, касающаяся этих форм жизни, просто теряет свой смысл.

Существовали и другие ограничения. Тьма называла недоступность некоторой информации и вследствие этого возникающие ограничения в возможностях человека «социальной блокировкой».

Чтобы получить полное сверхзнание от сверхразума, необходимо обладать сверхпониманием. Тьма говорила, что каждый человек рождается с какими-то способностями, даром, и что эти способности идут вразрез с политикой общества, что вынуждает его приглушать индивидуальный импульс человека, а то и вовсе резать на корню, оставляя лишь однотипные болванки, способные обеспечить сохранность доминирующей формы социума. Единственный способ снять блокировку, говорила Тьма, это родиться заново.

Использовать такую необычную способность в коммерческих целях я не стал – мешали совесть и недостаток опыта. Чем больше я выросл, тем слабее становилась моя связь с Тьмой. Сначала меня социализировал институт, а затем в моей жизни появилась Вика. Голос Тьмы затуманился, и со временем я почти перестал взывать к ней, делая это лишь автоматически в слабой надежде на ответ.

Следующую рабочую неделю я провел очень активно. Никогда раньше коллеги не видели во мне столько энтузиазма, такой четкости в действиях и ясности головы. Дело в том, что в это время моя голова впервые за несколько месяцев была свободна от творческих раздумий, от грез о блестящем будущем, и вообще я старательно выращивал желание больше никогда не заниматься музыкой. Я решил, что больше не явлюсь на репетицию. Это пустая затея и с ней надо кончать. Это хобби, которое уже не приносило удовольствия,

а только пожирало уйму ценного времени и денег. Лучше посвятить это время реальным вещам: достигнуть успехов на работе, получить дополнительное образование или найти какую-нибудь подработку, чтобы взять квартиру под ипотеку. На телефонные звонки Алекса и других музыкантов я не отвечал.

Но пятницу я закончил утомленным и неудовлетворенным, что еще больше подпитывало ощущением пустоты происходящего. Оказалось, что и здесь никому нафиг не нужна моя энергия. Наградой за хорошую работу будет еще больше работы, это аксиома. Конечно, существуют рабы, готовые с радостью отдавать свою жизненную энергию хозяину, но в тот день я понял, что такая жизнь не по мне.

Если раньше я полагал, что разрыв с Викой станет для меня настоящим подарком, то теперь мое мнение изменилось – в какую-то неопределенную сторону. Вектор пути надломился и указывал в неизвестность.

На улице цвел ласковый вечер, Солнце катилось в горизонт по рыжим облакам, теплый ветер умывал лицо. Новорожденная весна выманила горожан из затхлых квартир на все еще серые, с зелеными вкраплениями редкой травы, но уже прогретые Солнцем, улицы. Это время встреч, но не расставаний. Охладевшие за зиму сердца требовали романтики и приключений. Потому город как-то быстро налился детскими голосами, похожими на пение птиц, тинэйджеры и старики облепили скамейки у подъездов и под беседками, счастливые мамы катили коляски в сторону парка, а выпитые работой отцы брели домой к «танчикам».

Мы часто ходили с ней этой дорогой: я с магазина, Вика – из института. Благо, эти заведения находились на одной улице. Вика, как правило, заканчивала раньше, и тогда приходила ко мне на работу, ждала, пока я освобожусь. Иногда она одиноко пряталась в уголочке с учебниками, иногда наоборот – нарочито мешалась, развеивала, как могла, унылую рабочую рутину. Славные были времена.

А если я все-таки ее увижу и пойму, что между нами действительно все кончено, о чем мы будем с ней говорить? Многозначительно молчать? Или начнем выяснять отношения? Наверно, будет лучше вовсе не видеться с ней.

Волки, почуяв поле для споров, снова затеяли свою возню.

Грустно, когда сказка кончается, и мы осознаем, что вокруг еще полно людей, имеющих свои страсти, мысли, планы, стремления. И что не в силах одного человека прокатывать свою колею, не обращая ни на кого внимания, и думать, что это навсегда. Когда рождаются отношения между людьми, возникает единство. Это костер во мраке, зовущий к себе, к людям, которые уже сидят вокруг него, и с радостью принимают тебя погреться вместе. Жаль только, костров этих много, и неважно, сколько собралось вокруг каждого, десяток или только двое, и никто не может собрать очаги воедино, дабы не кочевать от одного к другому. И когда распадается это единство по тем или иным причинам, расходятся по другим кострам, огонь гаснет, оставив последнего оставшегося в полной темноте одиночества...

Что мне сделать, чтобы все вернуть?

Я не ожидал услышать ответа. Но сейчас Тьма была единственным существом, с которым я бы стал разговаривать. Кажется, мелкий, раздавленный человечек Ей стал больше неинтересен. Я общался с Тьмой так же, как другие говорят со своим богом, и так же, как и у них, у меня не было стопроцентной уверенности в существовании своего покровителя. Если бы эта уверенность была стопроцентной, ее никогда не называли бы «верой». Я говорил без надежды на ответ, но желая быть хотя бы услышанным.

Дай лишь взглянуть на нее. Одну минуту. Дай почувствовать, что этот день не прожит зря...

Я заметил Вику на автобусной остановке и замер, боясь спугнуть видение. Если оно упорхнет, растает в вечернем сумраке, это станет катастрофой. Но видение осталось на

месте, даже наоборот – повернулось ко мне. Вика приветливо улыбнулась. Что-то теплое вдруг засветилось внутри. Отголосок надежды.

Это был первый признак того, что Тьма вышла на контакт.

– Привет, – сказала Вика, когда я подошел ближе.

– Привет, – едва сдерживая ликование, ответил я. Ликование – но не радость. Черный самовлюбленный зверь во мне сейчас праздновал свою победу, наслаждаясь Викиной улыбкой. Другой же волк в этот момент, проиграв свой раунд, закрался в темный угол и грустно скулил из него.

– Как твои дела? – развязал я неловкую паузу. Было совершенно непонятно, о чем нам сейчас стоит говорить.

– Хорошо. – В глаза мы друг другу так и не смотрели, отягощенные своими мыслями. – С учебы вот возвращаюсь...

– Автобус ждешь? – задал я глупый вопрос.

Вика кивнула, но озадачено поглядела по сторонам, будто опасаясь, что нас увидят вместе.

– Мне на ту же маршрутку, что и тебе, – напомнил я. Мы действительно жили в одном районе.

– Я Антона жду, мы вместе поедem, – как бы извиняясь, сказала Вика. Только что ликовавший зверь приумолк, в его взгляде появилось недоумение – белый вынул нос из своего убежища и схватил противника за хвост, чтобы утащить подальше от меня.

– Хочешь розу? – неожиданно спросил я, остановив взгляд на цветочном магазине, расположенном недалеко от остановки.

– Хочу, – в момент отреагировала Вика.

– Я сейчас!

Чуть ли не бегом я нырнул в цветник, опасаясь, что Вика уедет, пока я буду медлить. О ее новом друге – Антоне – я в этот момент совершенно не думал, мне безудержно хотелось сделать Вике подарок. Вернее, это был даже не подарок, а послание о том, что Вика все еще нужна мне. Черный волк самодовольно облизнулся, ошибочно приняв мой поступок за свою победу.

– Спасибо, – сказала Вика, принимая красный цветок, который озадаченные моей спешкой продавщицы не стали украшать. И вдруг искорки в глазах Вики померкли. – Ой!..

Я проследил за ее взглядом и увидел паренька, с широкой улыбкой приближавшегося к остановке. И чем ближе он подходил, тем уже улыбался. Сначала Антон заметил меня, затем цветок в руках Вики, его лицо помрачнело, выступили черты решимости. Человек этот показался мне знакомым, кажется, он встречался мне в институте, где училась Вика.

– Привет, Антоша! – светло улыбаясь, но без особой радости, сказала Вика. Антон ничего не ответил, бросил на меня угрожающий взгляд и вопросительно указал на цветок:

– Откуда роза?

Вика посмотрела на меня, ища поддержки, затем перевела взгляд на Антона и, не моргая, приоткрыв рот, уставилась на него. Не нужно быть большим специалистом по психологии, чтобы понять – сейчас Вика начнет врать.

– Я подарил, – сказал я, чем поставил Вику в неловкое положение, но оградил ее от назревающей паутины лжи.

– Я думал, вы обо всем уже договорились. Ты мне сказала, что не хочешь больше видеть этого человека. – Хоть эти слова и были адресованы Вике, но смотрел Антон на меня. – Ну и? А это что значит? Что ты молчишь?

– Антош, успокойся... – лепетала в ответ Вика.

Но Антон ее не слушал. Он повернулся всем корпусом ко мне и встал почти вплотную. Будь Антон чуть старше, он вел бы себя немного сдержанней, но молодая кровь искала

возможности проявить себя, не считаясь ни перед прохожими, ни перед Викой, ни перед самим Создателем. От него веяло угрозой, но я, не отличавшийся особенной храбростью, не воспринимал Антона как противника. Передо мной стоял вор, укравший мою Вику, следовало бы спустить на него всех своих волков, но они, в первую очередь черный, повели себя довольно странно.

– Я не собираюсь тебя делить с кем бы то ни было. Либо ты со мной, либо с ним. А если ты с ним, я ему рожу раскрошу и пойду по своим делам! Выбирай!

– Антон, не горячись, я тебе объясню...

– Ты смотри, какой ранимый, – смеялся я, подливая масла в огонь. Я смеялся не от страха или нервного напряжения, меня рассмешила сама сцена происходящего – я представил себе, как это выглядит со стороны, будто стоял в отдалении и наблюдал за драматичным спектаклем. А актерам, играющим для меня эту пьеску, происходящее казалось настолько значительным и реальным, что они забыли истинную свою сущность и целиком погрузились в представление.

Антон мое поведение совсем вывело из себя – он не мог позволить мне смеяться над собой. Кулаки его сжались, на лице нарисовалось странное агрессивное выражение. Он был готов вот-вот ударить. Вика была готова вот-вот повиснуть на Антоне.

Всякое представление имеет не только действующих лиц и зрителей, но и режиссера. Именно в его власти нарушить композицию спектакля, вывести актера из общей искусственной сферы бытия, дать ему задание или изменить характер поведения. Режиссером вправе стать любой, покинувший пределы представления. Именно режиссером я почувствовал себя в тот момент. Вика и Антон стояли на сцене, а вокруг нее на периферии зрения или мировосприятия проявилась новая картина: я увидел целую сеть из разноцветных нитей, паутиной опутавшей пространство. Некоторые нити тянулись к актерам на сцене, цеплялись за руки, голову, ноги, отчего те походили на марионеток. Можно было дернуть за нить – и актер послушно исполнит приказ. И я приказал Антону замереть.

– Антон? – спросила Вика. Роза выпала из ее руки, и Вика, не заметив, наступила на нее каблучком.

– Он тебя не слышит, – произнес я голосом, едва похожим на мой.

– Что... – начала было Вика, прижимаясь к безвольно висевшей вдоль туловища руке Антона. Антон застыл, будто манекен, посреди улицы, но внимания на это никто из прохожих не обращал.

Она в любом случае выберет не тебя, а его, – шептал мне на ухо черный волк, – так зачем стараться? Отомсти ей – только так ты заполнишь свою пустоту.

Дай Вике свободу выбора, – по-своему вторил противнику белый. – Насильно мил не будешь. Отпусти ее. Поблагодари за все, а затем иди своей дорогой.

– Когда мы были моложе, мы клялись вечно любить друг друга. Конечно, это было глупо, теперь я понимаю. Но тогда это выглядело таким простым и реальным... Сейчас, наверно, так больше не говорят. Люди стали рано взрослеть, оставаясь при этом детьми. Они трезво и расчетливо видят, что клятва такая бесполезна, потому и огораживают себя от лишних надежд. – Вика испуганно слушала меня, время от времени дергала Антона за рукав и, казалось, не понимала того, что я говорил. – Да, многое меняется в жизни... И клятвами не стоит бросаться просто так. Наверно, ты уже забыла о ней или просто не придаешь значения подобным вещам.

Я знаю, Ты сейчас со мной. Освободи меня.

Внезапный порыв ледяного ветра согнал тучу сидящих на ветках ворон. Сотня крыльев зашуршала в воздухе, небо заполнилось карканьем, придавая что-то зловещее атмосфере вокруг.

Происходящее пугало меня не меньше, чем Вику, но я был хладнокровен, будто убеждал не столько ее, сколько себя, – так и должно быть, это в порядке вещей. Я понял, что теперь моя жизнь не будет связана с Викой, моя жизнь обещала мне нечто новое и глубокое, и я должен был туда шагнуть сам. Выбор сделан, фигуры встали на свои новые места и кто-то должен был сделать первый ход.

– Мы, наверно, уже никогда не увидимся, – сказал я Вике. – Прощай.

– Ты уезжаешь? – Вику эта новость заставила позабыть о своем новом друге, она отстранилась от руки Антона и удивленно-испуганно подалась ко мне. – Куда?..

– Уезжаю, – кивнул я. А потом, заметив реакцию Вики, добавил: – Нет, пока не уезжаю. Но я не хочу тебя больше видеть. Всего доброго.

Глава 3

Я брел по набережной, отрекшись от всего на свете. Мир вокруг стал каким-то чуждым, новым и... понятным.

Исчезала привычная картина окружающего – теперь вместо единого целого раскрывались отдельные мазки, отдельные детали и каждая из них имела свою силу и свой вектор. Больше не было хаотичного движения этих векторов – все они оказались сложным, но понятным вселенским узором.

Тогда я еще оставался в мировосприятии человека, но это восприятие будто треснуло и через трещину глядело на меня нечто новое – скрытый механизм за кулисами театральной сцены. Я ощущал себя птенцом, пробившим узкую щель в скорлупе яйца. И только что пережитое событие больше не выглядело таким пугающим и непонятным.

Вместе с приходом нового мира, я осознал, что потерял старый. Я перестал цепляться за людей так, как делал это прежде. Друзья и семья теперь не были такими близкими как раньше – хотя бы потому, что находились в какой-то ограниченной сфере мировосприятия, тогда как моя расширилась до невообразимых размеров. Вход в мой новый мир для них был недоступен, возвращаться в старый у меня не было желания. Понимание этого вызвало ностальгию, но жажда увидеть большее тянула вперед.

Погода, словно чувствуя мои мысли, резко изменилась – воздух посвежел, крепнувший холодный ветер нагнал на небо темные тучи. Казалось, вот-вот грянет гроза – эффектная кульминация вечера, словно саундтрек к жизни человека.

После работы я обычно залезал в интернет, находил там какой-нибудь фильм и таким образом коротал остаток вечера. Сегодня все было по-другому. Как-то машинально, неосознанно, погруженный в глубокие мысли, я включил компьютер, принялся гулять по сайтам, абстрагируясь от своих действий. Перед глазами мелькали постеры, но ни один из них так и не сумел зацепить моего внимания. Через полчаса бессмысленные прогулки по информационной сети мне порядком надоели, глаза устали, а перегруженная голова просила отдыха. Я лег на диван, включил музыку в MP3-плеере и закрыл глаза.

Перед закрытыми глазами неожиданно возник образ Вики, хотя до этого мои мысли были далеко от нее. Она улыбалась и выглядела счастливой, отчего в груди у меня заныло – она была счастлива, но не со мной.

Какое-то время я смотрел на нее, следил за ее движениями, словно Вика была живой, а не плодом воображения. Подсознание нарисовало ее так четко, во всех деталях ее внешности и характера, что легко можно было обмануться. Вика превратилась в образ, воспоминание, которое уже никогда не изменится.

Изменилась настоящая. Возможно ли, чтобы все, что мы говорили друг другу, оказалось обманом? Или мы были такими только ради друг друга? А оказалось, что мы вовсе не те? Или мне хотелось видеть ее такой? А теперь мы просто образы, фотографии, оставленные неизменными на память...

Грянул гром – и я вздрогнул. Оказалось, я заснул на несколько минут, но этого хватило, чтобы выспаться и отдохнуть. Та пустота, гнетущая меня несколько дней, исчезла – ее заменил прилив новых сил, но не физической энергии, а какой-то внутренней.

В наушниках все еще мурлыкала гитара, приятный голос Хелависы пел о королеве, которой, возможно, и не существует на свете. Когда успел пройти дождь – я не заметил, но на окне до сих пор играли блики молний.

Была уже ночь. Тишина поглотила город, так что любой шум во дворе казался преступлением, а рев сигнализации – и вовсе святотатством.

Какое-то время я бродил по сонной квартире, не зная чем себя занять. В четырех стенах было тесно, и я как-то неожиданно оделся и вышел на улицу. Это произошло так естественно, словно я каждый день гулял под луной.

На улице было холодно и сыро, в лицо дул противный ветер с острыми каплями дождя. Казалось бы, какого черта делать в такую погоду, не лучше ли вернуться домой и нормально поспать в теплой постели? Но нечто неуловимое, какой-то зов тянул меня вперед, я не совсем соображал, что делаю и куда иду, происходящее казалось продолжением сна.

Ноги вели меня по пустынным улицам сквозь непроглядный мрак – фонари не горели, их выключали часа в три ночи для экономии электроэнергии. Сверкало от далеких молний небо, луна еле пробивалась сквозь завесу туч.

Я нырнул под дырявый, еще лишенный листвы, свод деревьев Фабричного парка. Голые тополя с необъятными, старыми стволами недовольно закричали, а меня пробил озноб – не то от холода, не то от жути происходящего. Я шел медленно и осторожно, боясь наступить на хрусткую веточку.

В парке, совсем недалеко от меня, был кто-то еще. Я почувствовал это и свернул с аллеи, продолжая идти в направлении зова. В другое время я бы пожалел, что в кармане нет хотя бы газового баллончика, но сейчас он был не к чему – я удостоверился, что Тьма куда более серьезное оружие. Однако границы и сила этого оружия были еще неизведанны, так что следовало быть начеку.

Наконец послышались голоса – где-то в гуще деревьев. Я направился туда. За деревьями открывалась поляна с расставленными по периметру скамейками, бесцеремонно принесенных сюда с аллеи. Причем стоит удивляться тому, насколько сильным было желание доставить сюда общественные сидалища, ведь на своих положенных местах ножки скамеек были залиты бетоном, а наиболее древние из них давно утонули под слоями асфальта. Скамейки образовывали какой-то многоугольник, в середине фигуры пылал яркий костер – его пламя то и дело наклоняло ветром.

На скамейках сидело около десятка человек. На первый взгляд их можно было отнести к числу каких-нибудь сектантов, собравшихся здесь ради своего пустого ритуала. В конце концов, какая еще причина могла выгнать нормальных людей из-под теплых одеял на этот собачий холод?

Тут я вспомнил, что и сам явился сюда как бы не по своей воле, и сердце стало биться чуть ровнее.

Направление ветра изменилось, и до меня долетел звон струн. Сквозь недружный хор подпевающих едва угадывались слова. Кажется, что-то из «Пикника», слышно было только отдельные фразы. Мягкая, неторопливая мелодия как нельзя лучше подходила к ночному лесу и пламени костра, дополняя их, связывая в один ансамбль. Тут я совершенно успокоился – ребята показались мне почти «своими».

Несколько минут я как замороженный смотрел на эту картину в стороне за деревом. Тяга зова ослабла, значит, именно сюда меня и вели, но подойти ближе я все-таки не решался. Ладони хоть были спрятаны в карманах ветровки, но уже успели окоченеть, да и сама куртка едва спасала от озноба. Я думал, стоит ли приближаться к этой компании, люди они мирные и у костра можно будет погреться, или лучше вернуться домой – все-таки зов не вел меня дальше этого дерева, да и ничего интересного на поляне не происходило.

Но тут сзади раздался голос:

– Есть курить?

– Не курю, – машинально ответил я, поворачиваясь.

Передо мной стояли два человека, хотя сначала их можно было принять за вертикальные тени – в полумраке даже лиц не разглядеть, все тело было покрыто однотонной темной пеленой.

– Я тоже, – усмехнулась тень. – Просто надо как-то разговор завести. Если подойти вот так к простому человеку и спросить – он меня даже не заметит. Так, проверка.

– Почему ты стоишь здесь? – спросил второй.

– Да я... прогуляться вышел, – замерзшая челюсть едва разжималась, чтобы произносить слова. От темных фигур веяло какой-то защитой, я чувствовал себя в безопасности рядом с ними. – Вы оттуда? – спросил я на всякий случай, указывая на поляну.

– Ага. Многим из нас сегодня не спится...

– Почему? – зачем-то спросил я. Белый волк уговаривал меня закончить разговор и покинуть это место. Но любопытство брало свое.

– В эту ночь мы зовем Искателей, чтобы познакомиться. Затем Михаэль выбирает тех, кого станут обучать, – тень продолжала говорить что-то еще, но я не понял ни слова.

Кто-то на поляне заслонил свет костра, и мои собеседники пропали.

– Я вас не вижу.

– Это нормально, потом привыкнешь. Костя научил нас этому трюку, теперь каждый раз отправляет на разведку. Он сильнее остальных, кроме Михаэля, конечно. Хотя тоже еще учится. Думаю, когда-нибудь его выберут Князем.

– Чему он вас научил? – я зацепился за единственное, что понял из слов этих странных людей.

– Теневой личности. Это сложная техника, многие идут к ней годами.

– Просто света мало, – начал оправдываться я, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение. – Кто-то закрыл костер, и в темноте я перестал вас видеть.

Передо мной зашуршала прошлогодняя листва, я понял, что мои собеседники производят какие-то движения.

– Пойдем с нами. Тебе незачем тут стоять.

Отсвет костра вновь озарил их. Но я все равно не мог разглядеть ни лиц, ни деталей одежды.

– Куда?

Собеседники указали на поляну:

– Сегодня Посвящение. Но тебе пока еще рано. Можешь просто погреться в Храме, это не запрещается.

– В каком храме? – не понял я.

– В этом, – мне снова указали на поляну. – Разве ты не видишь его?

– Это вы называете храмом? Выглядит как-то скромно, – я вернулся к выводу, что все эти парни, собравшиеся ночью в лесу, всего лишь кучка сектантов, игравших в какую-нибудь религию, и заигрались так, что в конце концов поверили в нее.

Может быть, если позади меня действительно стоял бы какой-нибудь храм, церковь или мечеть, я бы с большим уважением отнесся к игре фанатиков. Социальная блокировка вряд ли позволила мне говорить так иронически, даже с издевкой, о настоящем храме. Ведь та же церковь, чем больше и пышнее она выглядит, тем сильнее заражает уверенностью в истинности своей религии. Большой размер и красота – это критерии материального мира, в котором обитает человечество, и чем крупнее объект этого мира, тем значительней он становится в глазах индивидуума. Какой-то внутренний голос шепчет тебе: если этот храм построили таким большим, значит, много людей ходит туда помолиться, и то, что ты будешь молиться вместе с ними, никому не покажется странным. Вы можете верить хоть в Макаронного бога, но над вами будут смеяться до тех пор, пока вы не построите этому богу огромный храм. Размер имеет значение. (Херр Фрейд удовлетворенно перевернулся в своем гробу на другой бок.)

– Здесь только лавочки и костер, – ответил я.

– Это тебе сейчас так кажется, что здесь просто лавочки и костер, чуть позже ты поймешь, что это настоящий...

– Константин просит тебя подойти к нему, – вдруг перебил второй.

Я оглянулся на поляну – одна из фигур стояла подле костра, широко расставив ноги и сцепив руки за спиной.

– Зачем я ему?

– Не знаю, хочет поговорить.

Фигура у костра ждала спокойно, но требовательно.

– Он очень хочет тебя видеть, – с нажимом повторил человек. От его слов меня сковал страх, я готов был подчиниться любому его приказу. Но через секунду хватка ослабла, я сделал глубокий вдох ртом, словно не дышал несколько минут.

Я ошибся, эти парни действительно не от мира сего. В голове что-то щелкнуло, слетела какая-то преграда. И вдруг я действительно увидел вместо поляны высокое сооружение со шпильями. Подробности разглядеть не удалось – ночь залила его однотонной черной краской. Лишь у земли из строения вырывалась арка рыжего света, и человек стоял, убрав руки за спину, посреди входа в самый настоящий храм.

С какого неба свалилось это сооружение посреди знакомого с детства парка? Почему я его вижу? Что здесь происходит? Это галлюцинация?..

– Не бойся, сегодня праздник, – сказал человек у входа. Несмотря на расстояние, я отчетливо слышал его. – Сегодня Посвящение. И сегодня Тьма инициировала Князя.

Эти слова, и в особенности упомянутая Константином Тьма, сделали свое дело – я бросился бежать. Так поступил бы любой адекватный человек.

Я не помнил себя в тот момент и не мог отчетливо сообразить, от чего я спасался. Рядом по темной аллее бежали мои волки, и ни один из них не старался меня остановить. Это был один из тех редких моментов, когда мои звери были солидарны. Я пытался спастись, и в этом не было ни капли трусости.

Я как будто только сейчас осознал серьезность происходящего. Если раньше я полагал, что в своем роде единственный человек на планете, знающий Тьму, имеющий с ней общий язык, то встретившись с такими же людьми, это знакомство меня оттолкнуло. Вступление в их общество было равносильно шагу через пропасть без уверенности ступить на почву. К тому же предполагало возникновение долга и ответственности, а к этому я не был готов еще больше.

Здания проносились мимо меня словно в перемотке кадров. Я бежал по мрачной дороге подальше от парка и лишь дома пришел в себя. Увидел привычную обстановку и схватился за нее словно за спасательный круг. Знакомая реальность позволила перевести дух и успокоила сердцебиение. Я свалился на диван, желая поскорее уснуть и уверить себя, что все происшедшее было только сном.

Глава 4

Где-то возле уха заиграл телефон. Я пошарил рукой возле подушки и нащупал требовательно вибрирующий мобильный. Звонил Дима.

– Аллёшки, – сонно ответил я.

– Ты че, телеса до сих пор давишь? Уже десять утра! – на фоне голоса Димы шумели машины и пели птицы. По сравнению с тишиной, царившей у меня в комнате, атмосфера, в которой пребывал Дима, была живой и энергичной. Такой контраст мигом разбудил мой сонный мозг.

– У меня сегодня выходной, – оправдался я. – Имею право спать хоть до позеленения, – но все же встал с постели и отдернул штору.

Вчерашние тучи растворились в ослепительной голубизне небосвода, сверху на асфальт и крыши гаражей позади дома густо лилось желтое тепло Солнца. Даже сильный ветер, неизменный спутник этого лежащего между горами края, как-то приутих, выдохнувшись за последнюю неделю. Вид слегка портили кривые ветки голых итальянских тополей, растущих вдоль дороги, напоминавшие о том, что весна еще не завладела миром. И лужи от вчерашнего дождя грязными пятнами лежали на дорогах. Но все равно такой ясной погодой природа впервые после хмурой зимы наградила город. Остаться дома в такой день, спать до обеда, было непростительно глупо.

– Ааа... тогда ладно, – протянул Дима. – Ты че трубку не берешь, а? Мы уже столько живописных версий твоей бесславной кончины придумали. Я к тебе домой вчера вечером заходил, хотел узнать, когда на поминальные пирожки заходить. А ты, оказалось, живой и бесстыдно топчешь эту землю по дороге с работы. Я даже разочаровался...

– Слухи о моей смерти распускают враги и завистники. Извини, я был не расположен к телефонным звонкам и встречам с друзьями.

– Да я понимаю, – тон Димы вдруг утратил всю задорность. – Короче. Ты сегодня на репу придешь? Алекс хочет что-то важное сказать.

– А он не мог подождать один день? Я собирался кое-какие дела сделать. – Вопреки данному себе обещанию больше никогда не посещать репетиции, я все же сомневался в правильности такого выбора. Никаких особых дел на сегодня у меня не планировалось, но отголосок желания покончить с музыкой все еще управлял мной.

– До вечера не успеешь?

Я задумался, любуясь картиной за окном. Словно утренний сон, подробности которого уже почти забыты с пробуждением, в голове туманными картинками проплывали сцены ночного путешествия. Из всего происшедшего я отчетливо помнил только пламя костра, полыхавшего то ли в гуще деревьев, то ли где-то за колоннами в глубине храма. Эти сно-воспоминания пробуждали неясный страх, и я хотел поскорее зацепиться за реальность, чтобы избавиться от этого чувства.

– Успею, – наконец, я сдался. Впереди загоралось что-то радостное и перспективное. Вика навсегда ушла из моей жизни, так что теперь я мог дышать музыкой обоими легкими.

– Ништяк. Тогда сегодня в семь. Можешь даже чуть позже – Алекс постоянно опаздывает.

Дима отключился, а я некоторое время еще стоял возле окна, греясь в солнечном свете.

Взаимоотношения мужчины и женщины – это замкнутая система, циркуляция энергии от минуса к плюсу. Мужская энергия стабильная, упорядоченная, уверенная. Мужчина смотрит на мир глазами логики, систематизирует полученные сведения, оперирует этой системой и по необходимости видоизменяет ее. Его энергия направлена на внешний мир. Другими словами, мужская энергия – созидаящая, движущая.

В женщине течет иная энергетика – она хаотична, переменчива, импульсивна и интуитивна. Женщина смотрит на мир глазами чувств и непрерывно следует за этим миром, прилежно повторяя все его повороты и пороги. Когда ей радостно – она смеется, когда ей грустно – она грустит. Попытки обуздать свои чувства, действовать под контролем разума, для женщины не фатальны, но крайне негативны в гормональном смысле. Это не ее стихия и нечего ей там делать. Когда женщина умна, амбициозна и властолюбива, это вносит вирусную программу в ее природу, возникают ошибки системы в виде депрессии, нервозности и даже истерии, что может привести к дальнейшим осложнениям физического и психологического здоровья.

Правильное взаимодействие этих двух потоков энергии – мужской и женской – обеспечивают качественные взаимоотношения. Женская сила питает мужчину, подбадривает его, восстанавливает, вдохновляет на продвижение вперед и созидание. Мужчина создает для женщины и обеспечивает ей благосостояние и твердое положение в социуме, что является неотъемлемой частью ее внутреннего спокойствия и беззаботности, которые женщина называет простым словом «счастье». Схема проста, но наивысшего эффекта достигает только при энергетическом равенстве. В этой системе нельзя отдать, не получая, и наоборот. Потому такая структура и называется *взаимоотношением*. Когда эта структура нарушена, можете смело называть свою близость *отношениями*, ибо кто-то из ее участников хочет оставить свою энергию при себе. В сумме положительно заряженные, счастливые люди организуют благосостояние внутри и снаружи всего социума.

Вика лишала меня своей силы, отказавшись поддерживать мое увлечение музыкой. И особенно тем, что старательно пыталась мне в этом деле помешать. Подозреваю, что и гитару она попросила только затем, чтобы дома у меня не было возможности сочинять песни. И ревность к увлечению тут совершенно не при чем – скорее всего она попросту не получала отдачи от меня в виде мужской покровительственной силы, не успевшей к тому времени проявить себя. Либо не видела этой силы в перспективе. Вика училась на юрфаке и собиралась сделать карьеру в прокуратуре или адвокатуре, и во мне желала видеть практичного карьериста, а не рокера-неудачника. Мы только отнимали друг у друга время, что и послужило причиной разлада.

Такие мысли посетили меня, когда я сидел на каменистом берегу Кубани, обливаясь солнечными лучами, и заворожено смотрел на грязно-бурный бег воды. Это место было сакральным для меня: здесь я отдыхал от городского шума, дышал чистым воздухом, освещал мысли. Было нетрудно поддаться желанию посидеть на берегу в такой чудесный день. У каждого человека должно быть место для уединения, где можно на время сбросить груз забот и переживаний, ведь тащить с собой без продыху жизненную ношу, словно верблюд Заратустры, самоубийственно.

Поначалу все мое нутро скручивало чувство псевдоодиночества, вызванное утратой Вики. Мир казался узким и сконцентрированным лишь на ней одной. Внутри распространялась пустота; я тратил энергию на жалость к своему внутреннему зверьку и уже чувствовал, что у меня не хватит сил даже на то, чтобы встать на ноги.

А затем черный волк поднял голову и взял ситуацию в свои когтистые лапы – чувства ослабли, а по телу будто пробежал холодок. Я словно оделся во вторую кожу, противоэмоциональную маску, защищающую от переживаний, – и сила перестала таять. Голова открылась для раздумий, я постарался найти объяснение всей нынешней ситуации и, кажется, добрался до него.

Когда мысли кончились, я, удовлетворенный итогом, ушел во внутреннюю тишину. Мелодия птиц, воды и шуршащего леса организовали мне погружение в медитацию, в которой я пропал на некоторое время.

Пришел в себя от шума голосов – радостные граждане спешили на пикник. Солнце перекатилось на верхушки деревьев, будто убегая от молочных облаков, приплывших с востока, и угрожающе обагрилось – значит, ночью будет сильный ветер. Время приближалось к шести, пора было ехать на репетицию.

Отсутствие Алекса при полном наличии остального состава группы меня не удивило. Алекс приходил вовремя только два-три раза за все время существования «Скальда». Впрочем, я и сам часто появлялся лишь на несколько минут раньше него, отчего слыл «вторым по значимости членом команды». Ребята как всегда с нетерпением баловались со своими инструментами, казалось, недавний провал их нисколько не смутил. Возможно, они его даже не заметили, но скорее всего попросту пережили временные творческие трудности и были полны сил покорять новые вершины. В этом они, как ни печально признавать, превзошли меня.

– Ты живой? – спросил Дима, когда я задумчиво разматывал длинный провод микрофона. От неожиданного вопроса тот выскользнул из рук.

– Пока да. А что?

– Я говорю, Вику твою сегодня встретил. А ты – ноль внимания.

– Эмм... И? – недоуменно протянул я.

– Вы что, разошлись с ней?

– С той, художкой? – вмешался в разговор Сергей. Я бросил на него острый взгляд. Сергей смутился, явно ляпнул не подумав, и принялся выдавливать медиатором из гитары грохочущие звуки.

– Разошлись, – недовольно ответил я. Недовольно – не от самого признания, а оттого, что кто-то лезет в мои личные дела. Однако Дима подумал про первое.

– Ты просто сам не свой, отстраненный какой-то, – участливо пояснил Дима. – Я понимаю, не мое дело, но если хочешь чем-то поделиться... Может, тебе помочь как-то... не знаю... Или тебе лучше пойти сейчас домой, как-то переосмыслить, пережить все это... Сам понимаю, не каменный.

– Я в порядке.

Попытка Димы как-то проявить участие, позаботиться, подсказать что-то вызвало всплеск негодования внутри, не смотря на понимание его дружеских мотивов. Как будто я сам не могу разобраться во всем этом! Эго ярко взорвалось внутри, сметя задумчивость и оставшееся после медитации умиротворение. Эго требовало выхода, желало проявить себя, чтобы никто не смел смотреть на меня с той жалостью, с какой смотрел в тот момент Дима. Настроение внезапно изменилось, хотелось показать всему миру свою силу, свою необычность, чтобы все это поняли и восхитились.

– Давайте пока сыграем, – предложил я. – Один фиг делать нечего. – Подключил микрофон и дунул в него, наполнив комнату резким и неприятным шумом.

Никто не возражал. Репертуар у нас был невелик, так что долго выбирать не приходилось. Мы остановились на «Балладе о любви и смерти» – это была новая композиция, еще не обработанная до конца, но уже снискавшая ярлык одной из любимых.

Три удара по тарелке. Сергей заиграл «восьмеркой» на гитаре. Через несколько тактов к мелодии присоединились басы Димы. Я начал после репризы, кошмарно фальшивя из-за отсутствия распевки, но через несколько фраз взял голос под контроль, и аккуратно вклинился в игру.

На прошлой, провальной репетиции, музыка и текст «Баллады» казались полным абсурдом, не стоящим того, чтобы его когда-нибудь слышали. Мы не сознавали, зачем делаем то, что делаем, сравнивали свои работы с творениями мастеров, находили их несоответствующими и посему погружались в уныние. Теперь я знал: если движение Судьбы

привело меня сюда, значит это необходимо. Значит нужно отбросить сомнения и выложить все силы, чтобы наши мысли материализовались в полном объеме.

Я закрыл глаза. Музыка теперь воспринималась иначе – сквозь меня проходили ноты и вибрации, я чувствовал мелодию всем телом. С этим не сравнится ни один спорт на свете: несколько музыкальных инструментов создают такую гармонию, настраиваются на единый лад, на одну волну, что разделить их уже невозможно. Это настоящий кайф – чувствовать музыку, словно нечто осязаемое, окутывающее со всех сторон, и в то же время понимать, что это ты создаешь ее. Держишь ноты у себя в руках, черпаешь из них силы и выпускаешь в мир...

А перед закрытыми глазами рисовалась картина.

Я держал Вику за руку на скалистом обрыве, за которым лишь багряное небо и яркая звезда ослепительно-синего цвета. Ее излучение необыкновенно. Свет настолько красив и ярок, что заполнял собою нас изнутри, даровал надежду на спасение. Мы прыгнули с обрыва на сияющий луч, но страх и сомнение подломили твердь под ногами. Бесконечное падение, ужас от неудачи и увиденного по ту сторону безграничного пламенного океана, ждущего нас внизу, поначалу сковали сердце, а затем породили отчаяние. Неумело, но с возрастающей решимостью, мы поднимались ввысь по хрупкому как лед, блестящему серебром воздуху...

Я разомкнул веки лишь когда смолкла последняя нота. Первое, что бросилось в глаза – Алекс, стоявший на пороге и так и застывший со спортивной сумкой в руке. Я оглядел ребят – те непонимающе уставились на «директора».

– Привет всем, – голос Алекса настолько резкий, словно из другого мира, вывел нас из нирваны. – А что это только что было?

Мы озадачено переглянулись.

– Что вы хапнули перед репетицией? Признавайтесь! – глаза Алекса искрились, он едва удерживал смех. – Я тоже так хочу!

– Чего ты хочешь? – не понял Сергей.

Алекс обвел нас блестящими глазами, его лицо излучало радость.

– Хапнуть... Да ладно, шучу я! Просто я никогда не слышал, чтобы вы так слажено играли и подумал, что без допинга тут не обошлось. Еще по коридору иду, слышу что-то знакомое, думаю, мои пацаны издеваются над инструментами, прислушался – да нет, больно четко лабают. Захожу: стоят четыре персонажа, оттягиваются, да еще глаза закрыли, маэстро из себя строят. Как зашел, так и стою, заслушался. Отвлекать не хотелось.

– Сударь, вы льстите, – неуверенно сказал Дима.

– Отнюдь, – возразил Алекс. – Когда вы что-то хорошее от меня слышали?

– И то верно, – подтвердил Сергей. – Ты вечно чем-то недоволен. То тебе тональность не нравится, то транспонировать давай все подряд, то крещендо добавьте... Тьфу, слова такие, произносить страшно – вдруг демона вызову...

– Сейчас я ничего менять бы не стал, – улыбнулся Алекс.

– Слава богу! – Сергей всплеснул руками, стараясь показать облегчение, но на самом деле просто прятал в себе чувство торжества.

– В общем, я был сегодня в Ставрополе, – объявил Алекс. – «Железное радио» набирает группы для фестиваля. Нужно будет пройти прослушивание, и тогда они решат, допускать нас или нет. Тем, кто им понравится, организаторы обеспечат запись альбома. Такие вот новости. Так что готовьтесь. Через два дня поедem. Кстати, вы же «Балладу о любви и смерти» играли?

Мы утвердительно кивнули.

– Помните, аранжировка у нее совсем сырая была... Но звучит круто! Мне понравилось. Вот эту песню мы и будем играть на прослушке.

Глава 5

Вика тоже увлекалась роком. Но считала, что смешивать это увлечение с практической деятельностью глупо и невыгодно. Вика говорила, что рок – это музыка тинэйджеров и тех, кто, уже войдя в зрелый возраст, все еще страдает максимализмом. В остальных случаях – это лишь финансовая ниша, основанная на юношеских мечтах. Ее мнение сформировала одна статья из журнала, посвященная подросткам. Вот отрывок из нее:

«Нет сомнений, что бунтарский характер рока происходит от естественного явления переходного возраста у подростков. Желание независимости, желание взрослости, желание покинуть опеку родителей порождает в нем бунт против устаревающего детского мира с его правилами и нормами. В этот период подросток неосознанно бежит от взрослых, чтобы самому повзрослеть, занять свое место в социуме, поэтому перенимает у него все атрибуты, как ему представляется, зрелости: алкоголь, секс, политическую позицию и прочее. Естественно, такие атрибуты носят искаженный характер, существующий в воображении вчерашнего ребенка как верный и само собой разумеющийся. Свое утешение, отдушину, подросток и находит в роке, наделяя его своей молодой энергетикой.

Со временем процесс становления личности заканчивается. Человек укореняется в обществе понравившейся ему идеологией, податливый мозгопластелин приобретает необходимую диктаторам форму, траектория движения индивида по жизни большей частью уже намечена. Ему становится комфортно в своем коконе, смысла продолжать бунт больше нет. Новый характер поведения человека направлен на упорядочивание окружающего мира, создание своеобразного гнезда для потомства. Возмутитель всякого порядка, рок уступает место чему-то традиционному, общепринятому, законному. Человек больше не намерен конфликтовать с обществом, бессознательно опасаясь за жизнь и здоровье потомства. Это не глупо и не позорно, это диктуется стадной природой человечества, вынужденного выживать в условиях социума. Человек проходит через хаос ради обретения порядка».

Дорога в Ставрополь занимала около получаса времени. Вся пятёрка, кроме Алекса, – он вел свою «двенашку», – вольготно развалилась на сидениях. Динамики разрывала мягко шарахающая по ним музыка. Мне всегда было интересно, почему в плей-листе Алекса звучали только классические команды: «Aerosmith», «Queen», «Nazareth», «Deep Purple», «Кино», «ДДТ». Конечно, команды эти отличные, но все-таки для современности они уже не подходили, и слушать их можно было только в целях обучения, как изучают историю в школах. Своими мыслями я поделился с Алексом. Он сделал музыку тише и на несколько секунд задумался.

– Так и есть, эта музыка – уже история, – сказал Алекс. – Этим и интересна классика. Тем, что является основой становления какого бы то ни было сектора искусства. Например, когда люди всерьез увлеклись письменностью, появилось множество писателей, подавшихся движению моды. В это время было написано огромное количество трактатов, повестей, поэм и так далее – до этого момента столько никогда не писали. Естественно, среди них появлялись новые идеи, которые еще никто не высказывал, новые сюжеты, до которых еще никто не додумался. – Я сидел позади, прямо за его спиной, что несколько мешало беседе, вынуждая Алекса то смотреть на меня в зеркало заднего вида, то слегка поворачивать голову вправо. – Для удобства всю эту литературную кашу нужно было систематизировать, расставить по полочкам, и тогда придумали общие правила написания, разделили жанры и стили. Так же рассматривалось, что становилось популярным, а что нет. Не популярные произведения отсеивали, популярные изучали и по ним учились дальше. Такую систему впоследствии называли классикой, то есть эталонной.

– Ты сейчас говоришь об эпохе Возрождения? – спросил я.

– Нет, о Древнем Риме. Эпоха Возрождения потому так и называется, что возрождала традиции Рима, – пояснил Алекс. – Классикой является римское наследие.

– То есть, все современное искусство – это пережитки Рима? – поинтересовался Сергей, сидевший рядом со мной. Наш с Алексом разговор заинтересовал остальных членов команды. Мы редко вели беседы на какие-то серьезные темы, обычно занимались болтологией, чтобы забить скучную тишину хоть какими-то звуками. Алексей в свое время набрался многим умностям в школах искусств, так что иной раз его интересно было послушать.

– В большинстве своем, – согласился Алекс. – Исключение составляет народное творчество.

– По-моему, между «Илиадой» и «Гарри Поттером» большая пропасть, – заметил Сергей.

– Принадлежность современного искусства к Риму обуславливается общей формулой построения произведений. А звучать они могут по-разному. Кстати, «Илиада» – это поэзия, а «ГП» – проза.

– Вот смотри, – Сергею захотелось поспорить, аж глаза горели. – Откуда берет начало рок? Из блюза, буги-вуги, джаза. А все это чисто африканские стили, основанные на их людоедских ритуалах. Получается, рок – детище народной африканской музыки, а не римской.

– Рок был бы африканским, если бы до сих пор исполнялся африканцами, – возразил Алекс. – А когда белые парни из Европы и Америки переняли негритянскую музыку, они добавили туда своего темного римского прошлого и привели к надлежащему стандарту.

Сергей порывался еще что-то сказать, но я его опередил:

– Почему римское прошлое темное?

– Да потому, – как-то резко и недовольно ответил Алекс. – Ты думаешь, классику так распространяли, чтобы людям кайфово устроить? Людям кайфово было свою народную музыку слушать. А распространяли римское искусство затем, что оно остандарчивает мышление. Делает мнение людей одинаковым путем популяризации. Не зря же римляне столько времени провели за исследованием психологии, общественнознания, философии, политики, астрономии, истории. Учились красноречию, развлекали театрами и гладиаторскими боями. Строили дворцы и парили мозги обывателей Олимпийцами. Средневековые господа смекнули что к чему и под ширмой Просвещения, Свободы и Науки выкатили на политическую сцену клетку демократии – а ведь это грандиозное порабощение! Вы думаете, Римская империя развалилась? Нихера! Она уже захватила Европу и Америку, а теперь тянется на Восток. Это культурная война! Россию она много раз пыталась завоевать, еще до Петра, но свою последнюю крупную победу постримляне одержали в конце восьмидесятых, уничтожив СССР и установив для России дань, как для одной из своих провинций. Врубитесь: сейчас миллиарды рабов по всему миру живут, даже не подозревая о своем рабстве! Ведь их даже не заковывают в кандалы, им всего-навсего морочат голову! – в пылу своей тирады Алекс так завелся, что совсем перестал следить за дорогой. «Двенашка» незаметно перекатилась на встречную, впереди испуганно заорал клаксон.

– Алекс! – вскрикнул, вжавшись в кресло сидевший впереди Игорь, но Алекс к тому моменту осознал свою ошибку и вырулил на место. Справа от меня раздался нервный смешок. Алекс вытер пот со лба.

– Я раньше думал, что это церковь устанавливала рабское общество, – через некоторое время сказал я. Алекс удивленно глянул в зеркало заднего вида – казалось, он уже забыл о разговоре. Или удивился тому, что я все еще его продолжал.

– Церковь в этом плане невинный ребенок по сравнению с массовой культурой. В Средние века между просветителями и Церковью шла настоящая война за первенство, в те времена только Церкви разрешалось морочить головы. Тогда она организовала инквизицию и вырезала несогласных. В итоге голубоглазые мечтатели одержали победу, организовали

революцию, соорудили демократию, а Церковь унизилась до глупого бизнеса. Со временем просветители и священникам хорошенько промыли мозги.

– Вообще-то, мозги промывает не массовая культура, а СМИ, – ехидно изрек Дима.

– Вообще-то они работают в паре, – не смутился Алекс. – Человек в подавляющем большинстве своем существо неглупое – это факт. Он постоянно мыслит, думает, решает. Впарить что-то в и без того уже забитую своими думами голову очень проблематично. Значит, необходимо эти мысли оттуда изъять? Вот, например, как это происходит: ты приходишь вечером домой с работы, ужинаешь и падаешь отдыхать под телек. Ну, или садишься гамать в компьютер. Или открываешь «фастфудную» книженцию. Не суть. По телеку часов в семь-восемь включают какой-нибудь блокбастер с просто нереально закрученным сюжетом и офигеть какими спецэффектами. Либо это чересчур сопливая драма или жопо-сисечная комедия – на твой вкус. Главное, чтобы ты весь и полностью отстранился от своих будничных проблем, размышлений и лицезрел очередной шедевр киноиндустрии. Соответственно, голова у тебя на время опустошается от личных мыслей и наполняется каким-то выдуманным режиссерским миром, как мотивчик надоедливой песни. Он иллюзорен, да, ты это понимаешь, хоть за время просмотра уже успел «заразиться» какими-то простейшими вирусами вроде патриотизма, «американской мечты», доступного секса... и в любой момент готов вернуться в реальность. Но дело сделано – какое-то время ты ходишь под впечатлением от фильма, обсуждаешь его с друзьями, и на это время думать не думаешь о своих личных делах. И тут по тому же телеку в новостях, рекламе или докфильмах, радио, интернета, из рекламного щита или газеты на тебя набрасывается какая-то информация и занимает пустое место в твоей голове. Эта информация легко укладывается и становится как будто твоими собственными мыслями. С этого момента ты начинаешь думать иначе – в том направлении, в котором тебя «ведут».

Несколько минут ехали молча. Затем Алекс снова продолжил:

– Я потому и увлекался больше фольклором, чем другими жанрами. И для нас выбрал такое направление. Но от воспитавших меня рамок все же не могу выйти. Современный фолк – это не истинно народная музыка, это тоже отголосок классики, – было видно, что ему неприятно это говорить. – Настоящая народная музыка мало кому интересна. На ней не зарабатываешь.

– А на роке заработаешь, – фыркнул Дима.

– На любой попсе можно заработать, – меркантильно ответил Алекс.

– Рок – это не попса! – возмутился басист.

– Любая массовая культура – попса, – парировал Алекс. – А рок еще и рекламирует себя как антипопса. Это его вдвойне попсовит.

– Почему? – поинтересовался я.

– Потому что запретный плод сладок, – туманно ответил Алекс с улыбкой. Кажется, ему доставляло удовольствие умничать с нами. – Люди идут на рок-концерт, потому что уверены в его непопулярности. К тому же рок агрессивен, что тоже немаловажно для основной его публики – тинейджеров. Маркетинг!

– Не согласен, – возразил Дима. – Я считаю, рок стремится к свободе личности. Разве нет? Какие здесь могут быть традиции Рима?

– Рок впитал в себя качества, которыми не обладает «легальная» сцена: душевность, агрессия, отсутствие финансовой выгоды, свобода, любовь и так далее. Впитал, афиширует, но редко использует. Бюрократы понимают, что недовольные их режимом будут всегда, но в современных условиях оппозиция нуждается в серьезном финансировании. И если самому государству не заняться этим вопросом, оппозицию в России будут финансировать иностранцы. А это уже влияние на внутреннюю политику страны в интересах потенциального врага. Поэтому наряду с основным загоном для послушного народа напротив строят

загон-дублер, чтобы аккуратно складывать туда оппозицию: неформалов, сектантов, анархистов, педофилов, террористов, некромантов и прочих сброд. Оппозиции там комфортно, ей дают вдоволь орать, ругаться, собирать митинги, ломать гитары на концертах, стебаться над овцами в соседнем загоне. Ее там вовремя кормят, вовремя гладят, вовремя сажают и вовремя отпускают. Короче, загон-дублер – это комната с боксерскими грушами, напичканная камерами слежения, где оппозиция срывает свою злость. Как итог – на реальные действия радикалы становятся не способны. Это называется свободой слова.

– Я слышал, в японских компаниях есть комнаты для снятия стресса, – вставил молчавший до сих пор Игорь. Именно оттого, что он так долго не проронил ни слова, его слушали с удвоенным вниманием. – Там есть боксерские груши с портретами начальников. Когда начальство выведет какого-нибудь работника из себя, тот идет в эту комнату, молотит грушу и довольный возвращается на место.

– Да, – кивнул Алекс. – С одной стороны это щит от вмешательства других государств во внутренние дела России, а с другой – порождает однополярность власти. Власть становится диктатом, не получающим народного отпора. И это не только у нас.

Мы уже покинули трассу, и некоторое время двигались по Ставрополю. Похоже, Диму порядком утомила эта беседа, Сергей был задумчив. Игорь с интересом глядел по сторонам. Алекс, решив, что разговор окончен, накрутил громкость на автомагнитоле.

– По-моему, та музыка, которую ты слушаешь, противоречит тому, что ты только что рассказал, – возразил я.

– В том-то и проблема, – вздохнул Алекс. – Я слушал эту музыку в детстве и теперь не могу от нее отделаться. Она мне кажется самой лучшей.

Я слушал надрывы Фредди Меркьюри из динамиков и боялся, как бы сегодняшние откровения Алекса не подействовали так же, как недавно на меня подействовало воспоминание о статье про мертвый рок в России. Алексу не следовало такое говорить незадолго до выступления, такие речи убивают воинский дух. Он не хуже меня должен понимать, что грядущий фестиваль – хороший шанс для начинающих музыкантов быть услышанными, в прямом и переносном смысле. Тем более, концерт будет разбавлен более солидными группами, уже снискавшими славу на большой сцене, и на их фоне игра новичков должна выглядеть не менее уверенной. Алекс как будто прочитал мои мысли, и после того, как припарковал машину, он посмотрел сначала на Игоря, затем заглянул за спинку своего кресла, где сидели я, Сергей и Дима. Затем смерил наши лица острым взглядом и с сожалением заметил:

– Кажется, я вам много лишнего наговорил.

– Не понимаю, Алекс, почему ты заморачиваешься, если не сможешь ничего изменить? – спросил Сергей. – Рабу плохо не от того, что он раб, а оттого, что он понимает это. Может быть, на самом деле нет никакого рабства, просто ты наслушался всякой чертовщины?

Алекс хотел было промолчать и наконец покинуть автомобиль, о чем я мысленно очень просил его, но с тяжким вздохом он снова заглянул на пассажирское сидение. Его взгляд был усталым, серьезным и сконцентрированным.

– Ты знаком с математикой? – осведомился Алекс. Сергей кивнул. – Так вот, твое предположение в условиях бюрократии похоже на математическое уравнение с кучей скобочек. Тебе нужно найти «икс», чтобы решить задачу. Ты подставляешь вместо «икса» разные числа и проверяешь результат. Когда ты уже почти готов решить уравнение, кто-то ставит твой «икс» в скобки и возводит в степень «игрек». Теперь ты вынужден искать еще и «игрек». И так без конца. Вот так и обрабатывает твое сознание современная власть.

В этот день я усвоил одну вещь: насколько бы крутыми не были «AC/DC» или, например, «Pink Floyd» для выросшего на песнях Шаляпина или звуках там-тама они навсегда останутся хаотичным шлаком.

Глава 6

Парковка рядом с древним, пережившим революцию зданием, была густо забита машинами. Это был красно-белый двухэтажный дом, с грубыми лепными узорами и рисунками по всему фасаду и шиферной крышей. Краска на стенах сравнительно новая, но было ясно, что свой внешний вид здание сохранило еще со времен царя Гороха.

Возле парадного входа, на клумбах, на лавочках, под окнами толпилась куча народу, съехавшегося со всего Ставропольского края. Разноцветные ирокезы, косухи, эмо, банданы, шипованные браслеты, гитары, татуировки, пирсинг, яркие, кричащие картинки на черных футболках, бороды – все это смешалось в одну пеструю кучу, дожидавшуюся своего часа. Сотни полторы музыкантов втиснулись в небольшой дворик, огражденный старым кирпично-кованным забором.

Мы покинули «двенашку». Гитаристы достали из багажника свои зачехленные инструменты. Я помог Алексу стянуть его синтезатор с багажника на крыше.

– Надо будет микроавтобус приобретать, – бубнил во время разгрузки наш «директор».

В девять часов утра массивная деревянная дверь «Железного радио» чуть приоткрылась, выпустив девушку небольшого роста с бумажным листком в руке. Гул во дворе приутих. Запинаясь, начиная несколько раз заново фразу, девушка прочитала на бумажке что-то заковыристое на английском. Ей откликнулась бородатая группа в косухах, музыканты широкими шагами пересекли двор и скрылись за дверью.

– Ждем-с, – зевнул Алекс.

Время шло. Команды приходили и уходили. Контрольно-пропускной пункт отечественной рок-индустрии казался безжалостным: количество групп, выходящих из парадной двери с ругательствами и хмурыми физиономиями, довлекло над счастливыми со светлыми «пропусками» на лицах.

Во дворе чувствовалось волнующее напряжение, хотя вокруг шутили, смеялись и разыгрывались. Матерые неформалы в бородах и косухах звенели пивной тарой, а молодняк клепал селфи на смартфоны, пользуясь случаем такого диковинного сборища. Музыканты гуляли по все больше заливаемому Солнцем дворику, что-то мурлыкали себе под нос, поигрывая на гитаре, или ходили налево-направо, молотя по воздуху и по всем предметам, до которых можно дотянуться, барабанными палочками.

Если подойти к торцу здания, можно было слушать приглушенный стенами музыкальный шум, доносящийся откуда-то со второго этажа. Несколько человек разместились на углу, обсуждая игру конкурентов. Кое-где возникали пьяные стычки. Объявляющая команды девушка всем уже привыклась, ее появление встречали радостными криками и улюлюканьем, на что она только мило улыбалась.

– Мы так до вечера тут проторчим, – жаловался Дима, поглаживая пустой живот.

– В этом есть свой плюс, – заметил Сергей, – к концу отбора жюри устанет и будет пропускать всех подряд, лишь бы не насиловать уши.

– Или наоборот – наберут, сколько надо, и закроют лавочку, – предположил Дима.

– Вряд ли, – Сергей покачал головой, – слишком мало групп они утвердили. Первые позиции – самые невыгодные, тогда жюри еще не знает, что их ждет дальше и оценивает очень субъективно. Главное – продержаться до обеда. Сытое жюри станет добрым, и тогда у нас будет больше шансов. А до обеда они нетерпеливы и хотят поскорей избавиться от группы.

Времена гаражного рока прошли. Если раньше команды собирались в гаражах и подвалах, тащили туда гитары, колонки, провода и барабаны, чтобы хоть как-то иметь возможность петь о свободе, то теперь, имея даже небольшое финансовое подспорье, нет необхо-

димости лишний раз создавать для этого новую инфраструктуру. Достаточно обратиться в какой-нибудь дом культуры, студию или музыкальное учебное заведение, чтобы тебя снабдили почти всем необходимым. Рок стал доступным. А это значит, что сцену заполнили корявые звуки.

Мы стояли возле парадного входа, где Алексей встретил своих друзей по колледжу и удалился с ними в воспоминания, а мы напряженно ждали своей участи.

При близком рассмотрении стены здания казались ненадежными: их сплошь покрывали тщательно замазанные трещины. Я подумал, что это самое неподходящее место для децибельной музыки. Но, несмотря на свою ветхость, здание радио вызывало уважение – как вызывают его девяностолетние старики, глядя на которых задумываешься, через какие дебри им приходилось лезть в своем стремлении жить, какие эпохи проводили они в небытие прошлого своими уставшими от вранья глазами, какое огромное количество событий произошло в их долгой жизни. Ценности, мораль прошедших времен уже мертвы, а эти люди все еще живы. Неужели это не доказательство того, что нет ничего истинного и бессмертного в придуманном человеке?

– «Скальд»! – крикнула девушка.

– Пошли! – скомандовал Алекс, мгновенно оторвавшись от беседы со знакомыми.

Мы прошли входную дверь и поднялись по парадной лестнице в холле вслед за девушкой. Проводница остановила нас возле двери на втором этаже сразу напротив лестницы, затем заглянула внутрь и через несколько секунд широко распахнула перед нами дверь.

Мы оказались в небольшом актовом зале с потертыми креслами, люминесцентными светильниками под потолком; невысокие, но широкие окна скрывали вертикальные жалюзи. За длинным столом с монитором, перед небольшой сценой, сидели шестеро серьезных людей: четверо мужчин и две женщины, коротко кивнувшие ответом на приветствие. Кто-то наблюдал поверх очков за спешными приготовлениями группы, кто-то безразлично переговаривался с соседом, и лишь после представления команды и названия композиции решили обратить на нас внимание.

Слева от жюри на штативе стояла камера, что еще больше подчеркнуло серьезность происходящего и заставило нас немного понервничать.

Три негромких удара по тарелкам задали ритм и одновременно отсчитали три секунды до старта. Вместо четвертого удара заиграла гитара Сергея, чуть позже к нему присоединился Дима. Куплет и партия Алекса начинались одновременно.

Перед тем как запеть, я попытался утихомирить рвущееся из груди сердце, закрыв глаза и глубоко вдыхая. Сердце успокоилось очень быстро, вдобавок я ощутил некоторую связь с музыкантами – она невидимыми нитями тянулась откуда-то из их груди к моим пальцам. Эта связь была точно такая же, какую я наблюдал на остановке с Викой и Антоном. Только на этот раз я не видел периферию сцены, а был внутри нее и чувствовал текущую по каналам энергию. Стоило открыть глаза – и это чувство сразу исчезало, оборванное мешаниной предметов вокруг нас.

Динамики по бокам сцены гудели, передавая полу вибрации. Эти вибрации поднимались по моим ногам, заполняя все тело мягкой энергией, перетекавшей впоследствии через кончики пальцев к остальным музыкантам. Я чувствовал, как они успокаиваются, напряжение спадало, их обволакивало плавное течение силы. Это была еще неизвестная мне циркуляция энергии, получаемая мной от ритма и мелодий и возвращаемая музыкантам. И чем расслабленней они были, тем свободней позволяли этой энергии проходить сквозь себя, не создавая препятствий, и тем больше скапливалось неизрасходованной энергии. Нити избыточной энергии впоследствии делали виток вокруг сцены и ложились на незримую сферу вокруг музыкантов, образуя светящийся клубок. Все эти невидимые метаморфозы я чувствовал с закрытыми глазами, не ощущая пульса времени, но и не покидая настоящего.

*В дорожной харчевне
Было дымно и людно –
Сюда я приехал усталый.
Здесь было веселье,
Напиться нетрудно, –
И я опрокинул немало...
Вдруг двери открылись,
Зашли в зал бродяги,
К владельцу втроем попросились,
И вскоре вернулись,
Хлебнули чуть браги,
На стол большой взгромоздились.
Тут струны запели,
Вокруг все примолкли,
И песнь стали петь менестрели.*

Началась песня довольно неуверенно, скованно, но каждая прозвучавшая нота словно влиwała новых сил. Клубок энергии все рос, и вот уже сфера поглотила стол жюри, подмяв их под свое влияние, – я видел, как их сопротивление ломалось.

*В далекой стране,
Между гор и небес,
Стоял ослепительный город.
И там, в тишине,
Где кончается лес,
Царил обжигающий холод.
И парень сидел
У сырого бугра –
Землей скрыто тело любимой.
А он все сидел,
Все сгущалась мгла...
Вот ночь пронеслась над могилой.
Но парень сидел, вспоминая о ней,
При свете первых еще блеклых лучей.
Музыка крепла, начиналось крещендо.
Поднялся,
Взглянул в небеса
И в небо он крикнул сквозь слезы:
"О, боже! я клялся,
Ей глядя в глаза,
Что смерть разлучить нас не может!"
Тут вынул кинжал,
Свое сердце пронзил,
На землю упал уже мертвый.
И вдруг оказался он среди скал,
И взгляд ее – грустный, холодный:
Она говорила о вечном, о главном,
К Звезде приближаясь плавно...
Музыка притихла. Диминуэндо.
Он взял ее руку,
Подумал немного,*

*И прыгнул со скал на свет божий –
Блаженный лик Духа
Стелил им дорогу.
Внизу злилось Адово Ложе:
Упали сквозь стены –
В пылающий ад,
Но ветром их вдруг подхватило;
Заботливым пленом
Манило в Каскад,
Где Солнце над раем кружило...
Смеялись, играя, служители ада
И ангелы – воины Расплаты...
Отказав Небесам,
Устремились к Звезде,
Взбежали на первый луч воли.
Сверкнула гроза,
Но не как при дожде,
И слышны в ней – загробные вопли...
Исчезло вдруг все,
Остался лишь свет,
Что их нес на лесную поляну.
Окончился сон;
Просыпался рассвет,
Затягивал темную рану.
И тихо закончили:
А на поляне обнимались двое,
И никто уже не смел нарушить их покоя...*

В себя мы пришли только на свежем воздухе. То, что происходило после прослушивания, как-то вскользь задело память, оставив только силуэты и неразборчивые фразы. До сих пор чувство эйфории держало нас, кружило голову, а в ушах гремела музыка.

Тишина и свежий воздух быстро привели нас в чувство. Гитаристы жадно дымили сигаретами, думая о чем-то своем. Первым нарушил молчание Алекс, видимо посчитав, что ему сейчас следует что-нибудь сказать в честь приглашения на фестиваль в качестве исполнителей:

– Ну, что, поздравляю всех...

– Вот у меня такое чувство, будто я проспал всю прослушку, – перебил его Сергей. – Вырубился в самом начале, витал где-то, сны видел... а потом проснулся уже на улице с сигаретой в руке...

Сергей с надеждой посмотрел на остальных. Как будто ждал какую-то подсказку или поддержку.

– Выспался хоть? – невесело спросил Дима. Сергей с досадой покачал головой.

– Странно, – задумчиво произнес Игорь, – а меня прям такой драйв охватил, будто энергетика выпил и еще «дунул» сверху. Так круто было, глаза закрываю, барабанов не вижу, но... как будто еще две руки выросли и молотят... ни разу не сбился. Фиг знает, что это было...

– Да-а... – непонятно протянул Дима.

– Я думал, меня одного эта блажь накрыла, – сказал Алекс. – Видел, конечно, на репетиции вы по очереди отключаетесь так, да и мне тоже интересно стало. Глаза закрываю, а там... бурлит все, весь воздух живой... Не знаю, как объяснить. А главное удивляет, что

не сбиваешься, пальцы отдельно работают, на автомате, сами куда надо становятся. Но вот когда попытался понять, что это такое, сразу в пальцах запутался. Глаза открываю, лажаю... Понял, что концентрироваться на этом надо, образ мелодии держать, а тело уже само работает. Конечно, понятно, мышечная память, но какая-то... не своя.

– Когда глаза закрыты, слух обостряется, – сказал я, и тут же все испытывающие взгляды сошлись на мне. – Посторонние вещи не мешают, и начинаешь концентрироваться только на музыке. Если с открытыми глазами создавать какой-то зрительный образ, то он накладывается на то, что мы видим перед собой, и становится уже искаженным. А с закрытыми глазами этот образ ложится как на чистый лист, не засоренный посторонними вещами. Наверно что-то вроде такого должны испытывать слепые, когда приходится видеть мир ушами. Слух становится... четким. Я вот даже... осязаю музыку наверно, она как дрожь по телу проходит. И каждое слово отражается образом в голове. Любая песня становится картинкой. Раз уж мы создаем образы, которые воспринимаются только слухом, то и творить должны эти образы... как бы ушами.

Я замолк, задумавшись, и на некоторое время повисла тишина. Только когда прогоревшая до фильтра сигарета Димы обожгла ему указательный палец и он вскрикнул, ребята вышли из раздумий.

– Вы двое, – Дима обвиняющее ткнул обожженным пальцем поочередно в меня и Алекса, – мне за сегодняшний день мозг поломали.

Мы ничего не ответили. Алекс выключил сигнализацию и открыл багажник.

– Твою мать! – неожиданно вскрикнул Сергей, глаза его испуганно забегали. – Я там гитару оставил! – и огромными шагами побежал к деревянной двери, расталкивая по пути музыкантов. Диму тут же от смеха скрутило так, что он упал на колени на грязный асфальт.

Глава 7

Два месяца спустя мы отыграли на долгожданном концерте. Ничего феерического, глобального и красочного на нем не оказалось, да и само название «фестиваль» для этого события громко звучало. Скорее это был типичный для провинции рок-концерт с дилетантским исполнением пары десятков команд на площади в центре Ставрополя, повторяющийся раз в год примерно в одно и то же время. Большую часть расходов на организацию праздника неформалов взяло на себя Министерство культуры – вроде как годовой отчет о проделанной работе музыкальных организаций, – хотя в списке спонсоров значились только ЧП.

Никакие знаменитости на концерте так и не появились. Единственным значимым моментом явилось то, что группа «Скальд» в этот день впервые вышла на сцену. Пока еще неумело, от волнения сбивались, куда уж там сосредоточиться, но ближе к концу все-таки разыгрались, взяли себя в руки и закончили так, что народ на площади перестал засыпать пьяными криками округу и молча дожидался последнего аккорда. А когда наконец толпа зашевелилась, загудела, до сцены донеслись одобрительные крики.

Это чувство мы испытывали впервые – благодарность публики, и это оказалось настоящим подарком. Захотелось ощущать его снова и снова. Тогда нам стало понятно, для чего мы сочиняем свои песни – именно для таких вот моментов.

Как в тумане запомнился спуск со сцены и разговор с одним из организаторов, предложившим нам записать альбом в студии «Железного радио». Он почти с ходу посоветовал сменить название группы, обозвав «Скальда» именем бледным и невыразительным, к тому же ссылающимся на своего старого польского тезку.

На следующий день после фестиваля команда занялась подбором песен для альбома. После беглого осмотра нашего репертуара мы решили изменить аранжировку на половину тем, чем и занимались около недели. Требовалось также сочинить еще пару композиций для полноценного альбома, так что на мою голову взвалилось сочинение текстов.

Когда мы только начинали играть, песни в основном создавались из стихов. То есть, сначала писались стихи, затем на них накладывали музыку, в итоге композиции получались однообразными из-за одинаковости стихотворных размеров, так как между нами не было настоящих поэтов. Только я дружил с рифмами, но не владел ими. В какой-то момент все изменилось – Сергей насочинял целую кучу мелодий, а текстов был полнейший дефицит.

Была уже глубокая ночь. Я сидел на кухне, пытаюсь уровнять рифму одной строчки с другой, но расчет не получался. Трудно писать на заказ, а утром надо представить итог своего мозгового штурма друзьям для синхронизации с музыкой. Конечно, это при условии, что коллеги не сразу забракуют мой шедевр, с них станется. Проходили часы, на ум ничего стоящего так и не приходило. Куда же делось то время, когда стихи вылетали из меня пачками?..

Я со скептицизмом перелистывал старые тетради – ничто из этого не подходило для серьезной работы. Но ведь что-то недавно было во мне, оно дарило уже готовые строчки, заставляло неметь комиссию, покорило публику на концерте... Оно где-то здесь, только прятни руку...

Неужели это была Она?

Тьма?

Тьма молчала. Молчала уже долгое время, с тех пор как я отказался входить в Храм. Как-то я подумал, что Она обиделась, но тут же выбросил эту мысль из головы – Тьма не способна обижаться, Она не биологический организм. Правда наличие у Нее имени, особенно стоящее в женском роде, иногда заставляло забывать об этом, и я неосознанно приписывал Ей женские черты.

Это Ты? Ты направляешь меня?

Конечно, это была Тьма. Это Она питала меня своей силой. Сразу же после ухода Вики из моей жизни связь с Тьмой окрепла, но не настолько, чтобы вернуться на прежний уровень.

Трюк с управлением человека больше не срабатывал: я как-то попробовал околдовать таким образом директора магазина, в котором работал, но ничего не вышло. Родилась уверенность, что для этого необходимы какие-то особые условия и установленное в определенной точке осознание, а не просто глупое диктаторское желание. Что-то мешало вернуться в эту точку, несмотря на все Ее усилия. Наверно, пресловутая социальная блокировка, наследство римской стандартизации. Это даже к лучшему – пускай блокирует, лишь бы помощь Тьмы не иссякала, и тогда мы точно добьемся результатов. Рок обещал мне славу и деньги, Тьма же сулила нечто загадочное и пугающее, как пропасть. Здравый ум, мой черный волк, голосовал за первое.

Я вышел на балкон. Город лежал под тяжелым одеялом тишины и мрачного неба. Окна в доме напротив были черны от происходящей за ними пустоты. Можно было только догадываться, есть ли там кто-то за этим окном, спит ли, занимается любовью, мучается от бессонницы. Но ничего не было видно – дом напротив казался полностью пустым. Пустовали и слабо освещенные улицы, и обманутый тишиной разум рисовал картины умершего мира, где только я последний оставшийся на Земле.

Я призрак, – подумал я, – бестелесный наблюдатель... – и следом, будто ожидая этого всю жизнь, родилась новая строчка: – Людской судьбы – их радостей, их бед...

Я даже не сделал попытки вернуться на кухню, взять блокнот, ручку, чтобы записать результат. Кубик Рубика слов, будто в руках гения, с феноменальной скоростью соединялся в готовые фразы, и они прирастали к предыдущей строчке.

Я – призрак, бестелесный наблюдатель

Людской судьбы: их радостей, их бед.

Я – лекарь, принудительный спасатель,

Отдушина, и просто – теплый плед...

Я – призрак... Не меня коснутся очи

Прекрасных дам: их страсти, их любовь...

Душа моя давно разбита в клочья,

Но нету силы склеить ее вновь.

Я – паж. Я вытру ваши беды,

Разлитые трясущейся рукой...

Я – призрак. Почему? – мне нет ответа.

Но только так во мне живет покой.

Корявым от спешки почерком я записал текст в блокнот и тут же ощутил удовлетворение. Не от того что работа была окончена, а потому, что некий внутренний груз был переложен на бумагу – пускай теперь она несет его.

Я лег в постель с надеждой хоть чуть-чуть поспать. Но стоило положить голову на подушку, как внезапно заревел будильник на телефоне. Выходной, на работу идти не надо, но репетиция начиналась уже через час. В общем, это и была задумка Алекса – пока у нас выходные, использовать каждую свободную минуту, начиная с раннего утра. Проклиная Алекса, я нехотя собрался и отправился в ДК.

– Ты где ночью шарахался? – первым делом спросил Игорь, разглядывая мой потрепанный вид.

– На кухне, – сонно ответил я, заваливаясь на стул. Утренняя прохлада не только не выветрила сонливость, но и наоборот – контраст температуры улицы и теплого помещения вконец разморили. А теперь еще и Солнце просвечивало через открытые щели в жалюзи ранними лучами, резало и слепило глаза.

Дверь в комнату распахнулась, донеслась приглушенная музыка из наушников. Дима, пританцовывая под какой-то свой такт и смачно жуя жвачку, тасманским дьяволом из мультика впорхнул в обитель искусств и с ходу наполнил суетой спокойную утреннюю атмосферу.

– А кто это на вас такие кислые рожи надел? – с порога спросил Дима. – Я думал, щас приду, а тут мои пацаны тяжелухой балуются, аж побелка с потолка сыплется и стены содрогаются в экстазе. А под окном толпа сисятых телок автографы просит... Алекс! – вдруг запнулся Дима, его лицо приобрело страшное и удивленное выражение. – Алекс, ты чо?!..

Алекс оторвал взгляд от блокнота, над которым я провел всю ночь, недоумевающее уставился на Диму.

– Оззи Осборн порви твой баян! Алекс, ты чо творишь?! – Дима не прерывал посетивший его с самого утра словесный понос. – Алекс, зачем? Зачем ты разрушаешь мое мировоззрение? Зачем ты нарушаешь привычный мне порядок вещей? Зачем ты губишь мою судьбу?!

– Что не так?

– Ты нафига пришел вовремя? Ты что, не мог поспать до обеда, как все нормальные люди, а уже потом приходить на репетицию? Я тебя не ждал так рано, если честно. Теперь я даже не знаю, как мне поступить. Все планы на сегодня испорчены. – Комедия Димы перестала интересовать сонную команду, как не несущую в себе ничего смешного, а значит бесполезную. Басиста охладило равнодушие к своей персоне, он успокоился и принялся вынимать из чехла свою гитару, провода и примочки. Зато стоило отдать Диме должное – его приход окончательно разбудил всю команду.

– Не то, не то... – бормотал Алекс, изучая мои ночные труды. – Совсем не то. Ты можешь придумать какую-нибудь легенду, историю или что-то в таком духе? Лирика и философия сейчас мало кому интересны. Любой автомеханик Вася с двадцатипятилетним стажем тебе такую лирику и философию из своей жизни задвинет, что ты лопнешь от зависти. Как автор, я имею в виду. Если пишешь лирику, надо что-то такое... общедоступное. Неразделенная любовь, например. Черствость бюрократии, глупость системы. Или там... по маме скучаешь. Все это людям понятно. Лично твои переживания, поверь, им совершенно не нужны.

Последние слова меня крайне задели. Я целую ночь просидел над блокнотом, вылил на него свою душу, а ее отпихивают, как вшивого котенка. И тут же ворвалась мысль: а если бы и не отпихивали, а взяли брезгливо-заботливыми руками, изображающими сочувствие, то мне пришлось бы терпеть их жалость.

– Тебе нужно писать не то, что считаешь нужным, а то, что хотят от тебя услышать, – продолжал Алекс, словно угадав мои мысли. – Человеку очень льстит, когда он видит подтверждение своих взглядов на мир. Это называется когнитивным резонансом. Человеку нравится, когда кто-то воет со сцены от боли неразделенной любви так же, как и он сам воет внутри себя. Когда кто-то ругает власть так же, как и он. Даже когда завидует чужим банковским счетам, но тщательно маскирует зависть за отвращением. И льстецы попадают в круг доверия. Вот, что нам нужно, – попасть в круг доверия публики. Только тогда мы достигнем каких-то высот. Люди мыслят очень плоско, для них не существует понятия «между добром и злом». Как отличить добро от зла? Если кто-то действует в твоих интересах – он добрый. Если нет – он злой. Абсолютность добра и зла в понимании человека пропорциональна его эгоистичности: ты настолько хороший или плохой, насколько субъект твоих действий любит себя. Справедливо и обратное: любящий человек иногда кажется безразличным, так как ставит для себя приоритетом желание и волю объекта своей любви. Сам по себе человек нейтрален в этом отношении, окрас носят только постороннее суждение о нем. Но если ты нейтрален, то тебя как бы и нет: чтобы люди ощутили твою материальность, настоящесть, необходимо противопоставить их воле свою. Нужно столкнуться с чужой волей

и давить, наращивать авторитет, весомость. Две воли сталкиваются и начинают мять друг друга, трансформировать, уживаться. Это клей всего общества. Если ты нейтрален, тебя не замечают. Ты не существуешь, с тобой не считаются. Ты словно монах в горах Тибета – призрак. Ты слышал хоть раз о крестовом походе на буддистов? Я тоже нет. Все потому, что они неинтересны для оппозиции – живут где-то высоко в горах и поочередно исчезают из этого мира. А нам этого не надо. Поэтому для привлечения публики самое главное – не оставить ее равнодушной: ты либо зовешь за собой, либо объявляешь им всем войну. Короче говоря, людям нужно конкретное зло и конкретное добро: какой-нибудь Темный Властелин и Добрая Фея. И если Добрая Фея нужна для привлечения публики, то Темный Властелин необходим для создания забора вокруг твоей сцены – он вызывает злость, страх, отвращение. Ты вырастешь в глазах других людей, а твоя публика почувствует себя исключительной. Нельзя быть добрым со всеми, люди не ценят искреннюю доброту – ты стелешь им красную дорожку, а они либо не замечают согнутой фигуры перед собой, либо принимают тебя за личного раба, – в глазах Алекса вдруг промелькнула печальная тень каких-то воспоминаний. Затем он очнулся и поглядел на меня внимательным, двусмысленным взглядом. – Ты можешь не разделять эту точку зрения, но следовать ей обязан. Иначе вся наша затея бесполезна.

– И ты готов с этим смириться?

– С чем? – не понял Алекс.

– С тем, что занимаешься музыкой только ради бабла.

– Чем-то же надо зарабатывать, – пожал тот плечами. – Я понимаю, что ты сейчас думаешь, раньше и мной руководствовали подобные мысли. Тебе кажется, что искусство – это нечто сакральное, душевное, интимное, прекрасное... То, за что стыдно брать копеечку, ну, исключительно ради пропитания и погашения себестоимости культурного продукта. Такое может спороть только наивная учительница литературы в средней школе. Нет! Искусство – это развлечение! Оно им было, есть и будет! Любой знающий себе цену поэтишка торгуется за каждый свой стишок не хуже армянина на рынке. Потому что он все понимает. Искусство, вопреки всякому мнению, не способно вытащить из клоаки грехопадения: любой уважающий себя садист будет с еще большим наслаждением кромсать жертву изящным ножом в комнате, увешанной библейскими сюжетами да Винчи под органную музыку Баха. И от этого получит еще больше наслаждения. Музыка не меняет человека – она вынимает из глубины его души самые сокровенные чувства, будь то любовь или жестокость. Человек слушает музыку про себя, и от этого балдеет.

Я с интересом наблюдал за изменениями в мимике и интонации Алекса: когда разговор заходил о поппе и о деньгах, он обычно становился резким и агрессивным. Казалось, Алексу самому не нравилось то, что он говорил. Пылкость его речей выдавала какую-то внутреннюю борьбу.

– А ты думал о том, к чему все это может привести? – спросил я.

– К тому, что в конце концов мы заработаем денег и нам не придется влачить грязную рабскую жизнь. Мы все, – Алекс обвел студию широким жестом, – праправнуки древних гладиаторов, покупающие себе свободу.

– У кого?

– У общества, у закона. Человеку с деньгами плевать на мнение нищего населения, ведь оно уважает и завидует ему. Человеку с деньгами плевать на законы, ведь он может купить судью или нанять хорошего адвоката. Человеку с деньгами не надо работать на хозяина, терпеть его унижения, предавать свои интересы и ждать милости в виде кусочка зарплаты. Человек с деньгами может путешествовать где угодно и на чем угодно...

– Не ново, – хмыкнул я.

– Не ново, – согласился Алекс. – Но это единственный способ отделаться от кандалов. Можно еще уйти в буддисты, но это не по мне...

– А как насчет того, чтобы помочь другим сбросить кандалы? Повести людей за собой, раз уж ты так ненавидишь рабство.

Алекс усмехнулся:

– Я не претендую на роль Спартака в современном мире. Тем более его конец был не самым завидным. К тому же сами спасенные, освобожденные никогда не оценят твоих стараний. И надо ли это им вообще? Почему ты думаешь, что сделаешь для них доброе дело? Человек – это просто животное, которое почти не отвечает за свои действия. Человеку надо пожрать, потрахаться, доказать, что его новый смартфон круче соседского, и облегченно улечься под телек. В той или иной степени, конечно. Выход из этого замкнутого круга – сложные мысленные и волевые усилия, достойные героев. Запомни: мир катится по пути наименьшего сопротивления, и поэтому здесь все так, как есть.

– Вот пришел в свое время Иисус, – продолжил Алекс, когда я собрался было как-то возразить, – хотел добру научить, в итоге оказался на кресте и превращенным в персонажа пафосных слезоточивых историй. На этих историях впоследствии росли поколения борцов за справедливость и творили таких гадостей, что... Вот тебе и благодарность. Не говоря уже о том, что с тех пор бюрократия стала более совершенной – меня повяжут раньше, чем я успею крикнуть «Свобода!». Так чего рыпаться? И других подведу, и себя под нож поставлю. У нас ведь не кастовая система, бюрократия позволяет обрести свободу, но только самому, если ты докажешь, что достоин. Именно это мы и должны доказать.

– Выглядит цинично, – заметил я. – Вообще-то после нашего разговора по дороге в Ставрополь я зачислил тебя в анархисты. Я думал, власть в любом виде вызывает у тебя неприязнь, а ты согласен плясать под их дудку.

– Я не против руководящих органов, но управлять должны те, кому нечего терять.

– То есть, отчаянные сорвиголовы? – удивился я.

– Почти. Я говорю о тех, кто не станет при мысли о решении какой-то важной задачи думать в первую очередь о своей заднице: как поведут себя его счета в банке, удастся ли продолжить бизнес, на сколько упадет или вырастет в цене недвижимость, не захочется ли бандюганам вырезать всю его семью или сможет ли дорогой сынишка продолжать обучение в Оксфорде. Когда человеку нечего терять, в нем пробуждается мужество. А с мужеством просыпается ответственность. Когда ответственный, мужественный политик сталкивается с проблемой, больше вероятности того, что он с ней справится. А сейчас я вижу только жирных баб в кабинетах мэров и креслах губернаторов. Баба, ясное дело, будет тащить все попавшееся на работе добро к себе в дом. Она не может отвечать за свои слова и поступки, это прерогатива мужчины. Управлять должен лидер, хозяин, мужик. Но предполагаю, в том, что они бабы – это не их вина. Это вина их жен. Жены политиков ведут себя не как женщины, а как истеричные мужики – то есть дофига думают и много чего хотят. Это ломает все общество. Мужика надо пробираться в неизвестное Вперед и не задумываться о тыле – тыл прикрывает его жена. Поэтому политик должен быть либо женат на женственной жене, либо не иметь ничего, чего боялся бы потерять.

Я некоторое время обдумывал его слова, Алекс листал мой блокнот как будто в поисках подходящих текстов. На самом деле он тоже был озадачен своими словами и переваривал какие-то выводы.

– А для анархии общество еще не созрело, – вдруг заявил он.

– Не созрело для того, чтобы делать все, что ему заблагорассудится?

– Нет, общество еще не знает, чего оно хочет. Сейчас оно хочет того, что говорит ему телевизор. А телевизору нужны только деньги.

– Кто же тогда расскажет обществу, чего оно хочет на самом деле? – поинтересовался я.

– Не знаю. Может быть, в этом и состоит уловка – не рассказывать обществу ничего, чтобы оно само нашло то, что ищет. Я думаю, ему нужно хорошенько прогнать для начала, – выдал Алекс, – от верхушек до самых корней.

– Поможет?

– Наверно. Но люди нетерпеливы. Революция предлагает светлые времена прямо здесь и сейчас. Никто не хочет трудиться и ждать. А бюрократия настолько укоренилась не только в социально-творческо-экономической сфере, но и в сознании человечества, что попытка ее вырвать без анестезии погубит всю цивилизацию от болевого шока.

– Что это за анестезия? – заинтересовался я.

– Не знаю... – Алекс задумался. – Наверно, пропаганда.

Разговаривая с Алексом, я сожалел о том, что не мог проверить его слова у Тьмы. Сколько в них правды и можно ли ему верить? Ведь он выражает только свою точку зрения, а как дела обстоят в действительности?

Иногда во время беседы я мысленно задавал Ей вопросы в слабой надежде получить ответ. Но Та, как известно, молчала. Вернее, молчать Она не могла, Тьма открыта любому тянущемуся к Ней разуму, только вот различать Ее ответы среди нагромождения посторонних шумов я уже не мог. Я так же сожалел и о том, что в свое время не успел пообщаться с Ней на интересующие меня сегодня темы – в те времена, когда связь с Тьмой была еще прочна, меня занимали далекие от политики предметы. Да и те полученные знания, не найдя применения на практике, благополучно забылись.

– Эй, голубки, долго еще там в уголочке ворковать собираетесь? – донеслось до меня.

Увлеченный разговором, я совершенно забыл о других участниках коллектива, все это время занимавшихся творческим издевательством над инструментами. Гитаристы и барабанщик, видимо, только что вернулись с перекура и застали меня с Алексом все на то же междусобойчике.

– Что-то мы и правда засиделись, – пробормотал Алекс, глядя на часы. – Скоро администрация приползет, а мы еще не пошумели толком.

Глава 8

Работа в магазине все больше раздражала меня. И даже не оттого, что коллегами на восемьдесят процентов являлись женщины, а это значит, что наш коллектив постоянно варился в бульоне зависти, сплетен, интриг и скандалов.

Меня бесили клиенты: капризные, высокомерные или не знающие чего хотят. Бесило начальство, потому что я отчего-то всегда чувствовал себя виноватым перед ними. Бесили коллеги, ибо принимали свою роль прислуги как должное. Казалось, им доставляло мазохистское удовольствие следовать за покупателями вдоль стеллажей с музыкальными и кинематографическими дисками, помогаясь к клиентам бестактными вопросами типа «вам помочь?» или «вы что-то конкретно ищете?», на что получали вполне справедливое «сам себе помоги».

Конечно, такая слежка за клиентом со стороны продавца-консультанта не всегда означает желание помочь или подсказать – работник магазина попросту шпионит, дабы хитрый покупатель не прихватил чего лишнего. Такое положение прислуги-надзирателя тоже порядком выводило из себя.

Не говоря уже о том, что в погоне за индивидуальной премией коллеги бросались на покупателя с жадностью нимфоманки, стремясь отбить друг у друга жертву своей страсти. Постороннему наблюдателю такая борьба, конечно, была неизвестна: в торговом зале всегда царила спокойная и дружелюбная атмосфера. Но по ту сторону прилавка грызня за клиентов не прекращалась – каждый продавец имел свою кассу и компьютер (то есть учетную запись в системе), где фиксировались пройденные через продавца платежи. С каждой проданного товара труженик прилавка получал процент.

С волками жить – по-волчьи выть, только на обглоданную кость я не был согласен. Я все глубже и настойчивей уходил в музыку, желая в один прекрасный момент оставить этот прогнивший изнутри магазинчик навсегда.

Вика уходила в прошлое все дальше. За последнее время я почти не вспоминал о Вике, а Судьба заботливо уберегала от встречи с ней. Случались вечера, когда Вика приходила ко мне из туманного небытия, оживляя затухающие с каждым днем воспоминания. Впрочем, за эти воспоминания я держался сильнее, чем за саму Вику – настоящую. Она стала *чужой*. Я не мог отделаться от соблазна нырнуть вновь, хоть и мысленно, в былые времена радости и прожить их еще разок. Но возвращение на поверхность настоящего всегда сопровождалось болью в груди – будто расплата за только что испытываемые радостные чувства.

Иногда я мечтал. Я представлял, как могла бы сложиться наша жизнь, будь мы сейчас вместе. Я представлял, что в будущем у нас появилась семья, ребенок. Мы проживаем вместе долгую и счастливую жизнь, нянчим внуков и любим друг друга до последнего дня... Но в какой-то момент мечты обрываются – меня выворачивает от мысли жить ролью семьянина. Я вижу себя рок-звездой, жаждущей, впитывающей внимание и восхищение публики. Я упиваюсь своей значимостью, свободой, легко передвигаюсь по планете в любом направлении, не оглядываясь назад, и везде меня встречают и любят. И в этой альтернативе семья – неудобная помеха в приобретении независимости и счастья...

В конце концов я удалил с телефона и компьютера все фотографии Вики и нашу переписку, сменил SIM-карту, чтобы у нее было меньше поводов напоминать о себе. Правда, родители несколько раз сообщали, что она звонила и даже приходила ко мне домой. Эта новость вызвала лишь чувство торжества и даже злорадства – я надеялся, что с Антоном у них ничего не получилось и Вика поняла, кого она потеряла. Я попросил родителей ничего не говорить ей обо мне. Вика все еще любила меня, желала вернуть, а я стремился к жизни подальше от нее.

И еще в этот период меня стала одолевать паранойя. Впервые я ощутил ее, возвращаясь с репетиции поздно вечером. Меня не оставляло подозрение, что кто-то или что-то следует по пятам: со стуком своих шагов я явственно слышал другие, но стоило остановиться, как посторонний стук прекращался.

И все бы ничего, возможно, это было просто эхо от моих шагов, однако присутствие – живое, почти осязаемое – не давало покоя. Это что-то двигалось позади меня то слева, то справа, то удалялось на такое расстояние, что я больше не мог его ощущать, то вновь приближалось и нависало над головой. Темнота ночного города, особенно в его слабоосвещенных участках, рисовала в моем сознании некое летающее чудовище в черном оборванном плаще. Чудовище парило в воздухе, старательно создавая впечатление, будто передвигается по асфальту, чтобы я резко огляделся в надежде обнаружить преследователя, а это чудовище успело скрыться на своих крыльях во мраке. Домой я добрался в тот день, запыхавшийся от бега и необъяснимого страха.

Затем паранойя поднялась до следующего уровня, более серьезного: я переходил зебру, как положено – на зеленый, и вдруг что-то дернуло сзади так, что я сел на задницу прямо посреди дороги. Не успел я обернуться, дабы выразить свое недовольство такой выходкой (знакомому или кто там решил пошутить) как передо мной пронеслась заниженная белая «семерка», звякнула стеклами от громыхающего сабвуфера и умчалась в неизвестность, подмигнув карачаевской девяткой на номере.

Казалось бы, ничего удивительного в таком происшествии нет, особенно со стороны наших южных соседей, если бы в дальнейшем похожие инциденты не прописались в моей жизни.

Это был и вырвавшая поводок из рук хозяина овчарка, от которой я еле успел спрятаться за дверью какого-то гастронома. И надломившийся во время сильного ветра сухой сук дерева (к счастью, запутавшийся в ветвях, а потому упавший с некоторым опозданием). И советская акустическая система весом в сорок килограмм, висевшая в студии, где мы репетировали (старые рейки надломились и здоровенная колонка грохнулась прямо на меня, обошло несколькими ушибами). Один раз во время грозы в меня едва не угодила молния.

Но излюбленными приемами у неведанных «заказчиков» были внезапно появляющиеся на дороге автомобили именно в тот момент, когда я пересекал проезжую часть, – такое случалось непозволительно часто. Наиболее впечатлительные тут же побежали бы к ясно-видящим снимать порчу, потому как никакого другого объяснения, кроме «сглаза», трудно себе представить. Но я не питал иллюзий насчет данных специалистов, и объяснял себе все эти происшествия связью с Тьмой: я вообразил, будто Тьма, как истинная женщина, очень переживает от невозможности донести до меня свою мысль и закатывает истерику по этому поводу, стараясь разбить мне голову в надежде, что это как-то поможет. Такое объяснение поначалу казалось убедительным, но чуть позже я понял, что Она здесь совершенно не причем.

Дело в том, что я ощущал себя как бы под прицелом у снайпера, засевшего на крыше неподалеку. Он следил за мной и дома, и на улице, и на работе. И как только в его ментальном прицеле назревал подходящий случай, он чуть-чуть поправлял события в нужную сторону нажатием на спусковой крючок и внимательно следил: попадет снаряд или нет? Переменчивый ветер Судьбы до сих пор нарушал траекторию полета пули. Тогда мистический стрелок пробовал еще.

Я сделал два вывода: или снайпер – говно, или в его планы не входило мое уничтожение, а он стремился только припугнуть. Но с какой целью – этого мне сообщить забыли.

Во всей этой психологической и мистической кутерьме репетиции являлись настоящим спасительной бухтой, в которую я нырял охотно и самозабвенно.

Близился день записи, который мы ожидали как первоклассники первое сентября. Уже задолго до поездки в студию все выбранные для альбома композиции были постираны, тщательно выглажены, причесаны и пострижены. Кроме того, Алекс расставил треки по порядку, в котором их расположат на носителе. Алекс объяснял это тем, что полноценный альбом – он как книга или фильм, в нем должны присутствовать вступление, кульминация и концовка. Вступлению необходимо быть ярким, бойким, – чтобы у публики возникло желание слушать дальше. Это должен быть какой-нибудь хит или тема, по мнению музыкантов, претендующая на него. Ближе к середине необходимо поставить что-то лирическое, мелодичное, чтобы позволить слушателю немного отдохнуть. Концовка должна быть слегка непонятной и почти такой же сильной, как вступление. Последней темой группа должна как бы прощаться со слушателем, но обязательно пообещать вернуться, чтобы возникло желание переслушать альбом заново. Идеальной концовкой, говорил Алекс, можно считать «Это все...» Юры Шевчука.

Шла очередная репетиция. Алекс делал какие-то наброски в тетради, прослушивая через телефон черновые записи наших песен, Сергей менял на гитаре струны. Игорь и Дима ушли в магазин за пирожками – Солнце перекаатилось на вторую половину неба, а мы просидели в ДК с самого утра. Послезавтра предстояла поездка в Ставрополь, играли мало, по большей части просто вносили последние корректировки, но аранжировкой у нас занимались в основном Алекс и Сергей, поэтому заняться мне было категорически нечем. А бездействие всегда вызывало во мне чувство бесконечной тоски.

Я сидел на подоконнике, наигрывая что-то бессвязное на акустической гитаре Сергея, и глядел в окно. В голове появлялись идеи для новых песен, но стоило взять блокнот и ручку, чтобы записать получившиеся рифы или стихи, как эти идеи успевали перетрансформироваться несколько раз и уйти далеко от исходной точки. Голова работала быстрее, чем я успевал материализовать свои мысли. Я отложил блокнот и на некоторое время отдалился от реальности, наигрывая какую-то мелодию.

– Ты опять придумал новую песню? – раздался возле самого уха голос Димы.

Я открыл глаза – Дима стоял передо мной, его лицо изображало святого мученика. Игорь все еще постукивал по тарелкам в такт моей мелодии, Сергей внимательно жевал пирожок, Алекс отложил свои записки и тоже глядел на меня.

Я почему-то сконфузился и начал оправдываться:

– Не придумывал я ничего, просто на ум пришла чья-то песня.

– Смотри – засмутился, – оскалился Дима.

– Кто исполняет? – поинтересовался Алекс.

Я задумался. Действительно, ни автора, ни названия невозможно было вспомнить.

– Что-то ты странный в последнее время стал, – озабочено проговорил Дима. – Тебя, походу, в тот раз колонкой здорово прибило.

– Что значит – странный?

– Ну, ты куда-то пропадаешь, – протянул Дима. – Стал молчаливым. Вот, например: мы вчетвером стоим в том конце студии, играем, я ищу тебя глазами, но нигде не нахожу. Потом ты начинаешь что-то говорить, и только тут я понимаю, что ты стоишь рядом.

Я хотел было уже податься в какие-то разъяснения, как Дима меня перебил:

– У тебя надо по десять раз спрашивать, чтобы до тебя дошло, что к тебе обращаются.

А отвечаешь только одними отговорками: не знаю, не помню, не видел...

– Это мои заботы, – немного резко сказал я.

– Твои-то – понятно. Но ты нас не слушаешь, мы тебя не видим. Ты не присутствуешь. Я не упрекаю тебя, но нам важно знать, что творится в твоей креативной башке. Мы все здесь заинтересованы в том, чтобы команда оставалась командой, а не группой собирающихся два раза в неделю лиц. А твое поведение больше не напоминает обманутого любовью романтика,

понимаешь? Если у тебя есть проблемы, попробуй рассказать о них, мы поможем. Никто не будет в восторге, если однажды ты разобьешь себе голову, выпрыгнув из окна.

Последние слова Димы меня возмутили.

– По-твоему, я суицидник?

– А как тебя еще назвать? Ты же буквально под колеса бросаешься на дорогах.

– Они на красный едут, – слабо возразил я.

– Одни идиоты на красный прут, другой делает вид, будто ничего не замечает. Ты себя застраховал, что ли?

Я молча оглядел всю команду – те внимательно наблюдали за мной. Кажется, все были солидарны с Димой. Рассказать им? Не поймут и не поверят. К тому же я и сам не верил до конца своим мыслям. Вдруг я действительно схожу с ума? Признание своего психического расстройства – уже половина лечения. Но какую борьбу для этого нужно было выиграть у себя самого! Ведь необходимо будет признать, что твое восприятие мира обманчиво, а у человека нет ничего ценней этого.

– Со своими проблемами я сам разберусь, – буркнул я, откладывая гитару в сторону, и направился к выходу. В спину мне летели то ли упреки, то ли просьбы, но те и другие были мне совершенно безразличны. Я не собирался ни перед кем оправдываться.

Жаркое июльское Солнце все еще кипятило атмосферу города, заставляя прятаться в тени домов и деревьев. На открытом пространстве падающий с небес поток света вполне был способен вбить в землю гвоздь. Горожане глотали пыльный воздух и с нетерпением ждали наступления осени. Впрочем, люди уже настолько обнаглели, что считают своим долгом критиковать любую погоду, если она не вписывается в их планы на выходные.

Идти домой не было никакого желания, я блуждал по дворам, занятый переоценкой жизненной полки, на которую угодил, но чем больше я про нее думал, тем меньше интереса к этой самой жизни проявлял. Может, так и просыпаются суицидальные наклонности? Может быть, Дима прав? Может быть, это не машины летят прямо на меня, а я сам прыгаю под колеса?... Каким соблазнительным было желание сдать и довериться многовековому опыту психотерапии!

Тьма, что ты сделала со мной?

Как только я это подумал, чувство опасности забило тревогу. Я обернулся вокруг своей оси, будто ожидая увидеть за деревом какого-нибудь киллера в плаще и широкополой шляпе с «макаром», нацеленным мне в сердце. Двор оказался пустым, за исключением нескольких пацанов, играющих в футболистов на площадке. Невидимая угроза пряталась где-то в подъездах, за машинами на стоянках, в кроне деревьев, за поворотом – в общем, из любых, не достигаемых взору мест. Нужно было найти открытое пространство. Я понимал, что чувство безопасности посетит меня только дома, но и это будет просто чувством. В идеале необходимо было убраться подальше от людей и предметов.

Очень скорым шагом я направлялся в сторону Кубани. Впереди, под высокой набережной, шумела река. Мягкий ветер касался верхушек травы, создавая иллюзию чьего-то присутствия в зарослях. Справа, в полукилометре от меня, виднелся мост с рядом аккуратных розовых домиков с красными крышами. Там находилась плотина. Я понял, что идти необходимо именно к ней.

Тишина, создаваемая отсутствием каких-либо городских звуков, вызывала доверие. Чувство тревоги угасало. Я уперся руками в перила и смотрел, как вода по ту сторону гидротехнического сооружения бурным потоком растекается по оскудевшему руслу. Недалеко загорелые рыбаки махали удочками на каменистых островках.

Где-то в небе гроыхнуло. Я принял громкий хлопок за выстрел и автоматически присел на корточки, желая спрятаться. Только через несколько секунд до меня дошло, что выстрел звучит как-то иначе, а этот хлопок был рожден истребителем, перешедшим на

сверхзвук где-то высоко в небе. Такое бывает в наших краях – граница недалеко. Однако подниматься на ноги я не спешил: внимание привлекла приросшая к моим ногам темно-серая тень. Причину следующих своих действий я не могу назвать – все произошло как-то бездумно.

Сидя на корточках, я широко расставил руки, уперся ими в асфальт, покрывавший дорогу плотины, будто собирался сделать несколько отжиманий на свежем воздухе. Горячее от солнца дорожное покрытие показалось мягким шершавым желе. Я чуть надавил, и руки по запястья погрузились в эту субстанцию. Еще небольшое усилие – и я по локти утонул в асфальте, с виду остававшемся твердым как камень. На секунду в голове пролетела мысль о том, что если просунуть руки дальше, то, возможно, они вылезут где-то под мостом. Но вместо этого я сделал глубокий вдох (а вдруг провалюсь в реку?), закрыл глаза и нырнул в серое пятно тени.

Чувство было точно такое же, как при прыжке в воду: сначала я погрузился в нее, сделал кувырок, затем меня стало выталкивать на поверхность – я вынырнул. То место, куда я вынырнул, не было похожим ни на Кубань, ни на плотину – в их привычном виде. Это было даже не место, а места. В том плане, что там не было привычной трехмерности – я видел предметы сразу с нескольких сторон и изнутри одновременно. Несколько первых секунд кружилась голова, я не понимал, стою я, лежу, плыву или повис в воздухе. Мир поместили в большой лотерейный барабан, провернули его, и теперь некоторое время приходилось ждать окончания вращения, чтобы все это улеглось.

Забегая вперед. События, происходящие в Тени, я буду описывать наиболее пригодным для человеческого восприятия словообразами в ущерб правдивости повествованию – как оно было на самом деле. Другого способа изобразить эту мерность не существует.

Главной особенностью этого нового состояния заключалось в том, что в окружающем отсутствовали источники света. Следовательно, весь мир был погружен во мрак, но я каким-то чувством видел окружающее точно так же, как при ясном дневном свете.

Под ногами была все та же дорога, над головой висело такое же небо, все те же розовые здания с красными крышами выстроились вдоль моста. Но распознать их получилось далеко не сразу.

Многомерное восприятие позволяло видеть сквозь толщу кирпичных стен подъемные механизмы шлюзов или разглядеть на дне Кубани закутанный в пушисто-склизкий зеленый мох булыжник. Я видел (именно видел – не слышал) гогот гусей во дворе старого саманного дома, обложенного кирпичом пять лет назад, в районе частного сектора. Я видел запах пожухлой на Солнце травы, склоненной сильным ветром к земле на берегу реки.

Эта каша звуков-запахов-изобржений крутилась в голове, мешая сконцентрироваться. Так, впервые посетив какой-нибудь промышленный цех, поначалу теряешься от грохота, создаваемым ансамблем аппаратов и от мешанины рабочих, выполняющих непонятные операции. Со временем растерянность эта исчезает под действием привычки и разъяснения каждого производственного процесса, и ты спокойно начинаешь плавать по цеху как рыба в воде. На это уходит время – неделя, месяц, но в моем случае я справился с подобной неразберихой за несколько минут. Я понимал, что любое сопротивление бесполезно: хватаясь за голову и молясь о том, чтобы вся это круговерть поскорей закончилась, можно только усугубить положение. Поэтому я доверился потоку новых органов чувств, и шок вскоре закончился.

Самое удивительное я заметил чуть позже, когда привык к новому состоянию: изменился не только окружающий мир, но и сам я. Теперь вместо плоти и крови я, заглядывая внутрь самого себя, видел мерно блестящую энергию. Сначала энергия эта казалась однотонным бледным облачком, но затем я научился отличать мерцания разной интенсивности и яркости.

Мое энергетическое тело было таким же разнородным, как и физическое. Кроме того – облачко было связано с окружающим миром сетью *каналов* разного диаметра и цветов, по которым текла живая энергия. Я видел и раньше эти каналы, когда только-только пробил щель в своем яйце, но тогда еще не знал, откуда они тянутся. Большинство нитей были короткими и соединяли ближайшие объекты. Некоторые из них тянулись над поверхностью Земли и связывали предметы на дальних расстояниях. А самая меньшая часть – устремлялась в небосвод, причем так далеко, что заметить другой конец было невозможно даже ментальным взглядом.

Догадаться было нетрудно, эти каналы – *нити Судьбы*, связывающие субъекты Жизни, ткущие реальность как матерчатое полотно. Я представил себя коконом, застрявшим в паутине, но, присмотревшись, отбросил эту мысль. Облачко больше походило на микропроцессор, получающий энергию одной частоты и передающий ее в другой.

Что это?

Я спросил неосознанно, скорее по привычке цепляясь хоть за что-то, способное дать объяснение.

Это твой личный свет. – Прозвучал ответ Тьмы. Я понял Ее так четко, как до этого не понимал никогда, будто Тьма находилась непосредственно в моей голове. – ***Ты в Тени. Стражи называют это состояние теневой личностью.***

Кто такие Стражи?

Стражи – это Стражи. Когда ты их встретишь, ты поймешь.

Они, вероятно, что-то охраняют? Сторожат?

Книгу Хаоса. – Спустя довольно долгую паузу я понял, что более конкретного ответа не дождусь и продолжил:

Как я здесь оказался?

Любой Страж рано или поздно находит сюда дорогу. Так же, как находит способ понимать Тьму. – Четкость восприятия Тьмы превосходила четкость понимания ее «слов». Но я и этому был рад.

Со временем мы научимся вести с тобой долгие беседы. А пока ограничения слишком сильны в тебе. – Она говорила о социальных блокировках. – ***Сейчас ты способен понимать только простейшие образы.*** – Как младшеклассник способен распознавать в учебнике лишь ограниченное количество самых распространенных слов.

Значит, так выглядит окружающий нас мир?

Нет. Но это наиболее приближенная версия, доступная человеку.

Я не стал углубляться в познание места, куда меня занесло, и решил задать мучавшие уже довольно долго вопросы, опасаясь внезапного разрыва связи:

Правильно ли то, чем я занимаюсь?

Продолжай. – Лаконично ответила Тьма. Туманный ответ заставил на некоторое время задуматься: продолжать свой вопрос или продолжай – в смысле свою деятельность? Честно, чем больше ответов получаешь, тем больше возникает вопросов.

Верны ли слова Алекса, относительно рока и... всего остального?

Это просто мнение. Истина ему не доступна. Но в любой правде есть доля правды.

Мне кажется, он не верит в свои слова.

Верит. Но боится признаться себе в этом.

Следующий вопрос сорвался помимо моей воли:

Как мне вернуть Вику? Как снова полюбить ее? – И тут же раскаялся, что задал его.

Тьма некоторое время молчала. Я подумал, может быть, Она не захочет отвечать, но тут в голове пронесся образ, оборвавший слабую надежду:

Никак.

Вот как. Почему-то спрашивать дальше ничего больше не хотелось. Я провел внутренний анализ и сделал вывод, что вопрос о Вике мучил меня злее всех остальных, и что именно о ней я хотел поговорить в первую очередь. Но боялся узнать правду.

Перспективная цепочка Судьбы является недостижимой. Ты не можешь вернуть Вику в какой-то из данных моментов. – Как бы в утешение пояснила Тьма. Но пояснила так неопределенно, что кроме как из жалости я не нашел другой причины Ее слов. (Все время забываю, что Она – не женщина.)

Меня хотят убить. – Сказал я через некоторое время.

Это Хаос. Он уже видит в тебе угрозу.

Что такое Хаос?

Беспорядок. – По-словарному ответила Тьма. Никакой другой формулировки Она не сумела дать. – **Это Он загнал тебя сюда.**

Я в ловушке? – По спине пробежал холодок.

Нет. На этот раз в ловушке – Он.

Тут как будто невидимая рука перевела мое внимание куда-то в сторону. В десятке метров от меня обнюхивало дорогу странное существо: дворняга с крыльями и ушами летучей мыши и огромным хвостом скорпиона. Конечно, это был не истинный облик зверя – мое сознание нарисовало такую картинку, исходя из функционального образа врага. Перепончатые крылья позволяли ему летать с хорошей маневренностью, собачий нюх – ориентацию в мире запахов, уши-локаторы подсказывали, что враг имеет эхолокационные способности. Хвост скорпиона являлся оружием. Чудовищная собака бродила по мосту, но, кажется, меня совершенно не замечала.

Вот она – причина моей паранойи.

Одна из. – Подсказала Тьма.

Жуткое чудовище, – почти жалобно подумал я. Страх начинал подниматься во мне. Пока эта тварь бродила на расстоянии, я чувствовал себя в относительной безопасности, но знал – стоит химере лишь глянуть в мою сторону демоническими глазами, как я мигом наложу в штаны.

Твой страх – причина существования демона.

Мне нужно избавиться от страха?

Ты к этому еще не готов. Но когда научишься, перестанешь видеть созданий Хаоса.

Они исчезнут?

Нет, тебе понадобится кто-то, кто испытывает страх. Близкое по разуму существо. Человек.

Почему он не нападает?

Еще не может сообразить, существует он или нет. Так же как и ты. Тебе необходимо научиться защищаться. Атакуй демона.

Я поглядел на длинный костяной хвост собаки, венчавшийся внушительным жалом, и на свои голые руки.

Будет непросто. – Сказал я.

Тут я заметил перед собой узкий продолговатый предмет, парящий в воздухе. Крестовина в нижней части предмета не оставила сомнений – это длинный меч. Клинок этот был настолько черен, что ярко выделялся даже на фоне отсутствия света. Меч казался трещиной на теле реальности, за которой находилась абсолютная пустота. Что-то вроде трафарета: контур меча создавался не наличием его физической формы, а наоборот – отсутствием чего бы то ни было. По краям оружия можно было различить тонкую полосу искаженной реальности, что-то вроде стеклянной трубки, за которой предметы размывались и теряли свои

очертания. Наличие такой полоски делало клинок родственником Черной дыры, непонятно почему изменившей свою природную форму.

Я взялся за рукоять, но не испытал никаких тактильных ощущений. Оружие не находилось ни в одном из ведомых мне агрегатных состояниях – я просто осознал его присутствие у себя на ладони, не чувствуя никакого веса. Лезвие (или я) оказалось абсолютно тупым – ни малейшего вреда большому пальцу левой руки оно не причинило. Я не вдруг сообразил, что это не обычный кухонный ножик, который можно таким бытовым образом проверить на остроту. Я несколько раз махнул клинком – тот послушно выполнил маневр. Какое-то предназначение у него все-таки имелось.

Взгляд снова упал на рыщущую невдалеке уродливую собаку, успевшую к тому моменту отдалиться от меня на несколько метров, все так же внимательно изучающую запах следов. Я сделал несколько шагов, псина насторожилась. Двигаться в многомерном пространстве поначалу было довольно трудно – я несколько раз терял траекторию, будто младенец, только что научившийся ходить. Такой неосознанный маневр сбил с толку демона, заподозрившего неладное, и позволил подобраться к нему на близкое расстояние.

Я махнул мечом, целясь прямо в хребет чудовищу, но неожиданно промахнулся – лезвие с необычайной легкостью перерубило хвост и задело уголок перепончатого крыла. Собака взвыла, но не от боли – я знал, что боль ей неведома, – и рванула в небо, «хромая» на левое крыло. Несколько секунд я наблюдал за полетом чудища, ожидая его возвращения для мести обидчику, но псина улетала все дальше, пока не скрылась в гуще реальности.

Ты Его спугнул. Теперь Он будет осторожней, но и удары станет наносить более сокрушительные. Хаос понял, что с тобой можно контактировать.

Ввязался на свою голову. Надеюсь, это просто сумасшествие...

Значит, если бы я не попал в... Тень, не увидел бы этого чудовища, то находился бы в большей безопасности?

Твоя судьба неминуема. Не держись за реальность. Конечное значение имеет только Действительность.

Внезапно меня пронзил ужас: некая сила как будто обхватила сзади за грудь и плечи, пытаясь утащить, хотя никого и ничего позади не было. Словно призрак, схвативший человека в темном коридоре. Тень пришла в хаотическое движение, меня кувыркнуло назад через голову.

Твое сопротивление еще слишком слабо, чтобы находиться в Тени долгое время.

Последние слова Тьмы эхом долетели до меня, будто из загробного мира. В глаза ударил ярчайший свет, который я когда-либо видел, от грохота падающей с высоты реки едва не лопнули перепонки. Словно только что родившись, я на некоторое время заткнул уши и зажмурил глаза, пока боль в основных органах чувств не истончилась. Я сидел на мосту плотины, сжавшись в защитный комок, и удивленно смотрел по сторонам: каким скудным и плоским показался мне мир в тот момент!

Глава 9

Рано утром возле главного входа в ДК им. Горького курили в ожидании Дима и Сергей. Инструментов не брали – запись начиналась с барабанов, так что, по словам Алекса, пару дней гитаристы и вокал не понадобятся в студии. Но нам интересно было понаблюдать за процессом, все-таки не каждый день записываешь свой альбом. Отправка из Невинки в Ставрополь была назначена на семь часов, была половина, так что я даже удивился: чего так рано пришел? Подходя к друзьям, я услышал обрывок какого-то спора:

– Да все равно, какой-то бред – «Семь дорог». Почему семь?.. К чему вообще эти дороги?

– Привет всем, – я приветственно пожал им руки.

– Вот, – Дима указал на меня, – спроси у нашего вокала, это он придумал. Мы вчера втроем после репетиции с Алексом часов до одиннадцати сидели, выдумывали все.

– Что я придумал? – спросил я, хотя уже знал ответ. Этим словосочетанием мы решили окрестить свой первый альбом. Название группы, как ни странно, изменять не стали.

– «Семь дорог» – твоя же идея? – прищурился Сергей.

– Да. А что?

– Наверняка в этом есть какой-то тайный смысл, – с пафосом произнес Дима. – Какие-нибудь... затерянные тайны пирамид. Или славяно-арийские Веды. Или... мать его, какую там еще хренотень придумают. Вы сегодня новости не смотрели? Там не говорили, какую новую хренотень сегодня придумали?..

– Нет, серьезно, что это означает? – перебил его Сергей.

– Да что это может означать, – отмахнулся Дима. – Умность очередную. Вот мое предложение «Гомофобы из глубинки» все как-то забраковали. – Дима построил обиженное выражение.

– Ясен пень, забраковали. Кому охота называть себя гомофобом, тем более, если ты к ним не относишься? – мрачно произнес Сергей. – Какой-то негатив сразу вызывает.

– Не, я к ним очень хорошо отношусь. А вот с тобой за это в одной палатке спать не стану.

– До восьмидесятых в психиатрии термин «гомофобия» означал боязнь однообразия, – зачем-то пояснил я.

– Ты что, ботаник, что ли? – удивленно вытаращился Дима.

– А что означает «Семь дорог»... я точно не могу сказать. Эти слова вызывают у меня образ перекрестка с семью дорогами, как у Макаревича. Каждая из них ведет в неизвестность, но только в конце одной из дорог сияет Солнце. Главное – не промахнуться с выбором...

– У этого парня, – басист толкнул Сергея локтем и указал на меня, – тараканов в голове хватит на взвод полоумных.

Я порой завидовал той легкости, с которой живут мои «коллеги». Им незачем заморачиваться насчет глубин вселенной и человекознания, оттого они с аппетитом вкушают радости жизни, минуя лишние головные боли и бессонные ночи. Если этим людям сообщить, что ты не спал всю ночь, у них может возникнуть только два вопроса: с кем бухал или с кем совокуплялся? Третьей причины в принципе не может быть. Потому как человек, сознательно лишаящий себя блага сна ради того, чтобы... подумать (!), выглядит крайне глупо. Зачем думать, если это не приносит выгоды? Любая цепочка умозаключений рано или поздно уткнется в стену, сквозь которую невозможно заглянуть: кто я, для чего я, откуда я?.. Сплошная демотивирующая пустота. Но я окунаюсь в еще большую пустоту, ограничивая полет своих мыслефантазий.

Спустя несколько минут подъехал Алекс, Игорь был вместе с ним. По дороге в Ставрополь салон «двенашки» был полон ажиотажа и нервного предвкушения. Сам водитель старался не говорить, боясь охладить боевой пыл команды неосторожными измышлениями. Как только мы выехали на трассу и Алекс дал газу, я пожалел, что не остался в этот день дома – скорость выше шестидесяти казалась невероятно опасной.

Позавчерашнее приключение в состоянии теневой личности не только не избавило от паранойи, но и усилило ее. Всюду мерещились крылатые собаки. Страх перед неведомым Хаосом перебарывал осознание того, что Ему все-таки можно противостоять. Что это за Хаос и почему он задался целью убить меня – я совершенно не понимал. Конечно, мыслей приходила уйма, только верны ли они? Единственной помощью Тьмы в этом вопросе была презентация способа противостояния Хаосу: теневая личность и загадочный меч. Но и не оставляли подозрения, что Она специально загнала меня в Тень, чтобы подвергнуть смертельной опасности. Все эти два дня я боролся с соблазном снова проникнуть в теневое состояние, но так и не решился из-за необъяснимого страха.

Мы прибыли в уже знакомое ветхое здание «Железного радио», где некогда прослушивались для Ставропольского рок-феста. Студия звукозаписи представляла собой несколько помещений: комната звукорежиссера, где был установлен микшерный пульт, и три комнаты для записи с разными уровнями поглощения частот.

Вопреки ожиданиям окно с толстыми стеклами, связывающее комнату записи и микшерной комнатой, служившее узнаваемым атрибутом студий, отсутствовало. Его заменяли камеры видеонаблюдения, выводившие изображение на компьютерный монитор в комнате звукорежиссера. Барабаны уже были установлены – Алекс привез их вчера перед репетицией вместе с Игорем, чтобы не тратить время. Аренду нам предоставили на пятнадцать дней с неплохой скидкой – в связи с хорошими показателями на фестивале.

Первые полчаса Алекс, Игорь и звукорежиссер Миша обсуждали план действий и прослушивали черновые записи. Я, Сергей и Дима устроили себе экскурсию по студии, изучая техническое оснащение: микрофоны, акустические системы, строение стен, дверей и окон, мультимедийные программы. Затем Игорь ушел настраиваться, а мы расселись на диване за спиной звукорежиссера и стали ждать. Запись длилась долго и нудно: Игорь барабанил под метроном, то и дело спотыкался, перезаписывались дубли, изучались записи с разных микрофонов. Такой трудоемкой работы мы не ожидали. Музыку требовалось перенести на носитель для многократного прослушивания, наделяя при этом необходимой формой, которая компенсировала бы отсутствие живого звука.

На запись барабанной партии ушло почти два дня, еще неделю Алекс не без удаленной помощи звукорежиссера занимался склейкой понравившихся дублей. Я и остальные члены команды мало что понимали во всем этом компьютеризованном бардаке, над которым корпел «директор» у себя дома, но частенько заходили к нему ради любопытства. Следующим шагом была запись бас-гитары, в студию отправились только Алекс и Дима. Басовые партии были готовы через шесть дней. Затем писалась гитара, на запись и редактирование потратилось почти полторы недели. Специально для альбома Алекс пригласил знакомых музыкантов – скрипача и флейтиста, – чтобы те исполнили несколько коротких партий, которые на репетициях воспроизводились синтезатором. Спустя полтора месяца после начала работы над альбомом настала пора записывать вокал. На этот раз студию «ЖР» команда «Скальд» посетила в полном составе, чтобы прослушать получаемый результат.

Запись вокала – одна из самых сложных стадий. В отличие от других музыкантов у вокалиста нет возможности произвести качественную обработку электронными способами. Можно подравнять ноты и такт, но такие эффекты как эмоции, окрас, энергетика даст только сам исполнитель.

Алекс занимался своим делом старательно, добивался идеального звучания каждого фрагмента, вкладывал в этот альбом все свои музыкальные знания. Мне приходилось десятки раз повторять одну и ту же фразу, если Алекс хоть на секунду сомневался в ее идеальности. Постоянные прерывания мешали погружению в осязаемую музыку, как это происходило на репетициях, что очень раздражало. Я видел в перерывах, когда заходил в комнату звукорежиссера, как Алекс прослушивает запись снова и снова, нервно делая пометки в тетради. Он выглядел лихорадочно-подавлено. Игорь и гитаристы сидели молча, чувствуя напряженную атмосферу, даже Миша стал каким-то отстраненным и больше не давал советов – кажется, Алекс и звукорежиссер здорово поспорили.

Мы приезжали в студию еще четыре дня для записи голоса – уже вдвоем, – пока не израсходовали все арендованное время. Вечерами Алекс делал редактуру вокала и занимался пробным сведением, которое затем демонстрировал в аппаратной. Полученный результат Мише нейтрально нравился, мне вокал казался правильным до тошноты – совсем как у последнего вокалиста «Арии» Житняка. Но, в общем, получаемые треки устраивали даже Алекса.

Сведение материала закончилось уже на краю лета. После полуторамесячного перерыва Алекс позвонил каждому участнику группы и сообщил о репетиции. На следующий день мы собрались в своей комнате в ДК, где «директор» представил продукт своего труда – трек-лист, ожидающий последнего этапа – мастеринга. Мы впервые слушали себя со стороны в таком формате: настоящий альбом в профессиональном качестве. Как если бы спортсмен переоделся в деловой костюм и осматривал себя в зеркале, еще не понимая, нравится ему такой вид или нет. Но все были довольны результатом уже по той причине, что на руках у нас имелся продукт, который можно выложить в интернете или отослать на радио. К тому же, альбом можно будет попробовать продать.

«Мастерить» решили отдать тому же радио, но другому звукорежиссеру: то ли Алекс хорошо поссорился с Мишей, то ли больше доверял свежему уху, не принимающему участие в записи, для большей объективности. Решал, конечно, преимущественно Алекс, так как обладал большими познаниями в музыкальной сфере, что порождало в нас доверие к его выбору.

Глава 10

Такое событие как запись первого альбома, по мнению Димы, необходимо было отметить грандиозным пиршеством, достойным внимания Вакха. Для этой цели мы сговорились встретиться в баре «Кабанчик», куда неоднократно заглядывали после особо трудных репетиций или на дни рождения.

В «Кабанчике» было еще не так многолюдно, как по выходным, что вполне меня удовлетворяло. Навеки вьевшийся запах рыбы и пива, немного громче, чем обычно играла тяжелая музыка, пара поддатых почтипенсионеров после рабочего дня о чем-то философствовали за столиком в углу. Заведение не самое пафосное, но что-то в нем было такое манящее, вроде знакомств с какими-нибудь бородатыми ветеранами-неформалами, весь вечер рассказывающих интересные истории; отсутствие откровенной пьяни, больше предпочитающей водку под беседкой во дворе. И обстановка классического кабака: грубые деревянные столы, стулья, украшенные затейливой резьбой. Посреди зала находился очаг с муляжом поджаренного кабанчика, роль пламени достоверно исполняли световые эффекты вроде тех, что используют в электрических каминах. Даже для большой плазмы, висевшей на стене, придумали декоративную раму с росписью под хохлому, что никак не отчуждало телевизор от духа заведения. На стенах были развешаны светильники типа средневековых фонарей.

Меню в баре отсутствовало. На стене за стойкой висели бочонки разливного, сам прилавок был заставлен коробочками с сушеными морепродуктами, арахисом, сухарями, чипсами картофельными и мясными, фисташками и копченой рыбой, и этот факт резко скидывал «Кабанчика» на позицию, далекую от английских пабов. Курить в баре строго не разрешалось. Зато всегда играла прекрасная музыка – от «AC/DC» и «Pink Floyd» до «Amon Amarth» и «System of a down».

– За красивых мужиков, собравшихся сегодня вместе! – Предложил тост Дима, и смачный звон полного жидкости стекла раздался над столом.

– Ну что, готовы уже к тому, что завтра ничего не вспомните о сегодняшнем вечере? – таинственно спросил Сергей.

– Ты нам клофелина хочешь подлить? – Дима поднял кружку перед глазами и с интересом начал рассматривать болтышающуюся жидкость. – А потом надругаться над беспомощными телами?

– Вот ты... пафосный. Нет, просто сегодня я вас забухаю до потери сознания.

– О, вот и спонсор банкета! – обрадовался Дима. – Хочу экзотики... и много женщин! Готовься к счету с многая нулями...

– Губу закатай, – посоветовал Сергей. – А вот насчет экзотики ты зря. А то ведь могу исполнить твою мечту о клофелине с надругательствами...

– Как-то надоело уже здесь, – пожаловался Алекс после долгого глотка. – Приелось, что ли. Никакого разнообразия. Вроде бы и все хорошо, и интересно бывает, но не хватает чего-то.

– Пойдемте еще куда-нибудь, – предложил я.

– Нас с твоей рожей фейс-контроль больше нигде не пускает, – сделал попытку пошутить Дима, оскалившись. – Хотя в нашем городишке и идти-то, в принципе, некуда.

– Я серьезно, – сказал Алекс, – лето уже закончилось, а мы до сих пор паримся в духоте этой. То на репетиции, то в студии. Света белого не видели за все лето.

– Предлагаешь посидеть на лавочке с пивом и семачками? – спросил я с надеждой, что это предложение всерьез не воспримут. – Вату покатаем...

– Почему лавочка? – Алекс от этой мысли едва не схватился за голову. – Причем тут пиво и семечки?.. Почему нельзя просто отметить это... по-другому? Без алкоголя, например, травы...

– А как еще можно отметить какое-то событие? – Дима рассмеялся, видимо посчитав подобную идею смешной. – Тортик с чаем попить?

– Почему бы и нет, – набычился Алекс и посмотрел на бокалы с неприязнью.

– Не хочешь – не пей, тебя не заставляют. Возьми себе пирожного, покушай с чаем. Это дело вкуса. Мы вот русские и нам положено пить много водки, играть на балалайках и водить хороводы с пьяными медведями в дремучем лесу вокруг ядерной боеголовки.

– Кем положено? – оживился Алекс, нащупав почву к очередным дебатам.

– Традицией, историей...

– У тебя нет никакой истории, – заявил Алекс мученическим голосом преподавателя, вынужденного двадцать лет повторять одну и ту же лекцию бестолковым студентам. Но вместе с тем уголки его рта намекали на скрытую улыбку, Алекс имел удовольствие все это говорить и повторять. – Всю эту твою историю писали люди, которых ты в жизни никогда не видел, о людях, которых ты никогда не сможешь увидеть. О человеке, который давно умер, можно сочинить целую книгу небылиц – он все равно не сможет встать с могилы, чтобы дать по зубам мистификатору. Ты можешь доверять истории при таких условиях?

Дима промолчал и сделал глоток. Было видно, что он о чем-то задумался, но так ничего и не сказал.

– Нет, – за Диму ответил Алекс. – Потому что история до мозга костей субъективна. Кому-то выгодно распространять мнение о пребывании Золотой орды на Руси, кому-то выгодно это опровергать. Кому-то выгодно причислять Павла I к сумасшедшим, кому-то выгодно видеть в этом происки заговорщиков дворцового переворота. Кто-то считает Петра Великого гениальным русским правителем, кто-то источником русской же деградации. Кому-то нравится видеть в Египетских пирамидах внеземную деятельность, кому-то – примитивное использование рабского труда. Когда я говорю «выгодно», я имею в виду не только материальную выгоду, но и духовную. Если нет единого мнения, значит, нет истины.

– Тебе стоит хоть слово сказать, ты из него такого слона раздуешь, – заметил Сергей. – Прямо волшебница...

– Тогда то, что ты говорил о римлянах, тоже не может быть правдой, – вспомнил Дима.

– Конечно, – легко согласился Алекс. Алкоголь постепенно развязывал ему язык. – Мне просто выгодно видеть в римлянах источник современных проблем. Посмотри кругом: этот бар претендует на реконструкцию заведения прошлого, и именно этот антураж привлекает посетителей, а не качество подаваемого здесь пива – во всем городе оно одинаково, только цены разные. Здесь нет истины. Истина будет там, где добросовестные пивовары продают качественное пиво и не пытаются замусорить сознание покупателей псевдотрадиционностью и навязчивой рекламой.

– То есть, – Дима подвел итог, – людям выгодно считать своих предков алкашами, потому что им хочется бухать?

– Верно и обратное: люди бухают потому, что их предков называют алкоголиками. Человек – как дерево: на какой почве посадишь, таким он и вырастет.

– Алекс, почему всегда после твоих слов хочется повеситься? – простонал Игорь.

– Игорек, иногда мне хочется повеситься, как только я на тебя взгляну, – беззлобно рассмеялся Дима.

– Когда нам альбом смастерят? – поинтересовался я, желая поставить точку в этом споре.

– Послезавтра в студию заеду, будем работать, – охотно ответил Алекс. – Кто хочет – поехали со мной.

У Алекса зазвонил телефон. Коротко глянув на дисплей, он поднялся со стула и отошел к окну – небольшому деревянному квадрату с крестообразной рамой. Несколько минут он с кем-то весело общался.

– Это не из студии? – поинтересовался Сергей, когда Алекс вернулся.

– Нет, – улыбаясь, ответил тот. – Помните, перед прослушиванием с нами ребята из «Разката» стояли? Они потом еще на фесте участвовали.

– Те, со свастикой? – припомнил Сергей. – Или этим... коловоротом. – Дима с гитаристом переглянулись и тихо засмеялись какой-то ведомой только им ассоциации со словом «коловорот».

– Да. У них Костя на гитаре играет, здоровый такой, лохматый. Я с ним переписывался потом «вконтакте», рассказывал про альбом. В общем, он позвонил, предложил забухать. Если вы не против.

– Я за! – моментально отреагировал Дима.

– Я тоже, – присоединился Игорь.

– Он прямо сюда приедет? – спросил я. Перспектива посиделок с недославянолюбями не очень радовала. В отличие от мирных староверов эти граждане по пьяни могут и сжечь на жертвенном костре, если вдруг посчитают тебя деградантом. А деградантами они величали всех, кто с ними не согласен.

– Можно на дачу пахана съездить, – предложил Сергей. – Раз тебя парит это заведение, Алекс. Под небом посидим, шашлыка пожарим.

– Хорошая идея, – одобрил Алекс.

– Откуда у тебя дача? – спросил Дима.

– Батя еще весной прикупил – корпоративы, видите ли, отмечать негде стало...

– А твой отец не будет против, если обнаружит ее загаженной и переломанной? – глаза у Димы азартно блестели.

– Да пофиг на него, пусть и дальше живет со своими магазинами. Мне он ключи дал только для того, чтобы я собак ездил кормить.

Алекс совершил несколько звонков, координируя действия своих товарищей из «Разката», мы быстренько прикончили свои порции пива. Затем «директор» отправился в гараж за машиной, несмотря на слегка поддатый вид, уповая на бессмертное авось. Остальные поехали на маршрутке в гипермаркет, чтобы закупить маринованного мяса, овощей, алкоголя и прочую продовольственную мелочь.

В седьмом часу «двенашка» подозрительно аккуратно двигалась по трассе в сторону дачного поселка. За ней следовал автомобиль неизвестной марки – только приглядевшись можно было определить, что передняя часть кузова принадлежала «УАЗу», а задняя – какому-то старенькому американскому джипу. При этом кузов был длиннее среднего автомобиля раза в полтора, что делало машину похожей на лимузин или микроавтобус. Такие экземпляры иногда производились особо вдохновленными умельцами автомастерских и присутствие их на дорогах было совершенно легальным – на руках владельцев имелись паспорт и техосмотр. Самопал выглядел внушительно: за счет своих габаритов, желтых противотуманных фар на крыше, высокой подвески и мощных колес. Сам автомобиль был выкрашен в белый цвет, на капоте красовалось огненно-рыжее солнышко с чертами лица сурового бога. Из опущенных окон гремела музыка, очень похожая на «Ивана Царевича», – я был уверен, что это собственные сочинения «Разката».

Дачный поселок находился в нескольких километрах от окраины города, на горе. Справа от трассы стелились сельскохозяйственные поля, слева – дачные домики, половина из которых была погружена в бурьян и разруху. Многие участки продавались за отсутствием надобности и желания копать в земле, так что бывшие владельцы дачи Сергея без труда выкупили дешевую землю у соседей, организовали фруктовые сады, бассейн, выстроили

двухэтажный коттедж, и даже выделили место для автостоянки. В черте города или в соседних деревнях такая покупка обошлась бы на порядок дороже.

Машины остановились возле двухметрового забора из профиля, из-за которого виднелся второй этаж и крыша коттеджа, построенного из красного кирпича. Окна закрывали черные кованые решетки. На шум автомобилей и грохот музыки отреагировали сторожевые псы, залившиеся басистым лаем.

– Ждите здесь, я собак на цепь посажу, – сказал Сергей, открывая калитку.

Мы покинули салоны, чтобы подышать чистым воздухом, пахнувшим землей и цветами, и осмотреться. Через некоторое время лай прекратился, послышался звон цепей и шорох шагов по гравию. Затем пригласительно распахнулись ворота, «двенашка» и самопал, хрустя гравием, въехали во двор.

Стоянка была просторной и занимала, по всей видимости, территорию отдельного дачного участка. Доберманы следили за людьми, осторожно обходящих их стороной, и угрожающе рычали возле здоровых будок, даже не пытаясь покинуть диапазон коротких цепей.

Парковку и дворик разделял забор из винограда, козырек над крыльцом расширился к углу здания, и за домом создавалась удобная беседка с кирпичным мангалом, столом, приваренным к скамейке, пол беседки был устлан каменной плиткой. За беседкой расположился бассейн со стеклянной крышей, сияющий голубизной воды, и опрятная лужайка. Здесь же, за домом, находилась пристройка с туалетом, душем, сараем с инструментами и дровами и винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Третий участок, входящий в коалицию Сергеевой дачи, был отведен под фруктовый сад. Две аккуратные аллеи с яблонями, грушами, сливами, вишнями, персиками, черешнями, абрикосами, клубникой, смородиновыми кустами, малиной – были разделены дорожками из тех же плит, из которых состоял пол беседки. Землю сада покрывал зеленый ковер газона. Сергей сказал, что растительностью занимается садоводническая компания, присылающая рабочих несколько раз в год и по требованию.

После экскурсии по дворику и саду Сергей повел нас в дом. Открыв массивную дверь, он выключил сигнализацию и прошел внутрь. Убранство коттеджа не отличалось роскошью. Единственной значительной деталью, на которую обратили внимание, являлся камин в гостиной с низким креслом возле очага и горкой сухих поленьев: у каждого, наверно, в тот момент прокрутилась в голове сцена, созвучная с моей: как холодной зимней ночью он сидит на этом кресле подле теплого огня с коньяком и томиком Толстого.

Первый этаж был разделен на три комнаты: гостиную с длинным диваном, креслами, журнальным столиком, телевизором и даже книжным шкафом, спальню с двухместной кроватью и душевой, и небольшую кухню с электрической плитой и холодильником. В шкафах кухонного гарнитура имелась посуда, приправы, чай, кофе, холодильник тоже не пустовал. В платяном шкафу спальни лежали полотенца, халаты, висела спортивная одежда. По всем параметрам дачу Сергея можно было использовать для стационарного места жительства, содержать ее в качестве плацдарма для алкогольных мероприятий казалось легкомысленным буржуизмом.

Горячей водопроводной воды и газопровода в поселке не имелось, только электричество и неочищенная холодная вода для поливов. Для устранения неудобств создатели «виллы» организовали очистительную систему с насосами, фильтрами, отстойниками и емкостями для хранения чистой воды. Там же был установлен котел на газу из баллона. Вся эта система находилась в подвале дома, куда Сергей чуть позже сделал экскурсию. Когда его спросили, зачем столько мороки, когда можно было попросту купить землю с готовой инфраструктурой, Сергей ответил, что весь этот металлолом, по словам бывших владельцев, на самом деле стоит копейки, а коммунальные службы берут столько, будто у них трубы платиновые и меняются каждый год.

Второй этаж-чердак был отведен под одну большую multifunctional комнату с двумя кроватями, диваном, шкафом-купе, столом и стульями. Здесь же была установлена акустическая система.

Костя из «Разката» прибыл не один: с ним приехали его коллега по проекту Сёма (боро-датый новославянин с кожаным ремешком на лбу, удерживающим длинные волосы) и сестра Ксюша. Ксюша была тихой девушкой, выглядевшая намного моложе своих двадцати трех лет. Так же как и у брата в ней присутствовали элементы традиционного русского образа – русые волосы были сплетены в длинную косу, на тонкой шейке радужно перемигивались стеклянные бусы. У Ксюши блестели глаза, когда Сергей показывал владения отца, она часто обращала внимание на детали интерьера, которые я даже не замечал: занавески были сшиты из такой-то ткани, на резном журнальном столике изображен такой-то рисунок, а вот эта люстра гармонично смотрится с дверью в спальне и камином. Дима все это время с умилением глядел на девушку.

После осмотра помещений занялись приготовлениями. Ксюша отправилась нарезать салаты и варить картошку, Сергей разводил огонь в мангале, Костя колот дрова, Алекс подготавливал мясо для жарки. Дима вызвался помогать Ксюше на кухне. Я, Семен и Игорь выносили из дома стулья, разбирали пакеты и расставляли посуду. Когда огонь в мангале запылал, Сергей поднялся наверх и включил музыку, установив динамики на ножке возле раскрытых окна и двери. Пока прогорали дрова для шашлыка, распечатали пиво.

Автомобиль Кости вызвал много любопытства.

– Передняя часть от «УАЗа», это понятно, – сказал Алекс Косте, кивая в сторону стоянки, – а задняя?

– От «Доджа», – охотно ответил хозяин. – Старенького, годов восьмидесятых. Модель я точно не помню.

Алекс призадумался, а затем рассмеялся и спросил:

– Это вы так затейливо посылаете Америку в жопу?

– Хм, об этом я не думал. – Костя почесал густую бороду. – Но мне нравится ход твоих мыслей!

– Много отдал за нее? – поинтересовался Сергей. – Я себе тоже хочу какой-нибудь конструктор замутить.

– Если собираешь сам, то основные расходы идут на регистрацию машины, – ответил Костя. – Сначала ее конструкцию должны утвердить инженеры в НИИ, потом надо сертифицировать, затем – зарегистрировать в ГАИ. Мороки куча, если честно. Тут нужны стальные нервы. И умение давать взятки.

– А ты сам собирал? – спросил Игорь.

– С друзьями, – кивнул Костя.

– Ну вы монстры, – протянул Сергей. И добавил: – Такую можно выгодно продать.

– Сначала покупатель нужен, – усмехнулся Сёма. – А таких, поверь, будет немного. Это ведь индивидуальный образец.

– У нас по Невинке какое-то время лимузин из двух «копеек» катался, – вспомнил я. – Потом из него декорацию для бара сделали: на крышу поставили. А бар в какой-то момент загнулся. С тех пор стоит, ржавеет.

– «Копейкам» номер так и не присвоили, – напомнил Алекс.

– Почему вообще возникла такая идея? – спросил я. – Почему такой кузов?

Костя усмехнулся и покачал головой.

– С кузовом смешная история получилась, – ответил он. – Лет десять назад старенький «Додж» въехал в задницу «УАЗу» где-то на шоссе под Ставрополем. Хорошо так въехал, выправлять было бесполезно. Железяки отправили на разбор. Потом пустые кузова остались гнить на задворках мастерской. Мне их даром отдали, лишь бы от мусора избавиться. Я

распилил, сварил. С тех пор «УАЗ» и «Додж» вместе – не разлей вода. Дал беднягам второй шанс.

– Не опасно ездить на такой? – поинтересовался Сергей.

– Что тут опасного? – не понял Костя.

– Ну, это же не фабричный вариант...

– Вот как раз заводским моделям я и не доверяю, – отрубил Костя. – Когда работаешь на производстве, теряешь доверие к своему продукту. Потому что видишь, как людям наплевать на то, что и как они делают.

– Как платят, так и работают, – заступился Сергей.

– Дело не в этом. Сколько не плати – все равно будет мало. А плохо работают все: от низших до высших должностей. Все потому, что у людей нет никакой цели кроме денег.

– Да. Денежные фантики правят этим миром...

– Деньги – это стабильность, уверенность в завтрашнем дне. Словом – твердая почва под ногами. Или, скорее, плот, несущий своего владельца по Реке времени. Нет денежки – иди ко дну. Но плот без паруса или руля теряет свою маневренность, а русло реки времени крутое, с изгибами. Так что при любом резком повороте плот разобьется о скальный берег. Парус – это идея, мысль, традиция. А у русского производителя этого сейчас нет. Когда-то был Советский Союз, держащий производство страны в государственном кулаке. Затем он развалился, предприимчивые шакалы разорвали дохлого красного слона, нажрались и, сыто отрыгивая, укатили восвояси. А булгаковскому быдлу достались объедки, с которыми оно долгое время не знало что и делать. Потому что делать ничего не умеет, а великой и единственной партии для крышевания больше нет. Идея коммунизма сначала затмила аристократические традиции царской России, а потом и сама прогнила под жаром восходящей над миром звезды Демократии.

– Ты прям поэт, – оценил я образность рассказа Кости. Тот в ответ многозначительно подмигнул.

– Капитализм в глазах булгаковского быдла представляется в виде лихорадочного нагребания бабла. Потому что человек, барахтаясь в Реке времени, хочет обрести твердую почву под ногами. Когда-то я работал наладчиком на «Эрнесте». Там большая часть продукции выпускается по контракту с зарубежными компаниями в ущерб своим же брендам. Почему? Из-за неуверенности в себе, из-за неумения работать на рынке, из-за страха перед мировыми брендами. «Эрнест» готов был хоть раком стоять, хоть проглатывать – лишь бы платили. И в этом ничем не отличается от простых работяг, боящихся самостоятельности, конкуренции, ищущих стабильности. Пока у нас нет своего мы – рабы Запада. У русского бизнесмена сейчас нет хороших идей, а если и есть, то он боится их реализовывать. Вдруг никому это не надо, вдруг не прокатит? Огромная толпа предпринимателей мнется перед пропастью новых открытий и боится шагнуть туда и упасть. Потому что нет почвы под ногами в виде: а) идеи, за которую стоило бы рисковать, и б) денег. И все они ждут, пока дядя с мозгами и полными карманами не построит над пропастью мост из бабла и связей и не проторит им удобную дорожку. А что это за дядя и какому богу он служит – не всегда понятно. Может он намеренно ведет всю нашу нацию в пасть враждебного чудовища?

– А я считаю, что нефиг покупать российские машины, – сказал Сергей. – Лучше заплатить чуть больше, но приобрести нормальную, качественную иномарку.

– Иномарки я не хочу покупать из принципа, – улыбнулся Костя. – Мне не по душе иностранные идеи. Они большие индивидуалисты и лжецы. Несмотря на всю свою опрятность, Запад как был диким, так и остается им. Иномарки слишком комфортные, слишком качественные. А это притупляет чувство... жизни.

– Все потому что делается ради безопасности людей, – сказал Сергей.

– Нет. Все потому что дикие звери не привыкли выражать своего внутреннего существа. А для контакта с окружающим миром западнику требуется красиво преподнести себя, чтобы привлечь внимание. Именно поэтому в создании привлекательных упаковок им нет равных. Хорошие машины – это упаковка западной жизни. И она постоянно украшается, эволюционирует. К простой коробке с колесами и двигателем прибавляют электронный ключ зажигания, бортовой компьютер, Pre-Scan и кожаную обивку. Чтобы владелец автомобиля показал другим, что его яйца круче, а, следовательно, его надо бояться и уважать.

– Но ведь это двигатель прогресса, – возразил Сергей.

– Это если смотреть невооруженным глазом, – заметил Сёма. – А по сути, большинство новых технологий на рынке топчутся на месте. Ведь ничего лучше бензина и кремниевого микропроцессора и придумать не могут. Вернее сами технологии придумать-то могут. Не могут придумать, как бабло на этом срубить.

– Правильно. Кому нужны электромобили с их стоимостью, скоростью и временем зарядки?

– Это совершенно не то. Производители электромобилей опираются на экологичность и нестандартность – индивидуализм очень важен для Запада. Все это стороны одной медали.

– А телефоны? Раньше были кнопочные, теперь на сенсорах. Разве это не прогресс?

– i-Phon – это еще один ненужный продукт. Тычешь в экран пальчиком – и у тебя картинка меняется. Во, бя, чудо! Настоящий прогресс, я считаю, будет тогда, когда люди начнут получать реальные блага, а не работать ради куска пластика в кармане.

– Что-то я тебя совсем не понимаю, – почесал лоб Сергей. – Человек, еще когда с дубинкой бегал за мамонтом босиком по снегам Сибири, мечтал об удобной машине, теплой кровати и о хорошем телефоне, чтобы по «вацапу» коллегам из соседнего племени фотки саблезубого тигра скидывать. А когда это, наконец, свершилось, ты кричишь: это не прогресс! Прогресс – это и есть оптимизация человеческой жизни и труда.

– И что нам предлагают современные интеллектуалы и другие пророки светлого будущего? Бессмертие? Роботов-помощников? Летающие машины? Романтики-футуристы любят рисовать картины светлого будущего, где все счастливы, где каждый занимается чем хочет, живет вечно, где никто ни в чем не нуждается... Когда-то и я желал видеть мир справедливым, честным, добрым. Но со временем, наблюдая за людьми, пришел к выводу: мир делится на сильных, волевых людей и на слабых, безвольных, «овощных». И первые, будь то благородные лидеры, творцы, бизнесмены или мелкие интриганы и капиталисты, всегда будут довлеть над остальными и навязывать им свою волю. Всегда! «Светлое будущее» настанет только тогда, когда по воле банкиров и политиков каждый слабовольный житель планеты будет полностью погружен в иллюзию счастливой жизни. В то время как тираны будут наслаждаться *настоящей*. Для этих сильных вы и все остальные – пластилин, которым они играют. По мне, так уж лучше я буду ходить в поле траву на лекарства себе собирать, дышать жизнью, чем давиться «чудотворными» таблетками, а затем незаметно для себя превратиться в напичканного химией киборга.

– Ты сейчас как Малахов заговоришь, – усмехнулся Сергей.

– Малахов – тоже продукт фармацевтики. Типа, посмотрите, только придурковатые будут заниматься самолечением. Трушный мужик выбирает аптеку!

– А ты не думал, может быть, создание утопии, даже виртуальной, – это и есть главная задача человека? – спросил я. – Ведь человечество с древнейших времен позиционировало себя сначала как тварей земных, затем как детей божьих, теперь – как самих богов. То есть, создателей миров. Налицо своеобразный рост, выращивание творческого потенциала. Может быть, создание полноценного виртуального мира и есть итог самореализации человечества как вида? А что, если весь наш мир такая же искусственная реальность иных существ – нас других, божественных и забытых, сосланных сюда для творения новых миров? И мы не

можем построить такую ракету, чтобы покинуть Землю, потому что еще не создали для себя эти миры? Некуда нам лететь! И вся история человечества – с инквизицией, войнами, про-роками, футболистами, ядерным оружием, смартфонами... – все это многообразие направ-лено на создание виртуальной утопии. И когда мы создадим ее, мы станем иными, забудем себя в этом новом мире и начнем создавать другой.

– Почему этот мир должен быть именно виртуальным?

– Потому что это единственный способ настроить его так, как хочет сам человек.

После этого на какое-то время повисло молчание. Сёма увлекся прочтением этикетки на упаковке чипсов, которые он, не задумываясь, кидал себе в рот. Сергей обдумывал контр-аргументы, но лицо его отражало внутреннюю неудачу. Вообще Сергей всегда спорил не потому, что действительно имел иную точку зрения. А потому что ему нравилось показы-вать, будто она у него есть. Оттого в спорах он всегда терпел поражение.

– Я думал, вы будете читать патриотические лекции, связанные с историей, и причитать об ущемлении славянского народа, – сказал я. – По-моему, все националисты только и ждут повода присесть на уши такими речами.

– Мы не националисты, – вздохнул Костя. – Мы не собираемся свою идеологию стро-ить на спекуляции духовного унижения и исторической несправедливости. Я люблю Рос-сию. Мне близка Россия с ее людьми, строениями, культурой, традициями и природой. Мне чужда Россия как геополитическое пятно на глобусе. Мы из тех, кто хотел бы жить в честном обществе. Нам стараются вменить, будто честное государство – это когда мнение большин-ства. Но ведь это не так. Законы принимают две сотни человек. А я не за большинство, я за каждого.

– Каждый человек не может принимать законы, – сказал я. – Для этого нужны люди, владеющие нужной информацией.

– Правильно. А какой информацией владеет наше законодательство? – Костя выдержал многозначительную паузу. – А такой: если есть какая-то проблема, нужно просто запретить выполнять действия, ведущие к ней. А теперь посмотрим на это с другой стороны. Чем, к примеру, опасен искусственный интеллект? Тем, что он руководствуется исключительно логикой. Мозг человека поделен на два полушария: левое логическое, и правое абстрактное. Если дать ИИ задачу решить проблему, он пойдет самым логичным путем, а именно – станет выявлять причины и бороться с ними. Но цепочка всех бед человека будет начинаться лишь в одном месте – в появлении человечества. ИИ придет к единственному выводу: нет человека – нет проблем. Государство идет другим путем – нелогичным, то есть сочиняет законы, при-званные решить проблему. Нелогичный этот путь потому, что базируется на надежде. Типа, у нас есть проблема, мы придумаем закон и проблема эта должна решиться. ИИ такой доро-гой не пойдет, ибо надежда – область абстрактного. Выходит, обществу решать проблемы нужно не поиском причинно-следственных связей. Но и законодательство больше накапли-вает новые проблемы, чем решает старые.

– И что, по-твоему, лучше отказаться от законодательства? – спросил я.

– Едва ли. Но законодательству нужно быть более позитивным. Сейчас нам говорят: не убивай, не кради, не давай взятки. Одни сплошные «нет». Один негатив. Шаг в сторону – и тебя расстреляют. Оттого людям и кажется, что они заперты в клетках государства и у них возникает желание вырваться из нее. И если отдельный прут этой клетки выглядит как «не убивай», то человек, желающий свободы, будет убивать, чтобы сломать этот прут. Человеку свойственно выражать свою волю, без этой воли его нет. Вот в чем беда. Двигаться надо не вглубь проблемы, считая причины, а в корне менять взгляд на законодательство. Я считаю, что будет больше пользы, если правительство скажет: да – люби, да – уважай, да – пропу-сти пешехода, да – сделай что-нибудь полезное, да – прояви себя. В психологии есть такое понятие, как правило нескольких «да»: чтобы собеседник согласился с тобой, необходимо

задать несколько вспомогательных вопросов, на которые он вынужден дать положительный ответ, а затем задать главный вопрос, с которым собеседник по инерции тоже согласится. Если государство говорит «нет» народу, народ тоже отвечает «нет». Если скажет «да», то и ответ получит соответствующий. Вот так и достигается согласие в стране. Такой опыт начала Голландия, почему не продвинуться дальше? Наверно, пора уже выходить из средневековья.

– У меня перед глазами возникла картина: статья такая-то гражданского кодекса, – Сергей закрыл глаза, воображая. – «Влюбленность влечет за собой от месяца до трех лет наличия хорошего настроения». Или: «За переправу бабушки через дорогу предусматривается бонус в виде конфетки».

– Можно и так. Законодательство будущего должно выглядеть как социальная реклама, – согласился Костя.

– «Совершив доброе дело, не забудьте убежать подальше, пока вас не задавило благодарностью», – не унимался Сергей. – «Непревышение скорости на дорогах влечет за собой сохранение жизни»...

– Серега! – донесся крик из окошка кухни – Дима и Ксюша до сих пор там что-то резали или варили.

– Чо? – отозвался Сергей.

– Ты почему раньше не приглашал нас к себе на «виллу»? – спросил Дима в окошко.

Вопрос, казалось бы, безобидный, задел Сергея: дело в том, что Дима за последние полчасика раз десять задавал его и ответ ему, в общем, не был-то и нужен. Дима был обижен тем, что за все лето ни разу не побывал на этой шикарной по меркам города даче, а ведь Сергей и Дима за время знакомства в группе «Скальд» стали едва ли не лучшими друзьями.

Из кухни донесся заливной и поддельный смех Ксюши. В сердце у меня как будто защемило – я испытывал симпатию к этой девушке: то ли потому, что она была одна в нашем мужском обществе, то ли благодаря своему покладистому характеру Ксюша притягивала мужчин, зарождая в них желание защищать это хрупкое создание. К тому же девушка напоминала мне о Вике.

– Костя, кто это изображен у тебя на капоте? – спросил Игорь. – Какой-то бог солнца?

Костя усмехнулся, как усмеваются наивному вопросу школьника, не понимающего материал.

– Это Ярило, – ответил он. – Это скорее чучело, типа такого, которое сжигают на Масленицу: он существует только в определенный праздник.

– И что он означает?

– Наступление весны, – просто ответил Костя. – У славян был праздник в конце апреля, когда весенние холода уже позади и начинается сезон посевов. В этот праздник жители населенного пункта наряжали девушку или парня в белые плащи, надевали венок из цветов и сажали на коня. Этого человека называли Ярило. Он скакал по окрестностям, символизируя наступление весны.

– Историк Фрэзер причислял Ярило к умирающим и воскресающим богам, – добавил Сёма. – То есть, весной он рождался, а осенью, когда сезон урожая кончался, Ярило умирал.

– А балтийские славяне считали Ярило богом войны, – сказал Костя с улыбкой. – Видимо потому, что наступление весны означало у них сезон набегов: лед на море сходил, и открывалась дорога в дальние страны, да и по земле проще было передвигаться без снежных сугробов.

– Почему на капоте именно такой рисунок? – спросил я.

– Наверно, это символ надежды... нет – символ призыва чего-то, что приведет за собой Весну, – туманно изрек Константин.

К тому моменту угли созрели для шашлыка. Алекс и Сергей занялись установкой подготовленных шампуров. Из дома вышел Дима, хмуро неся на глубокой тарелке вареную

молодую картошку в масле, украшенную петрушкой. Чуть погода явилась Ксюша с простеньким салатом из огурцов, помидоров и болгарского перца.

– Я думал, вы там что-то грандиозное готовите, – весело заметил Константин, на что получил мрачно-молчаливый ответ. У меня в груди заиграла музыка.

– Алекс, а что ты не хвастаешься своими достижениями? – поинтересовался Сёма.

– А я все гадаю, чего же не хватает, – усмехнулся Алекс. – Сейчас поставлю.

– Давай мне, – предложил я, глядя, как Алекс нерешительно переводит взгляд со своих измазанных маринадом рук на карман.

– Возьми, – согласился он.

Я вынул из его кармана флешку и направился к винтовой лестнице, чтобы подняться на второй этаж и подключить накопитель к усилителю. Уже смеркалось. Облака на горизонте растворяли в себе тонущее рыжее Солнце, небо наливалось закатными цветами. Напротив этой картины, на другом конце горизонта огромная сине-черная тень, расправив крылья, ложилась на землю. Второй этаж был невысоко, но этого хватило, чтобы увидеть всю глубину панорамы обеих сторон. Здесь меня пронзила мысль: цикличность истории обеспечивается ее движением от двух противоположностей, толкающих историю туда-сюда друг от друга ввиду разности полюсов, и движение это может быть только вертикально ориентированным – снизу вверх. Не знаю, почему обманутый пивом разум привел в пример именно историю. Наверно потому, что недавний разговор в беседке затронул древнюю славянскую мифологию.

Сторожевые псы у забора по ту сторону дома угрожающе зарычали на кого-то.

Поднявшись на второй этаж, я выполнил назначенную себе задачу и теперь из динамиков звучали аккорды «Скальда».

– Альбом пока без мастеринга, – сообщил Алекс, как бы оправдываясь, Константину и Сёме. – Но для прослушивания уже пригодный. – И внимательно принялся следить за их реакцией, будто молодой поэт, только что продекламировавший одно из своих первых сочинений маме и папе.

– Круто, но на концерте вы играли в разы лучше, – вынес вердикт Сёма, прослушав половину песни. Алекса эти слова огорчили.

Когда первая порция мяса была готова, компания за столом имела довольно поддатый вид. Конструктивные и логичные разговоры к тому времени сменились мистификациями и вполне откровенным бредом: люди за столом разговаривали о предметах, о которых не имели ни малейшего понятия. Меня к тому времени уже совершенно не тянуло к алкоголю, поэтому в дебатах я не участвовал и стремился расширить то умозаключение, посетившее меня на лестнице, но наблюдения за Ксюшей постоянно прерывали это занятие.

Калории жарено-копченного мяса в сговоре с пивом сделали свое дело: вскоре компанию потянуло на движняки. Первым объектом стал, конечно, бассейн (если бы события происходили жарким летом, а не ранней осенью, он изначально стоял бы превыше алкоголя и шашлыков). Оголившиеся до трусов (из уважения к женскому обществу) тела с плеском погружались в кристально-чистую прохладную воду. Наигравшись вдоволь брызгами, пьяные тела вскоре переместились на прогулку в сад – в ночной темноте он выглядел особенно красиво.

Отчего-то я не имел желания участвовать в этих мероприятиях, предпочитая отдалиться от пьяного шума. Ксюша, видимо, не имея при себе купальника, тоже проводила время в беседке и тем подпитывала мое желание остаться.

Следующим изобретением компании было воздвигнуть огромный костер, на какой только хватит топлива. Покидав в кучу дрова на лужайке возле бассейна, облив их бензином, ребята зажгли высокое пламя и принялись плясать вокруг него и прыгать через огонь.

Спустя некоторое время они выдохлись и, утомленные, вернулись к остывшему шашлыку продолжать ленивые разговоры.

Я находился в иной кондиции мироощущения, отчего происходящее теряло свою привлекательность: разговоры, крики, беготня, плескания в бассейне меня не интересовали. Что-то странное было во всем этом мероприятии. Слишком шумно, слишком обыденно. Что-то неправильное. Хотелось чего-то интересного, а получилось как всегда. Столько людей собралось вместе только для того, чтобы напиться. Очередная тупая пьянка.

Кострище во дворе уже довольно прогорело и значительно уменьшилось в размерах. Стремясь оградиться от нетрезвого поведения товарищей, я сел на мягкую траву возле костра и стал наблюдать за танцем пламени: как оно дрожит от легкого прикосновения ветра, как вспыхивает и как угасает.

Я смотрел на огонь, как на живое существо, домашнего зверька, которого можно погладить и взять на руки. Я протянул ладонь к рыжему пламени, чувствуя, как увеличивается температура воздуха, но страх обжечься в этот момент как будто атрофировался. Рыжий колыхающийся зверь подобно кошке сначала шипел, ощеривался, выпускал когти, стараясь отогнать возмутителя своего покоя, но как только почувствовал мягкое прикосновение к чувствительным зонам, сразу успокоился и позволил себя погладить. Я не испытывал жара и ладонь не получала ожогов. Я не удивился этому феномену – меня больше удивило отсутствие удивления. Протянув к пламени вторую ладонь, я вытянул из костра огненную горсть. Маленький зверек не излучал тепла, но от него по пальцам пробегала энергия другого сорта, поднималась по рукам и растворялась в плечевых суставах. Огонь был пластичен – он очень охотно принимал разные формы, когда я перебирал его пальцами, будто пластилин. Со временем огненный комочек уменьшался в размерах, теряя свою силу.

В этот момент ко мне подошел Константин. По взгляду Кости я понял, что он заметил, как я держал в ладони кусочек огня, но Костя ничего не сказал. На его лице больше не было алкогольного отпечатка – Костя выглядел абсолютно трезвым и настороженным. Стоя возле меня, он вертел головой, всматриваясь в темноту, как будто боялся чего-то. Сначала я подумал, что его накрыла белая горячка.

Он здесь. – Неожиданно пробежала в голове мысль. – *Приготовься.*

Кто он? – спросил я сам себя.

Хаос, – через секунду последовал ответ.

Мне стало жутко от понимания того, что мысли эти появлялись не как обычно. То есть, в моей жизни и в положении, в котором я сейчас находился, не было никаких предпосылок, чтобы думать именно это. Как будто в мозгу закоренелого двоечника вдруг возникла сложная химическая формула, о которой он никогда не имел представления и никогда не видел. Эти мысли вылетали будто из непроглядной пустоты, в которой, тем не менее, находился кто-то чужой, кто сидел в моей голове и транслировал неведомую раньше информацию. Как Тьма, только Она имела свой голос, а этот – разговаривал моим.

Костя поглядел на меня и отвернулся, ни слова так и не произнеся.

Через несколько секунд в меня вдруг вонзился ужас. Хаос действительно был где-то рядом и скоро приближался.

Беги или сражайся! – уже кричал невидимый «собеседник».

Костя вдруг оказался на скамейке под навесом, где как ни в чем не бывало беседовали музыканты и Ксюша. Он сидел вполборота спиной к соседям с повернутой в мою сторону головой. Слабый свет, моя фантазия или действительное положение вещей делало из него тень – одну из тех, что я встретил в Фабричном парке.

Костя, успел подумать я, наверно тот самый Константин из Храма. Это он говорит со мной.

Моя голова повернулась вправо под воздействием чьей-то воли – и я вдруг перед самым носом увидел двух доберманов, очень похожих на сторожевых Сергея. Только эти были абсолютно черными и с горящими демоническими глазами. Псы злобно скалили пасти, обдавая зловонным горячим дыханием.

Мои волки в один миг разбудили во мне что-то примитивное. Я бессознательным движением бросил остатки огонька в морды демонов-доберманов, резко вскочил на ноги и побежал. Каким-то образом, перепрыгнув через высокий забор, я оказался на соседнем участке и пустился дальше. Доберманов преграда тоже не остановила – они молча, без лая, неслись следом.

Глава 11

Я не заметил, когда произошел кувырок в теневую личность: во время погони или еще там, у костра. Тот факт, что я нахожусь в Тени, стал понятен далеко не сразу: сознание адаптировалось к этому состоянию так быстро, что различить перемену можно было с трудом.

Должно быть, после нас оставалась целая просека из помятых растений, раздавленных плодов, разрушенных конструкций для подвязки. Каким образом я преодолевал олимпийские препятствия в виде заборов, кустов, теплиц, туалетных будок, деревьев человеческого восприятию было бы совершенно непонятно, но в тот момент эти преграды не являлись таковыми: я то ли проходил сквозь предметы, то ли гигантскими прыжками перепрыгивал через них.

Демоны неслись по пятам, не отставая ни на шаг. Несколько раз они пробовали повалить меня на землю, совершая длинные прыжки, но неизменно промахивались. Приходилось сворачивать, так как псы оказывались на траектории моего движения. Несколько раз мы пробегали одно и то же место. Никакие маневры не могли ни обмануть, ни помочь хоть как-то оторваться от преследователей. О том, чтобы остановиться и попробовать сразиться с ними, не было и мысли.

Паника охватила меня с ног до головы. Смерть за спиной подстегала наращивать скорость и превращала Тень вокруг в непроглядный ночной лабиринт. Я совершенно не ориентировался ни в пространстве, ни во времени. Те, кто хоть однажды мчался в темноте по чуждой местности, до хрипоты, до вытаращенных глазниц и оглушающему буму в ушах, спасая свою шкуру, должны меня понять. Шутки кончились, думал я, теперь просто запугивать несчастного человечка, дерзнувшего прикоснуться к тайнам мироздания, никто или ничто не будет. Что-то я сделал там, на даче Сергея такого, что не было мне позволено. Как будто мир фантазии ворвался вдруг в реальность. Или это я, совершенно чужой и беззащитный, проник в их мир, в их маленькую глобальную тайну. И теперь за мной мчатся эти твари – настоящие убийцы. Они не будут терять времени на объявление приговора или стараться переманить на свою сторону. Одна секунда промедления, неверный шаг – и смерть. Самая настоящая, окончательная и бесповоротная. Здесь либо я, либо они.

Возле узкой трассы на Черкесск я почувствовал усталость. Преодолев пустую дорогу и лесополосу, я выбежал на кукурузное поле. Слегка волнистое, почти идеально гладкое, зеленое полотно размером в несколько гектар с одной стороны было изуродовано шрамом карьера. Высокий двухметровый кукурузный лес проглотил меня, я надеялся, что здесь сумею запутать своих преследователей. Если этого не произойдет, я свалюсь от изнеможения и погибну.

Стремясь оторваться от демонов по кукурузным зарослям, я не заметил, как приблизился к карьеру. Крутой склон отправил меня со всего ходу на самое дно, так что я подумал, что свершил новый *кувырок* – в еще более глубокую реальность. В ту же секунду как твердая почва ударила в спину, я ощутил резкую боль в правой лодыжке. Звериные клыки вонзились в ногу. Я непроизвольно дернул левой ногой и вплепил демону в морду. Следующая секунда могла бы стать для меня последней, если бы не возникновение загадочного нематериального меча в правой руке. Я тогда еще не понимал, что меч появился у меня, просто ударил рефлекторно. Такого сопротивления, которое встречает нож, режущий булку хлеба или кусок масла, я не ощутил: черный меч разрубил наискось туловище демона без малейших усилий. Две бесформенные составные бывшего добермана повалились невпопад на голую землю. Следующим взмахом, почти целясь, я отрубил голову второму.

В ту же секунду стало как-то тихо: прекратилась оглушающая пульсация крови по венам, замедлялось биение сердца и ощущение времени, яркое чувство опасности погасло.

Мир больше не издавал дикую палитру звуков и красок. Я стоял на коленях в темноте в глубине карьера, так что вытянутой вперед руки не было видно – источниками света здесь служили только точки звезд и бледная луна.

Кувырок обратно так же произошел незаметно и не по моей воле – но в этом я еще не был уверен. Я попытался нащупать трупы, елозя руками по земле, но пространство вокруг заполняли только камни, куски глинистой породы и редкая флора. Кажется, в псевдотрехмерности демонов не существовало, или они жили только в моей голове. Успокаивала боль в лодыжке – укус добермана был настоящим.

Погоня кончилась очень быстро и, как мне показалось, нелепо. И вот эти доходяги напугали меня до полусмерти!.. Два удара мечом – и оба готовы! Не так-то вы и страшны! Мелко берете!.. Радость от победы перемешивалась с непонятной тревогой. Я неестественно смеялся, ползая по земле в поисках трупов. Казалось, вот-вот из темноты выпрыгнет еще какая-нибудь рогатоклыкастая тварь, как бывает в синематографе, чтобы испортить жизнь «душке» главному герою. Или же сейчас я вдруг приду в себя на даче у гитариста, накуренный вхлам какой-нибудь адской смесью, втыкающий в костер и ловящий трипы...

Как бы то ни было, в этот момент я взял на заметку, что всегда стоит быть настороже и каждый миг суметь организовать свои силы для отпора. Тьма в этом деле была неоспоримой союзницей, посему я решил найти способ «сблизиться» с Ней, чтобы отработать еще несколько «приемчиков». Как бы ни велик был страх перед неведомыми демонами и нежелание вливаться в ряды «секты», я жаждал *нового*...

В кармане заиграл телефон. Дисплей показал десяток неотвеченных вызовов и столько же SMS от оператора, уведомляющих о том, что я находился вне зоны действия во время звонков и меня несколько раз просили перезвонить. На другом конце невидимого провода находился Сергей.

– Ты куда делся? – смеялась трубка. – Втопил так, что пятки сверкали. – На фоне голоса Сергея слышались веселые голоса – вечеринка продолжалась как ни в чем не бывало. – За доберманов извини – я забыл их покормить, а запах жареного мяса их чуть с ума не свел. Вот и сорвались с цепей. Не думал, что они так умеют... А вообще это псыны добрые и послушные, они бы своих не тронули...

– Твои псыны дома?.. То есть, на даче? Они живы?

– Что значит живы? – Сергей неуверенно засмеялся. – Конечно, живы, хрена им будет! Сидят кости глотают... целиком. Ластятся, знают, что провинились. Ты в порядке? Чо трубку не берешь? Ты где вообще?

– В поле, – глухо ответил я. – Напротив кладбища. Где карьер.

– Ничоси! – удивился Сергей. – Вот это ты шустрый! Давай, мы на машине за тобой приедем.

– Не надо, я сам.

– Точно?..

– Давай, – я отключился.

Площадь карьера была невелика: метров сто в ширину и двести в длину. Глубина ямы вместе с насыпью земли по периметру достигала семи метров. Как я не свернул себе шею во время падения – было загадкой. Наверно, угодил в кучку рыхлой земли, осыпавшейся сверху, у основания склона, а потом уже перекатился на твердую, утопанную техникой глину. Часть карьера была уже позабыта – левую сторону дна усеяла мелкая травка, кусты и даже небольшие деревья. Правую сторону все еще расширяли – порода крутого склона слонилась под своей тяжестью и осыпалась глыбами разной величины у подножия. Я запомнил эти подробности, когда еще находился в теневой личности. Жаль только, не запомнил, как отсюда выбраться.

Найти дорогу из карьера было трудно, я часто спотыкался о камни, правая нога ныла все сильнее и сильнее – каждый шаг отдавал острой болью в пятке. Подсветка на телефоне слабо заменяла фонарик, приходилось ощупью пробираться вдоль склона, пока не наткнулся на дорогу, спускающуюся вниз под тупым углом.

Я поднялся наверх. Кукурузных зарослей впереди больше не было – только голый отрезок поля и жиденькая лесополоса. Где-то перед деревьями, я помнил, находился ров, опоясывающий поле.

Преодолев все препятствия едва ли не на карачках, вдоволь исцарапавшись и побив колени, я выбрался на широкую грунтовую дорогу. Отсюда, у края горы, были видны редкие огоньки многоэтажек, чуть левее от них тремя рядами красных колец сигнальных фонарей обозначались выхлопные трубы ГРЭСа. До дома было недалеко – идти минут двадцать, до дачи Сергея – раза в два меньше. Возвращаться не было желания, но боль в ноге не давала покоя. Джинсы в месте укуса были порваны, ткань прилипла к коже из-за крови. Я решил вернуться.

Сергей открыл мне калитку и впустил во двор. Псы уже сидели в запертых будках – оттуда слышалось вялое шевеление, – пустые ошейники лежали рядом. К тому моменту время приблизилось к трем часам ночи. Дима, утоливший алкогольный голод, был препровожден в дом и уложен на кровать в спальне, Сёма улегся на лужайке на спину, раскинув руки, и было непонятно – спит он или глядит на небо. Игорь плавал в бассейне на надувном матрасе. Алекс, Костя и Ксюша все еще сидели у стола, развлекаясь пьяной философией.

Когда мы подошли к беседке, Ксюша смерила меня испуганным взглядом. Вид у меня действительно был не очень: потрепанный, грязный и хромающий. Взор девушки остановился на правой ноге, она мигом вскочила со своего места и повела меня в дом. В душевой мы нашли стандартную аптечку с йодом, бинтами, лейкопластырем, парацетамолом, жгутом.

Укус оказался нестрашный – челюсти демона разжались, не прихватив с собой кусочка меня, так что на ноге только краснели четыре кровавые дырки от клыков. Правда, были они довольно глубоки. Я сидел на кафельном полу душевой, наблюдал за тем, как Ксюша возится с раной, и думал, что не зря решил вернуться на дачу. Внутри проснулось что-то дико-мужское: женщина перевязывала рану пострадавшего в бою мужчине. Это чувство вызвало доверие к девушке, я смотрел на Ксюшу как на расцветающее солнце, в то время как Вика отступила куда-то в глубокую тень и предана забвению.

Ксюша была полной противоположностью Вики: она тихо разговаривала, звонко и искренне смеялась, ее взгляд был доверчив и немного растерян. В голове Ксюши не было тех бесполезных мыслительных процессов, которые смогли бы привести ее к тупику, – она не погружалась в глубины мироздания, а жила только своими чувствами и была этим абсолютно довольна. Вся ее натура излучала такое всеоблакивающее добро, что кроме как хрустальным бокалом, пропускающим через себя свет полуденного солнца, я не мог ее представить ничем другим. Когда мужчина говорит о своем идеале, он имеет в виду именно такое создание.

Мы сидели в душевой и разговаривали под аккомпанемент пьяного храпа Димы, доносящегося из кровати в спальне. Сколько было времени – три часа ночи или семь утра – было совершенно неважно. Музыка во дворе стихла, на втором этаже послышались шаги. Вскоре звуки наверху стихли, и дача погрузилась в ночное спокойствие.

Утро наступило довольно поздно – приблизительно в час дня. Сначала зашевелился Дима, так как первым отправился ночью почитать. Ксюша и я полулежали на диване в гостиной, укрывшись пледом. Я совершенно не помнил, сомкнули мы глаза или так и просидели в обнимку. Я был одет и она тоже. Ничего сексуального между нами не произошло, интимные и романтические разговоры в какой-то момент прекратились, и мы погрузились в тишину, в дыхание и биение сердец. Странно, мое физическое естество в ту ночь не желало Ксюшу.

Она, как я чувствовал, была солидарна. Но, несмотря на это, я испытывал радость и удовлетворение.

Дима с пустым и в то же время целеустремленным взглядом хрипло пожелал доброго утра и вышел во двор. Через некоторое время он вернулся заметно посвежевшим, со шлейфом табачного дыма, не без удивления поглядел на нас, а затем отправился в душ. Вскоре наверху послышались голоса, дача проснулась.

Пока компания приходила в себя путем опохмелизации и приема ванно-бассейных процедур, Солнце успело перекатиться в район трех часов. Все это время Ксюша была рядом со мной – для меня она была свежим глотком воздуха в спертый от однообразия атмосфере помещения. Костя заметил эту нашу близость, но ничем не выдавал своего недовольства. Впрочем, радости он тоже не испытывал. Его вчерашнее поведение было как будто забыто – ни словом, ни действием он не упоминал об этом. А я настолько увлекся его сестрой, что все произошедшее вчера ночью отошло на задний план, так что думать об этом совершенно не хотелось. Я уверился в том, что эту странность можно списать на алкоголь и выходки Хаоса и Тьмы. Доберманы вели себя смирно. Впрочем, они как никто были здесь совершенно не причем.

В половине четвертого мы расселись по машинам и покинули дачу. Остатки костра на лужайке, незаправленные постели, бардак под беседкой и на кухне, надувной матрас в бассейне, сорванные цепи доберманов – все это осталось как есть, Сергей настоял на том, что убирать не стоит, пусть папаша озадачится. Переубедить не стали – это его с отцом дело.

Получилось так, что я угодил в автомобиль Кости – Ксюша попросила сесть с ней. Едва углубившись в город, машины разделились: «двенашка» поехала дальше развозить пассажиров, Костя направил колеса к моему дому – я показывал дорогу. Когда я покинул салон уазадоджа у своего подъезда, водитель вышел за мной и отвел в сторону. Я подумал, речь должна пойти о его сестре.

– Я знаю о тебе, Искатель, – неожиданно сказал Константин. – Я это понял еще тогда в парке – кто ты. К сожалению, я не могу тебя учить – этим занимается Тьма – но всегда буду готов помочь.

– В парке? На Фабрике? – рассеяно спросил я.

– Да, я звал тебя в Храм, но... ты убежал, – Костя снисходительно улыбнулся. – Ты боишься, и это не ново. Многие поначалу боятся...

– Ты здесь. Ты следишь за мной?

– Вряд ли. Это Судьба свела нас вместе. Наверно, в этом должен быть какой-то смысл...

– Что такое Хаос? – задал я зудевший в голове уже порядочное время вопрос.

Константин отрицательно покачал головой:

– Спроси у Нее.

– Она не может этого сказать.

– А я тем более, – усмехнулся Константин. – Я могу податься в долгие словесные объяснения, но для тебя все это останется пустым звуком.

– Чем же тогда ты собираешься помогать?

Костю такой вопрос, как мне показалось, смутил.

– Ты прав, конечно. Ты превосходишь меня, хоть и не умеешь еще управлять своими способностями. Вчера ты одержал блестящую победу, большинство новичков погибает именно на этом этапе. А дальше будет уже проще.

Его слова спровоцировали во мне взрыв самолюбия. Если при знакомстве Константин вызывал уважение диковатой внешностью, умом, умениями и силой, то теперь, со своим растерянным взглядом, он показался мне крайне ничтожным. Черный волк утробно хохотал в груди: неизвестные в Фабричном парке называли Костю будущим Князем Тьмы. Если таков Князь у этих Стражей, что говорить об остальной кучке сектантов?..

Чувство презрения вспыхнуло во мне и вдруг погасло. Костя угадал это в моем взгляде и неожиданно улыбнулся:

– Твоя броня еще очень тонка, чтобы накопить внутри достаточно энергии. Каналы позволяют получать силу, но с той же легкостью и отбирают. Энергия течет независимо от твоих желаний, приходит к тебе, покидает тебя, как это случается у любого простого человека. Для сверхвозможностей необходимо копить и не отдавать.

– Что еще за броня?

– Как тебе объяснить... Броня закупоривает каналы. И тогда ты не получаешь силу, но и не теряешь ее впустую – каждая капля энергии идет в ход.

– Что будет, если я накоплю много энергии?

– Ответ очевиден – ты станешь способен на большее. Но это и опасно: я слышал, иногда появляется Феникс, если по какой-то причине энергия выйдет из-под контроля...

– Феникс? Это вроде огненная птица, возрождающаяся из пепла, – припомнил я.

– Да, у людей есть такая легенда. Но Стражи придали ей другое значение: Феникс – это неконтролируемый поток энергии, вырвавшийся из воина. Когда-то люди повсеместно занимались духовными практиками и порой накапливали столько энергии, что сжигали целые города из-за неумения ею владеть. Посреди пепелища впоследствии находили ослабшего виновника катастрофы – он был настолько немог, что не мог и котенка поднять. Поэтому Стражи заключают энергию в специальную оболочку, броню, чтобы предотвратить такой исход...

– Костян, ты скоро? – прокричал Семен из машины.

– Ну, до встречи! Еще увидимся! – с этими словами Константин вернулся в свой уазододж как ни в чем не бывало. Ксюша на заднем сидении прощально помахала рукой через опущенное стекло.

Дома меня охватила усталость от недосыпания. Я совершил привычный ритуал поиска фильма в Сети и остановился на документальных лентах компании BBC. Уже в полудреме я вяло наблюдал за космической графикой: различные планеты, галактики, квазары, звезды, кометы и Черные дыры. И когда задремал, эти картины все еще кружили в подсознании, вызвали видения катастроф космических масштабов. Я видел, как взрывались звезды и как огненные волны обегали поверхности планет, сжигая все живое, оставляя только мертвую пустыню. Мне снилось страшное око Черной дыры с ее неумным аппетитом пожирать любой попавшийся кусок материи. Этот черный рот подсознание нарисовало так близко и реалистично-красочно, что я буквально выскочил из сна. Перед глазами еще какое-то время стояла жуткая картина, а глупое тело, подчиняясь какому-то древнему и мощному закону, оцепенело от страха.

Глава 12

Мастеринг к альбому «Семь дорог» был закончен в конце сентября. Запись подверглась только косметической обработке, так что в целом трек-лист оставался прежним. Теперь возник вопрос более высокого ранга: что делать с этой записью дальше?

Перед нами стоял выбор: либо попробовать издать альбом, либо выложить в интернете в свободном доступе. Так как команда «Скальд» была молодой и известной только в узких кругах, на коммерческий успех рассчитывать не приходилось. Если выложить альбом в интернете, пройдет уйма времени, прежде чем его заметят среди нагромождения продукции таких же дебютантов. Ждать мы не хотели, у нас был записан гениальный альбом, мы были уверены в своих силах и нам нужна была слава – прямо сейчас.

«Железное радио» без долгих разговоров согласилось пустить в эфир несколько наших треков, но этого было недостаточно. Команда «РаЗкат», имея связи в Ставрополе и Краснодаре, отрекомендовала «Скальда» администрации рок-клубов, что позволило нам совершить несколько гала-выступлений. Особого дохода это не принесло. Но успех на концертах был очень велик, это укрепляло уверенность в себе и вдохновляло на расширение географии.

Почти сразу же после окончания работы над альбомом Алекс отправил запись на сайт рок-фестиваля «Пришествие» – даже не в надежде, а с уверенностью в том, что она понравится организаторам крупного концерта. Алекс становился неузнаваем, он был очень самоуверен и алчен. Но его энергия тянула нас за собой, как локомотив. Вторым шагом Алекса был договор с издательской компанией на выпуск альбома тиражом в две тысячи экземпляров. Насчет этого мы долго спорили, никому не хотелось бросать деньги на ветер, но «директор» сумел нас переубедить. Группе требовалось сто тысяч рублей на тираж, по двадцать тысяч с участника. Мы собрали эти деньги за три месяца. В январе альбом «Семь дорог» появился на прилавках.

Катаясь в Ставрополь и Краснодар, я все теснее знакомился с Константином. С Алексом они действительно были очень похожи – Костя так же был уверен в римском происхождении современного мира и так же делал вид, будто радеет за народную независимость в искусстве. Впрочем, на этом их похожесть и заканчивалась.

Первой вдохновительницей Константина оказалась Наталья О'Шей «Хелависа», чье творчество толкнуло его на исследование славянской, скандинавской и кельтской культуры. Затем он познакомился со славяно-арийскими Ведами, писателем Трехлебовым, лентами Сергея Стрижака.

На тот момент Константин трудился наладчиком на «Эрнесте» и решил оставить рабочий труд ради поездки к староверам в Омск. Живя в общине, Костя прыгал через костер на Ивана Купалу, строгал из бревен кумиры богов, жег чучело Масленицы, пировал на братчине, хороводоводил и обучился кузнечному ремеслу. Об альтернативной грамматике и арифметике, которой научили его знатоки древнеславянских наук, Константин поведал так смутно, что я ничего не разобрал. Костя посоветовал мне не париться, в конечном счете, это учение само по себе мало чего стоило. Более дорогим подарком являлось то, что поездка изменила его «точку сборки», как он выразился, и открыла Тьму. Дальше оставаться в пригороде Омска было для Константина бессмысленно. Он перебрался в Ставрополь, нашел работенку в кузнице и снял комнату в общежитии. А весной, повинувшись зову в день Посвящения, вышел к Храму. С тех пор его стали учить.

Однажды коллега по кузнице, Семен, в пылу пьяного застолья, на котором Костя исполнял песни собственного сочинения, предложил ему заняться музыкой всерьез. Идея эта понравилась Косте и через некоторое время друзья сколотили команду из бывших скинхедов и выходцев народного отделения «Ставропольского краевого колледжа искусств». Таким вот

образом родился «РаЗкат». Нетрудно было догадаться, что музыка «РаЗката» была направлена на славянский патриотизм. На вопрос, зачем он занимается музыкой, Константин ответил, что хочет заработать деньги и открыть собственную кузницу или автомастерскую. Ему нравилось заниматься металлом – физическим и музыкальным. А я не понимал, зачем человеку с нечеловеческими способностями потеть в кузнице, если все необходимое для жизни он может попросту взять силой: прийти в магазин, внушить что-нибудь продавцам и спокойно уйти.

Поговорить наедине с Константином удавалось нечасто. В присутствии людей он рассказывал только о своей биографии без упоминания Тьмы и всего, что с Ней связано. О самом обучении Константин успел сообщить только то, что этим занимались другие Стражи, и такой самоучка как я ему ни разу не встречался. Еще он поведал, что погружение в теневую личность возможно и при отсутствии визуальной тени. То, что в первый раз я кувыркнулся в Тень с помощью своей тени на асфальте, было просто наглядной демонстрацией в ходе обучения для простоты восприятия. На самом деле тень как отсутствие света на участке пространства в физическом смысле не имеет ничего общего с той Тенью, куда попадает Страж. Роднит их только то, что теневая личность возникает тогда, когда свет внимания обитателей реальности заслоняет преграда «неинтересности», как выразился Константин. Поэтому теневая личность так и называется. Этим он постарался объяснить незаметность кувырка во время погони демонов-доберманов.

А спустя какое-то время Константин исчез. Куда, с кем – этого не знали даже лучшие друзья. Костя оставил записку, где говорил о том, что не стоит его искать и просил прощения, если этот поступок кого-то огорчит. Искать его действительно не собирались – долгов нет, а путешествие в Омск начиналось примерно при таком же раскладе. Друзья и родственники надеялись, что однажды он все равно вернется. На меня Константин произвел скорее негативное впечатление – несмотря на некоторое родство, связующей тайны, он отталкивал меня своей холодностью и нелюдимостью. Костя ни с кем не считался и был одинаково добродушно-безразличен ко всем, кто его окружает.

В поездках нас нередко сопровождала сестра Константина – Ксюша. Мы успели сблизиться с ней еще на даче Сергея, но дальше романтических ухаживаний дело не дошло. Поначалу я был очарован ее ангельским характером, я был влюблен в ее натуральную красоту, я был окрылен ее присутствием в своей жизни, но спустя пару месяцев очарование это резко испарилось. Ксюша была прекрасным человеком, добрым и ласковым, но каким-то пустым внутри. Я излазил ее душу вдоль и поперек и больше не находил там никакой новизны. Вернее – не мог отыскать того, чего жаждал. Редкие стихи, которые я писал во время ее присутствия в моей жизни, были глупыми и скучными. Ксюша, прекрасная и чистая, как родник, меня не вдохновляла.

Ожидать положительных перемен в наших невзаимоотношениях стало бессмысленно. Было трудно говорить это девушке, учитывая недавнее исчезновение ее брата, но другого выхода не оставалось. Ксюшу такое известие погрузило в глубокую тоску. Я понимал ее – испытал односторонний разрыв на собственной шкуре. Но искать в ней Вику было бесполезно. А обманывать – нечестно. Я все больше утверждался в мысли, что Вика была моя единственная и неповторимая любовь, но тем прочнее создавалось желание отгородиться от нее, отомстить за подлый поступок. Иногда я создавал песни не благодаря тому, что Вика оставила меня, а назло ей – чтобы она когда-нибудь узнала, кого лишилась.

Всю осень и зиму команда «Скальд» продолжала репетиции. Мы отработывали новые темы и готовились к записи еще одного альбома, параллельно накапливая деньги для аренды студии. Успех на концертах окрылял неимоверно, мы трудились день и ночь, и казалось тогда, что наступление известности – только вопрос времени.

Работая в музыкальном магазине, я уговорил директора выставить на продажу несколько экземпляров альбома «Семь дорог», но за два месяца ни один диск так и не был продан. «Железное радио» по какой-то причине сняло наши песни с эфира. Кроме того, в конце февраля пришла информация о том, что альбом провалился в продаже, из всего тиража были куплены единицы дисков. Оставшиеся экземпляры, скорее всего, ушли пылиться на дальнюю полку.

Воодушевленное состояние сменилось недоумением: как так? Конечно, рекламной акции кроме самих выступлений у нас не было. Но нам казалось, что этого будет достаточно – ведь на последних концертах только из-за «Скальда» был полный аншлаг. Нас знали все любители тяжелой музыки Невинки, Ставрополя, Краснодара и Майкопа. Мы сделали практически звездами провинциальной эстрады. Тогда мы впервые почувствовали свободу не только от неукоснительного следования музыкальной композиции, но и нравственного поведения на сцене.

Ситуацию осветило только одно событие – «Пришествие» заинтересовалось нашей записью и они пустили в эфир своего радио одну из баллад. Дело в том, что молодым командам давалась возможность попасть на фестиваль, но для этого необходимо было пройти отборочный тур по голосам радиослушателей. (Уверенность организаторов подобных мероприятий в правильности подбора состава участников резко упала с изобретением кнопки «проголосовать».) Этот факт заметно повысил нашу самооценку. Но, прослушав композиции соперников, мы поняли, что это невесть какое достижение. Это слово – «пришествие» – ассоциировалось с ожиданием, почти потребностью в некоем про-Роке. Если это так, думал я, то с таким контингентом ожидать его будут еще очень долго.

Было начало марта, когда на одном из заседаний в «Кабанчике» в охмеленные головы команды пришла мысль покинуть родной город и отправиться в Москву. Конечно, мы все готовились к этому событию – рано или поздно оно должно было свершиться. И теперь эта мысль была официально озвучена. Несмотря на провал в маркетинговой сфере, мы чуяли удачу на столичной сцене. Выход был только один: покинуть провинцию.

Деньги, накопленные на аренду студии для записи второго альбома, решили использовать для найма жилья и продовольствие. Выезд запланировали уже на конец марта – к этому времени все должны были расстаться с работами и собрать необходимые вещи. С музыкального магазина я уволился с большим удовольствием, мгновенно почувствовав облегчение. Даже слово это – уволился – ярко кричит запахом свободы. Человека отпустили на волю, ему не нужно больше выполнять свои трудовые обязанности! Добби свободен! Быть обязанным – удел невольников. Свободный человек *хочет*.

За день до поездки все формальности были окончены и вещи компактно уложены в сумки. Алекс переплюнул всех: он успел продать свою однокомнатную квартиру и «двухнашку» и приобрести «Газель». Возвращаться в Невинку он не собирался при любом раскладе. В моей сумке лежали одежда и ваннские принадлежности. Помимо прочего Игорь взял с собой гантели. Сергей разместил в салоне «Газели» три гитары: электронную и две акустические. Дима попытался впихнуть весь свой дом.

В Москву мы прибыли утром двадцать пятого марта, поездка заняла сутки с четырехчасовой остановкой на сон. К обеду команда уже располагалась на съемной двухкомнатной квартире в районе станции Тушинская. Бытовые вопросы как-то быстро остудили наш пыл. Мы вдруг осознали, что одни в этом большом муравейнике, ни с кем не знакомые и чужие. Что дальше делать, стало непонятно. Будучи шхуной у себя в Ставропольских водах, группа «Скальд» превратилась в узкую пирогу посреди Московского океана. Здесь не было ни «Разката», ни Константина, чтобы замолвить за нас словечко.

Первые пару дней мы гуляли и знакомились с окрестностями: где, какие магазины поблизости, как добраться до метро и прочее. Затем всерьез принялись искать площадки, на

которых можно было бы выступить. Алекс обзванивал рок-клубы еще до прибытия в Москву, но положительных результатов переговоры еще не принесли. Конечно, мы начинали поиски с самых известных площадок, но расписание у них было слишком плотное – ближайшее выступление нам обещали только через месяц.

Наконец поиски увенчались успехом: небольшой клуб «CheRockee» заинтересовался нами, и арт-директор клуба предложил несколько выступлений. Взамен мы должны были выкупить и распространить часть билетов. Последнее обстоятельство несколько огорчило команду. Мы считали тогда, что раз нам дают выступить, значит, мы уже звезды и недосуг нам возиться с организаторскими вопросами – пускай привратники сами разбираются. Что сказать, провинциальная сцена здорово избаловала нас своим вниманием. На родине все было просто и незамысловато: хватало безвозмездных энтузиастов, готовых помочь с проведением концерта только для того, чтобы как-то скрасить однобокую жизнь людей. Справедливости ради отмечу, что и сами музыканты кроме хорошего настроения ничего с этих концертов не имели. Гордая Москва не спешила открывать свои двери «захватчикам». В столице было полно рок-групп и музыкальных заведений, и всюду царствовал бизнес. К слову, даже музыкальный бизнес не всегда основывался на музыке.

В общем, на руках у нас была пачка билетов с изображением Че с гитарой (сперва я подумал, что название «CheRockee» уходит корнями к внедорожнику, или старому индейскому племени, или к известному персонажу Сильвестра Сталлоне) и желание заполнить зал до отказа. Алекса необходимость самолично распространять билеты несколько не смущала. Он оптимистично предложил взять акустические гитары и прогуляться по Арбату. Идея показалась нам интересной, главное, чтобы погода выдалась подходящей. Весна уже начинала устанавливать свои законы, но последний холодный циклон все еще держал в негостеприимстве столичные улицы. Выступление в клубе было запланировано через пять дней, в пятницу, за это время нужно было сбыть все билеты. Четыре дня мы нервничали, дотошно изучали прогнозы погоды на всех возможных ресурсах, предпринимали попытки «толкнуть» билеты возле здания «CheRockee», но мокнувшим под мерзким дождем проходим бумажки с уже доводящим до тошноты изображением кубинского революционера были неинтересны. Было вдвойне обидно еще оттого, что на выкуп билетов ушла порядочная сумма, что грозило сократить наше безбедное проживание на чужбине до двух месяцев.

Но за свои труды мы все-таки были награждены – на пятый день тучи над Москвой рассеялись. Мы не стали мешкать и уже до обеда выбрали себе подходящее местечко на залитом вниманием юного солнца Арбате. Дима с Сергеем исполняли акустические версии наших песен, Алекс с Игорем занимались продажей билетов. Я пел. На плечи гитаристов ложилась самая тяжелая ноша – им приходилось на ходу интерпретировать тяжелую музыку в акустический вариант так, чтобы она выглядела естественно. Ребята импровизировали с рифмами, соло, боями и переборами очень ловко и качественно. Наверно, в тот день «Скальд» впервые всерьез дотронулся до импровизации. Но не будем забегать далеко вперед.

Впоследствии мне рассказывали, что компания «слепых» музыкантов с первых минут привлекла внимание прохожих. «Слепых» – оттого, что «Скальд» по уже состоявшейся традиции исполняли песни с закрытыми глазами. Та сфера энергии, открывшаяся мне на прослушивании в «Железном радио», теперь неизменно присутствовала на каждом выступлении группы. Эта энергия была стихийна, ее возникновение и исчезновение от меня не зависели, я мог лишь придавать ей устойчивое положение и направлять в нужное русло. Опыт работы с такой силой уже позволял контролировать размеры сферы: я мог ускорить ее рост или наоборот – сжимать до нужных размеров, но тогда приходилось поглощать ее в себе, и я чувствовал себя переполненным, будто набравши в легкие слишком много воздуха.

Как только гитаристы и я заканчивали исполнять композицию, с привлеченных музыкой зевак будто снималось оцепенение. Алекс обходил прохожих с предложением посетить

наш концерт. Таким образом, билеты были проданы за пару часов. Потраченные деньги были отбиты с процентами, но Алекс не спешил возвращаться на квартиру и готовиться к завтрашнему выступлению. Пока остальная команда обедала в кафе, «директор» съездил в «CheRockee», купил у администрации непроданные кассой билеты, и вернулся на Арбат. К вечеру команда обеспечила себе аншлаг на концерте в рок-клубе.

Первое знакомство с московской публикой принесло положительные эмоции. Так же как и в Краснодаре, мы сразу почувствовали себя своими в чужом городе, когда слышали аплодисменты. Дирекция клуба заинтересовалась нашим успехом и организовала еще несколько вечеров, на этот раз проявив некоторое усердие в рекламе представления – в окрестностях клуба показались плакаты с большой эмблемой «Скальд».

Несколько выступлений в клубе позволили немного заработать, но этого было недостаточно – не на такой доход и масштабы мы рассчитывали. Успех в «CheRockee» не остался незамеченным – занятые поисками амбициозных проектов арт-директора вдруг среагировали на заявки Алекса месячной давности, предложив нам свои площадки. «Дело пошло», – думали мы, с удовольствием поглядывая на недельное расписание своих выступлений в разных рок-клубах.

В восемнадцатом веке в Англии жил один профессор по фамилии Podlost. Из всех ученых всех времен и народов этот человек самый недолюбливаемый в мире. Все потому, что именно он придумал закон Подлости. С тех пор этот закон всюду преследует обитателей Земли. (Здесь я позволю себе пошутить.) У закона Подлости есть множество формулировок на разные случаи жизни, но в нашем случае он выглядит по-ньютоновски: каждое действие равно противодействию. Что это значит? Это значит, что мы были слишком хороши для рок-клубов.

Удачная эпопея команды «Скальд» на маленьких клубных сценах вскоре закончилась. Дело в том, что публика, занятая прослушиванием музыки, перестала делать заказы в баре! Оказалось, что рок-клуб – это просто филиал корпорации Вакха, куда толпы должны стекаться не за музыкой, а за алкоголем. Спиртное приносило клубу большую часть дохода, а рок-исполнители служили своего рода зазывалами, аниматорами, и чем известней зазывала, тем больше посетителей приходило в бар. Администрация заведений была довольна привлечением публики, но отсутствие продаж их очень огорчило. Они готовы были пригласить менее успешную команду на наше место, ведь даже продав одну треть билетов, клуб оставался в выигрыше, если посетители премного бухали. При этом совсем неважно то, что происходило на сцене. Это было наше первое столкновение с бизнесом, и на какое-то время мы даже растерялись.

Июнь приближался к концу, группа «Скальд» осталась без работы с медленно худеющими кошельками. Алекс настаивал на том, чтобы обратиться в продюсерскую компанию для профессионального развития нашего творчества. Для нас это означало надежду на какой-то доход и лишение независимости.

Здесь мне придется сделать шаг назад и вернуться в конец марта, когда мы только прибыли в Москву, чтобы описать еще одно важное событие.

Глава 13

Заканчивался второй день пребывания «Скальда» в Москве. Была уже ночь, но противный храп Димы, спавшего на соседнем диване, не давал мне погрузиться в сновидения. Этот звук вибрации в гортаноглотке пробивался даже сквозь музыку в наушниках, и мне никак не удавалось перестать концентрироваться на нем. Все попытки прекратить это разбивались об стену невозмутимости, с которой одурманенный недавней пивной попойкой Дима встречал мои усилия разбудить его. Вскоре я не выдержал и, спешно собравшись, покинул квартиру.

Весенний, холодный, ночной город встретил мою неожиданную прогулку не очень дружелюбно – дождь моросил с самого утра. Перспектива потеряться в незнакомых лабиринтах Москвы или попасть в нехорошую историю меня не пугала. Я бродил между серыми коробками домов, даже не стараясь запомнить дорогу, лишь отмечал названия улиц и номера зданий. Было довольно безлюдно, однако неумолкаемая стена призрачного шума, творящегося в недрах мегаполиса (для провинциала такое поведение города было в диковинку), не позволяло терять бдительность и напоминало о том, что Москва – это живая бетонная тварь, готовая напасть в любую секунду.

Несмотря на внешнюю беззаботность, я был собран, внимателен, и даже иногда представлял себе, как лихо разрубаю черным мечом глупую тушку атакующего из глубин темноты демона...

Неожиданно тревога, настоящая, выползла из-за мрачных, сырых от дождя уголков, не освещенных уличными фонарями. Вокруг не было людей – только блеклый свет редких витрин и смачный шелест дождя. Я приготовился встретить опасность и старался отыскать черный меч, как будто он должен постоянно находиться подле меня. Но оружия не было. Попытки нырнуть в теневую личность закончились провалом – страх сужал кольцо вокруг, лишив возможности мыслить хладнокровно. Смерть и паника надвигались не быстро и не медленно. Окна смотрели на меня черным безразличием. В глубине дворов взвизгнула кошка – и это было единственное знамение нахождения поблизости живого существа. Я запаниковал и готов был снова позорно бежать от неизвестной угрозы, когда на плечо легла чья-то рука.

– Следуй за нами, – изрекла тень, когда я обернулся. Тьма не обманула – я сразу понял, что такое Стражи: то ли из-за чувства безопасности, то ли еще почему. Я облегченно выдохнул. Голос Стража звучал ровно и властно, у меня и мысли не появилось что-то возразить им или не подчиниться. Я чувствовал себя безвольной куклой, и слова Константина о моей силе показались тогда притянутыми за уши – неизвестно для каких целей.

Двое Стражей заняли места на восемь и четыре часа от меня, третий шел впереди. Мне было все равно, куда меня ведут, лишь бы продлить чувство безопасности, неизменно посещающее человека при близости Стража. Впрочем, потому они так и зовутся, ибо призваны защищать. Хотя ничего подобного рядом с Константином я не чувствовал, отчего пришел к выводу, что Стражем человек становится только в Тени.

Мы шли довольно долго – около получаса. За это время теневые личности не прооронили ни слова. Редкие прохожие не обращали на процессию никакого внимания, их уставшие от дождя взгляды проходили сквозь Стражей и мельком задерживались на мне. Моих проводников, конечно, видеть они не могли. Со временем я почувствовал, что хватка безволия, которой Стражи опутали меня сначала, постепенно ослабевает, и я мог сам отвечать за свои действия. Следом таяло и чувство защищенности, и в какой-то момент я осознал, что двигаюсь добровольно вслед за провожатыми, хотя спокойно мог покинуть конвой и вернуться на квартиру.

Мы свернули во двор какого-то высотного элитного дома, без проблем прошли через шлагбаум с кабинкой охраны, на входе сонная вахтерша даже бровью не повела. Стражи двигались по фойе, словно были хозяевами всего здания. Впрочем, по улице они шли точно так же. Тени остановились у лифта, один из них нажал кнопку вызова. Дверцы открылись в ту же секунду, обнажив просторную кабинку, куда мы вчетвером поместились без проблем.

Лифт остановился на последнем этаже. Далее конвой повел меня по коридору к двери, ведущей на лестницу, откуда мы поднялись на крышу. Дул сильный ветер и капли мелкого дождя хлестали по лицу. Мне все меньше нравилась эта затея. Зачем мы пришли сюда? Я легко мог бы повернуться и уйти, но жажда неизведанного и страх вновь оказаться одному тянули вперед.

Стражи подвели меня к самому краю крыши. Я почувал неладное.

– Иди, – велел один из Стражей.

Идти? Куда?

– Иди, – повторил он, подтолкнув меня к перегородке. И довольно грубо добавил: – Вперед иди.

Они что, собираются меня убить? Этого я никак не ожидал.

Быть может, это новое испытание? И теперь я должен сразиться с этими тремя?

Тьма?

Холодная ночь молчала.

Я развернулся к Стражам в поисках подсказки для своих дальнейших действий, но они застыли, словно статуи. И вообще, кроме моего положения на краю крыши высотного здания ничто не излучало угрозу. Я посмотрел вниз: по двору двигался конус света, излучаемый автомобильными фарами, самой машины не было видно. Высоко. Не то, чтобы стоэтажный небоскреб, но высоко. Что делать?

С другой стороны – разве все это не представление? Разве асфальт может стать мягким, как желе? Разве существует способ полного контроля над человеком? Разве Тень не доказала мне, что мир может быть совершенно иным?..

Только не закрывай глаза.

Слова Тьмы придали мне решимости. Я встал на перегородку и занес ногу над пустотой. В голове пробежал панический образ человека падающего с крыши. И этот образ вызвал взрыв адреналина внутри меня, какой бывает у людей, прыгающих с парашютом или мчащихся в болиде на огромной скорости. Это было желание экстрима. Желание оттолкнуться от опеки контролирующих безопасность человека чувств и отдаться в руки суровой стихии Судьбы. Я не закрывал глаза и хладнокровно наблюдал, как нога опускается в черную ночь все ниже и ниже... Будь что будет.

А затем стопа уперлась в поверхность. Бледно-золотым светом разлилось пятно, вытянулось, исказилось, приобретая правильную геометрическую форму, и поползло по диагонали вверх. Я оказался на неширокой золотой лестнице, уходящей куда-то в хмурое ночное небо. Сомнений больше не оставалось, я двигался вперед. Ветер крепчал с каждым шагом, поручей лестница не имела. Я рисковал потерять равновесие или оступиться, и это было бы для меня смертельным исходом. Но адреналин глушил все сигнализации рецепторов и инстинктов. В какой-то момент ветер стих, и в мире остались только я и золотая полоса сказочной лестницы в тихой ночи. Впереди полоса эта уперлась в какой-то массивный объект, смутно напоминающий миниатюрный замок или католическую церковь. Теперь я знал, куда иду. Это был Храм.

Внимание привлекла вспышка в двухстах метрах от меня. С крыши соседнего здания, столь же высокого, стелилась вверх лестница, по которой уверенно шагали какие-то фигуры. Еще через какое-то время такие лестницы стали появляться на крышах остальных соседних зданий – высоких и не очень. Всего тонких золотых линий, ведущих к Храму, было около

десятка. Сам Храм теперь напоминал не то гигантского паука, нависшего над Москвой, не то воздушный шар необычной формы, удерживаемый у земли золотыми канатами.

Храм был уже близко – я видел белый свет, пробивающийся из щелей по периметру створок массивных ворот. Контуры здания становились все четче. Сам Храм сиял в ореоле луны, покинувшей сейчас тюрьму хмурых туч.

Вдруг воздух прорезал дикий вопль. Он прозвучал где-то подо мной и, удаляясь, через секунду стих. Фигуры на лестницах замедлили движение и пытались разглядеть что-то, лежащее в свете фонаря у стен одного из домов. Кажется, кто-то действительно сорвался с крыши. Этот эпизод приглушил мой энтузиазм, я вдруг понял, что все происходящее вовсе не сон или сказка. Я подумал о том, что несколько минут назад точно так же мог не наступить на твердой поверхности лестницы в воздухе и рухнуть вниз на асфальт. И точно так же, меня проводили бы взглядом сожаления, но не сочувствия.

Фигуры на лестницах продолжили подъем, и никто не сделал ни одного движения в сторону тела – мертвого или все еще живого. Что говорить, я и сам не испытывал ни малейшего желания вернуться и осмотреть беднягу. Черный волк подсказывал, что этого делать не стоит.

Храм во время наблюдения за этим эпизодом стал как будто на несколько метров дальше. Я решил больше не отвлекаться и продолжил путь с еще большим усердием. По мере приближения к воротам правая створка распаивалась все шире, выпуская на волю яркий белый свет. Из недр Храма вырывалось тепло.

Когда я был уже совсем близко к воротам, правая створка распахнулась достаточно, чтобы осветить фасад Храма. Ни окон, ни скульптур, ни каких-либо привлекательных архитектурных мелочей здание не имело. Но на левой, закрытой створке, была интересная деталь: там был изображен даосский знак внутри уробороса. Приглядевшись, я заметил, что черно-белый круг находится не прямо в центре закольцованной змеи, а ближе к ее чешуйчатому телу, создавая впечатление, будто круг – это планета, вращающаяся по орбите-уроборосу. Сам даосский знак был выполнен то ли из блестящих камней, то ли из разноцветного стекла – это была голографическая картинка и при смене ракурса или освещения стороны круга менялись местами. Черное-белое, белое-черное... Подойдя чуть ближе, я разглядел на правой створке еще один уроборос – на этот раз без даосского знака.

Чувствуя сильнее сердцебиение, я переступил порог Храма. Первое, что бросилось в глаза – белый мрамор на полу, потолке, стенах, лес колоннады из того же мрамора и виднеющиеся из-за частогокола колонн языки огня. Кроме этого огня я не заметил никаких источников света, будто его излучал сам воздух или стены.

Как только я переступил порог, металлические ворота за мной с лязгом захлопнулись. Я невольно обернулся. На внутренней стороне ворот были изображены те же древние символы, что и снаружи. Обе створки были теперь сомкнуты, и два уробороса соединились в «восьмерку» бесконечности и напоминали два глаза: один смотрел куда-то вправо и вверх, другой многозначительно подмигивал отсутствием «зрачка». Если бы человек был обладателем левого глаза, психолог сделал бы вывод, что человек обращается к своему правому творческому полушарию и в данный момент может соврать.

Что дальше делать – я не знал. По логике необходимо было двигаться в сторону огня и узнать у кого-нибудь, зачем я здесь. Это первая мысль человека – двигаться к свету и теплу, даже если этот свет повсюду. Но я не спешил. Я слышал, как хлопали створки других ворот, слышались голоса и мелькали силуэты где-то за частогоколом колоннады. Я медленно двигался вдоль стен, как бы желая не раскрывать все фланги на случай чего. Стены были украшены барельефами, изображающими какие-то сцены, – рассмотреть их было очень трудно из-за белого света, который лился сразу со всех сторон. Наличие барельефа вообще можно было заметить, только проведя ладонью по стене.

– Чтобы увидеть полную картину, недостаточно пролить на нее свет. – Рядом со мной неожиданно возник старик в белом балахоне. Кроме белоснежных одежд у него имелась длинная борода и жидкие волосы до плеч цвета эталонной седины. Интересным было его лицо: бесцветные глаза выражали мудрость и усталость, но ни один мускул не напряглся в попытке изобразить хоть какую-нибудь эмоцию. Вид старца делал его как будто неотъемлемой частью этого Храма: казалось, стоит ему замереть, как фигуру старика можно было спутать со статуей. Не смотря на слегка сгорбившийся по-старчески вид, рядом с этим человеком я чувствовал себя очень уязвимым – как будто стоит ему двинуть косматой бровью, и меня тут же свернет в бараний рог. – Если добавить тень, картина будет ясна, – и встал так, чтобы на стену упала его тень. Действительно, фигуры стали выпуклыми и теперь без труда можно было разглядеть странные изображения с участием демонов всевозможных визуализаций, на которые только способно человеческое воображение, людей и облаченных в доспехи Стражей.

– Ты не явился сам, и мне пришлось послать за тобой. Те, кто не приходит на зов, возможно, находятся в опасности, – как бы оправдываясь, заметил старец. – Меня зовут Михаэль. Я самый старший из Стражей – в обоих смыслах.

– Я видел подобный храм еще в своем городе. Это разные заведения, или он способен перемещаться в пространстве? – спросил я.

– Храм невозможно увидеть. К нему ты можешь только прийти. Это вообще не здание, если тебе так интересно. Но я предлагаю тебе сейчас отбросить желание познания. Здесь оно ни к чему. – Михаэль говорил совсем как Тьма, и это меня совершенно не удовлетворяло.

– Мой тебе совет: отбрось привычку объяснять все на свете, – Михаэль наклонился ко мне так, будто говорил о чем-то сугубо интимном. – В конце концов, область разума не самый достоверный источник информации.

– Откуда же тогда черпать знания?

Старик на мой вопрос только рассмеялся. Это выглядело странно и жутко – как будто статуя вдруг решила поохотаться.

– Константин был о тебе довольно высоко мнения. Он говорил о твоей силе и незаурядном уме. К сожалению, я этого не вижу. Думаю, роль Князя тебе не подходит. Не питай насчет этого иллюзий.

– Какого князя? – удивился я. Слова Михаэля для меня звучали примерно так: у вас скончался богатый дедушка в Швейцарии, о котором вы никогда не слышали, и оставил вам все наследство, но мы видим определенные проблемы в Российско-Швейцарских отношениях, поэтому наследство вам вряд ли удастся получить.

– У братства должен быть предводитель. Кто им станет – обычно выбирают сами Стражи из числа наиболее искусных воинов. Мы называем таких людей Князьями, но это не совсем так. Настоящий Князь тот, кого посылает сама Тьма, но это происходит примерно лишь раз в столетие, а то и больше. Не потому, что кандидатов не хватает, только не каждый способен пройти необходимый путь. Я знал многих людей, которые не выдерживали и пускали себе пулю в рот. Или вешались. Или сжигали себя заживо. Или погибали от рук киллеров. Последним таким Искателем стал Курт Кобейн. Я думаю, тебе известно, чем он кончил. С тех пор наступило затишье.

– Курт? – меня эта новость удивила. – Никогда бы не подумал, что он был Стражем. То есть, связанным со всем этим...

– Не Стражем, а Искателем, – поправил Михаэль. – Среди них действительно было много знаковых личностей. У Владимира Ульянова, например, получилось – революция дала ему колоссальную энергию. Жаль он пал спустя несколько битв...

Во время разговора мы продвигались вглубь колоннады и внутренности Храма раскрывались подробней. В центре святилища находилось квадратное углубление все из того

же белого мрамора со стороной в четыре метра. В это углубление, блестя нержавеющей сталью, спускалась лестница, что делало яму похожей на бассейн. Только вместо воды он был заполнен бурлящим пламенем. Недалеко от бассейна стояла массивная древняя плита с глубоко вырезанными геометрическими узорами, а в центре ее висел на цепях черный прямоугольный предмет. Люди, пришедшие в Храм, делились на два типа: одни были плотно укрыты белыми одеждами как Михаэль и стояли возле колонн, другие, ничем не отличавшиеся от простых граждан, выстроились перед бассейном лицом к огню. Всего Искателей было человек двадцать. Ворота больше не лязгали, впуская новых посетителей, а те, что уже находились в Храме, старались как можно реже выдавать свое присутствие. Движущимися объектами остались только пламя и мы с Михаэлем, который, по всей видимости, не спешил начинать церемонию – чего бы то ни было. А то, что начать должен был именно Михаэль, было для меня очевидным.

– Зачем ты искал меня тогда, если не видишь во мне этого... Князя? – поинтересовался я.

– Кто ты такой – решать не мне. Зов одинаково звучит для всех Искателей, и я не вправе препятствовать этому. Титул Князя Тьмы не дает никаких особых привилегий. К тому же, если ты действительно силен, ты можешь стать им, доказав остальным Стражам, что достоин этого. Я советую тебе сохранить себе жизнь, и пока не поздно пройти Посвящение. Заставлять тебя никто не станет, но выбор, какой бы он ни был, сделать когда-нибудь придется. И лучше сделать это сейчас. Выходить один на один против всей мощи Хаоса – самоубийство. Однажды он тебя раздавит.

Я еще не понимал значения слов Михаэля, но знал точно: менять свой неожиданный статус какого-то князя на простого Стража было невыгодно. Тот факт, что старик не углядел во мне потенциала, разозлил меня. При этом я едва осознавал, что это за место, кто эти Стражи и зачем нужно все это. Я пришел сюда ради любопытства – и только. Однако слова Михаэля испугали меня и вынудили задуматься: все-таки один в поле не воин.

Одновременно со злостью и страхом выросло негодование белого волка: какого черта клепать из меня Князя Тьмы, если мне это совершенно не надо?! Я бы с большим удовольствием провел свою жизнь в студии и на концертах. Хрен с ним, я и на магазин или завод был бы согласен! Лишь бы дотянуть до старости. Кто просил делать из меня получеловека, лишать радостей жизни?! Разве это мой выбор? Разве я не вправе управлять своей Судьбой?!

– Ты уже начал идти. Теперь либо идти до конца, либо сгинуть. Вернуться назад или сесть на обочину у тебя не получится, – добавил Михаэль, будто угадав мои мысли.

– Скажи: почему именно я?

– Вектора сошлись на тебе. У каждого человека должно быть предназначение.

– Значит, человек все-таки не властвует над своей жизнью?

– Властвует. Но есть множество сил помимо человеческой воли. Не следует об этом забывать.

Мы неторопливо приближались к огненному бассейну, воздух становился горячее. Хотя Искатели, по всей видимости, не испытывали никакого дискомфорта от близости пламени – мы обошли бассейн, и я разглядел на лицах людей решимость, отчужденность, сомнение и как будто отсутствие адекватного восприятия реальности. Будущие Стражи наблюдали за нами без особого интереса.

Михаэль остановился у резной плиты и повернулся лицом к Искателям. Мое внимание привлек предмет, прикованный цепями к плите. Это была объемная черная коробка полметра высотой и сантиметров тридцать шириной. На коробке мерцало серебром потертое изображение то ли вертикальной спирали, то ли змеи, тянущейся к небу. Толстые цепи крепко прижимали предмет к массивной плите со всех сторон, так что изъять коробку было непросто. Этот черный артефакт был либо очень ценен, либо опасен. Либо и то, и другое.

– Что это? – спросил я у Михаэля.

Михаэль обернулся и несколько секунд смотрел на плиту.

– Книга Хаоса, – ответил он, как мне показалось, неохотно.

– Да, Тьма говорила о ней, – вспомнил я. – Это ее охраняют Стражи.

– В самом деле? – старик даже приподнял бровь. – Наверно, ты неправильно истолковал Ее знаки.

– Разве такое возможно?

– Но, скорее всего, ты получил от Нее неполный ответ. Стражи охраняют Книгу Хаоса, – пробормотал Михаэль, не удостоив внимания мой вопрос, – пожалуй, и этим мы занимаемся. Но главная задача воина – защита реальности.

– Что в Книге? Почему она так подвешена?

– С этой Книги началась история Стражей. Написана она была задолго до возникновения первых цивилизаций. Как ты понимаешь, это не совсем книга. Это скорей тюрьма для того, что в ней написано.

– Кто ее написал, если цивилизации не было? Следовательно, письменность была еще не знакома человеку.

– Ты снова пытаешься что-то объяснить или понять, – с укоризной заметил Михаэль. – Я редко это делаю, но постараюсь удовлетворить твое любопытство. В давние времена люди общались совсем иным языком и передавали информацию иными методами. Этот язык был совершенен. Он был прост и не носил в себе конкретики. Однако был понятен каждому и не имел двойных трактовок. Способы передачи информации тогда не ограничивались бумагой, металлом, камнем и прочими физическими носителями, популярными в наше время. Здесь, можно сказать, душа того, кто создал Книгу Хаоса.

– И что случилось с тем языком? Почему он исчез?

– Он не исчез, он растворился. В городе Вавилоне появился человек, принесший вирус в способность передавать информацию – люди перестали понимать друг друга.

– И что в этой Книге?

– Узнаешь, когда прочтешь.

– Когда я ее прочту?

Михаэль на секунду задумался. Затем ответил:

– Тогда же, когда ты ее прочтешь, – его ответ едва не вывел меня из себя – старик будто взял на себя роль буддистского учителя, считающего словоблудие наилучшим уроком. Этим Михаэль напоминал Тьму в те моменты, когда я с трудом воспринимал Ее *слова*.

– Так же существует и Книга Тьмы. Но она была утеряна еще до того, как создали Книгу Хаоса. Единственное, что известно о ней – ее обладатель будет повелевать огромной силой, способной положить конец противостоянию...

– И что, разве никто не пытался найти Книгу Тьмы?

– Не так-то просто ее найти. К слову, многие воины даже знают, где эта Книга, но вот заполучить ее никто из них не может.

– Ее охраняют?

– Возможно.

– Как это?

– Я же говорю, бесполезно рассказывать об этом *вашим* языком, – Михаэля явно утомила беседа. – К Храму ты можешь только прийти, но не увидать его или понять его местоположение. Ты можешь знать, где находится Книга Тьмы, но будешь неспособен достать ее. Ты имеешь доступ к огромному резервуару знаний, но способен усвоить лишь крохотную толику его. Не все так просто. Не цепляйся за слова и мысли. Пора заканчивать беседу, мы и так заставили ждать наших друзей. Я прошу тебя: встань в один ряд с Искателями. Ночь не бесконечна, церемонию необходимо провести.

Я с некоторой неохотой обошел бассейн и встал рядом с будущими Стражами. В ту же секунду раздался голос Михаэля, совсем не похожий на голос старика, с которым я говорил две минуты назад. Это был сильный, низкий, уверенный и повелительный голос, разливающийся, как белый свет, по Храму. Не услышать его было невозможно – этот звук был настолько плотный, что его можно было пощупать руками. Мне в голову пришла ассоциация с нашей музыкой – именно такое чувство порождала и она. Наверняка Михаэль создает сейчас клубок силы, чтобы заполнить ею весь Храм.

Звучавшие слова пролетали мимо ушей, не задерживаясь в сознании. Казалось, Михаэль говорил на неизвестном языке, но вскоре я стал понимать его, хотя связать воедино полувывихшиеся фразы было невозможно – старик вещал полную бессмыслицу.

– Солнца луч раздвинет тучи... полет орла не кончится падением... мы – Стражи жизни, сумеречные воины... мы растим крылья, зная, что не взлетим... мы несем вечную службу Тьме, мы на защите Всего... пепел вечен, гранит обернется во прах... все началось и кончится битвой... радости не существует, есть лишь кроткие проблески на полотне бесконечной боли... – и прочее.

Голос Михаэля то стихал, то гремел под высоким потолком. Старик разводил в стороны руки и свивал пальцы в замысловатых жестах. Вдруг налетал ветер, трепал полыхающий огонь и длинные одежды старика. Сколько это продолжалось – понять было невозможно. Я больше не чувствовал ни своего тела, ни жара огня. Разум находился в тумане, мысли полностью покинули голову.

Затем все Искатели вздрогнули как по команде. Началось движение. Люди подходили к блестящей лесенке, спускались в огненный бассейн и пропадали в пламени. А через некоторое время выходили обновленными. Огонь был как будто вязким – он тянулся следом за людьми, вцепившись в их одежду, затем рассыпался белыми нитями, прямо на глазах облачая Посвященных в длинные балахоны. Лица новоиспеченных Стражей сияли торжественным холодом, они больше не знали ни сомнения, ни страха. Даже радости и печали отступили не то что на второй, а на десятый план. Они больше не имели права ни любить, ни ненавидеть. Их судьбы теперь полностью принадлежали Тьме. Молодые Стражи переставали являться людьми, обрекая себя на жизнь сверхчеловека.

Когда очередь дошла до меня, я уверенным, неторопливым шагом приблизился к лестнице и начал спускаться в пламя. Было жарко, но страха обжечься или вовсе сгореть я не испытывал – инстинкты как будто заглушало монотонное заклинание Михаэля. Я погрузился в огонь сначала по колено, затем по пояс, вот уже бурлящие языки пламени поглотили грудь и дотянулись до шеи. И чем глубже я уходил в пламя, тем меньше шансов повернуть обратно оставалось. Я терял волю, страх и способность трезво анализировать происходящее. Трепещущее пламя достигло подбородка, а через несколько секунд накрыло с головой.

Я оказался в вязкой темноте. Вокруг происходило движение, как будто я попал на дно реки с ее подводными течениями и бурунами. Затем поток схватил мое тело и начал нести куда-то в далекую неизвестность. Я совершенно забыл, что нахожусь в небольшом бассейне, на тот момент я плыл в бездонном и бескрайнем океане, и весь мир представлялся только этим огненным простором.

А потом мои внутренности обожгло. Горячий комок зародился в груди и, постепенно накаляясь, превратился в кузнечное горнило. Такой муки я еще никогда не испытывал. Казалось, вся боль, все несчастья, уготованные для меня Судьбой на всю жизнь, вырывались сейчас ослепительным квазаром из груди, сжигая во мне всю человечность. Страдания покидали меня, и тем самым лишали возможности распознавать радость. Я испытывал боль, которая тем не менее дарила облегчение. Я отдался на волю стихий и превращался в манекен, управляемый мягкой и энергичной инородной силой...

– Нет! Нет! Нет! – вдруг раздался крик где-то совсем рядом. – Отпустите меня!

Течение огненных потоков замедлило свой бег. Квазар в груди моментально потух. Я вновь стал ощущать свое тело, и это чувство показалось самым омерзительным на свете. Кроме того, меня знобило от холода. Что-то влажное скользило по плечам и спине, извивалось, будто змеи ползли по мне. Глаза были закрыты. Я не решался их открывать.

– Я не стану твоей марионеткой, Тьма! – опять взорвался крик и разлетелся эхом. Громоподобный речитатив Михаэля вмиг прекратился, и вокруг стало оглушительно тихо. Спустя несколько секунд я услышал мокрый шелест дождя. И в испуге разомкнул веки.

Кричал я – вот что сразу пришло на ум. Вернее, один из моих волков. Но какой именно – понять было сложно. Внутренние звери выглядели жалко – оба, как один, опаленные пламенем и замученные внешним душегубом.

Со всех сторон на меня глядела ночь. Я стоял на коленях в желтом кругу света от фонаря посреди улицы – совершенно голый. Я был слаб, подавлен и опустошен, не было сил даже задаться вопросом: куда делся Храм и как я попал сюда?

Рано или поздно тебе придется сделать выбор. Каким он будет – решать тебе.

Через какое-то время я сумел собраться с мыслями. Холод, дождь и первородная одежда стимулировали на поиск выхода из ситуации. Тень, вытянувшаяся подо мной от фонарного света, подсказала решение. Я целенаправленно и хладнокровно перенес себя в тень, и постарался как можно скорее добраться домой.

Глава14

Двадцать первого июня Алекс объявил новость: «Пришествие» включило нас в состав участников Малой сцены. Это было новостью еще и потому, что отбор закончился месяц назад, и мы утратили было всякую надежду. Стыдно признаться, но за тот период, что «Скальд» выступал на сценах рок-клубов, мы редко вспоминали о поданной заявке и даже не следили за ходом голосования. Конечно, это выглядит как неуважение к организаторам, но следует нас понять – успех на небольших площадках буквально очаровал команду. Известие это было приправлено несколькими деталями. Во-первых, отбор молодых исполнителей для участия в фестивале закончился еще в мае, следовательно, голосование мы не прошли. Во-вторых, некая продюсерская компания с многообещающим названием «CZF-production» связалась с «директором» по вопросу сотрудничества. Название это показалось мне многообещающим потому, что аббревиатуры CZF вызвала ассоциацию с древним царем Сизифом, чей сказочный образ был не самым позитивным. Безуспешно толкать каменный валун на вершину горы мы не собирались, пока Алекс не поведал причину неожиданного включения «Скальда» в программу «Пришествия»: продюсеры из компании обратились к организаторам фестиваля с ходатайством за нашу группу, предоставив какие-то видеоролики с выступления в рок-клубах. Получилось так, что мы остались «должны» своим благодетелям, заметившим потенциал в молодой команде. С другой стороны, такое обстоятельство невероятно льстило. С «сизифом» был подписан договор.

Две недели группа провела в студии компании, отрабатывая свой номер на фестивале. Наш новый директор Гриша (очень живой тридцатипятилетний мужичок с отпечатком вдохновения и денег на лице) обещал нам творческую независимость и просто балдел, когда команда играла. Первым шагом к успеху Гриша считал выступление на «Пришествии», после чего проект «Скальд» должен был заняться созданием альбома. «Семь дорог» директору не понравился, он назвал это творение «унылым высером» и в планах на будущее поставил вопросик напротив строки «перезаписать альбом, исходя из имеющихся материалов». Сергея больше всех задела такая оценка нашего творчества.

Вся команда ожидала чего-то грандиозного от наступающих времен. Продвижением проекта занялись настоящие профессионалы, и хотя не все участники поддерживали такой ход, но уверялись в его необходимости. Мы вкладывались в музыку как никогда раньше, целые сутки проводили в студии, слушали советы. Те речи, которые в свое время говорил нам Алекс, казались детской наивностью по сравнению с реальным опытом и знаниями Гриши. Но стоит отдать Алексу должное – он впитывал слова настоящего директора, старательно все запоминал и менялся буквально на глазах. Алекс превращался в человека, знающего точно, чего он хочет и как к этому прийти. Его уверенность подкупала и вдохновляла остальную команду. Авторитет, который Алекс накопил среди музыкантов, вынуждал нас слепо доверять его решениям, так что даже Сергей перестал спорить по каждому случаю.

«Пришествие» неумолимо надвигалось. За две недели мы подготовили свой номер, костюмы, выбрали новые инструменты. Волнение усиливалось с каждым днем. Накануне выступления с Димы перестали сыпаться глупые шуточки – он целый день был очень замкнут и мрачен. Сергей на это время перенял роль скомороха, но в таком образе выглядел крайне нелепо. Игорь много разговаривал на разные отвлеченные темы, Алекс казался собранным. Наверно, только я жаждал с нетерпением попасть на сцену, чтобы хоть на время избавить голову от Тьмы и прочей мистики.

Фестиваль открывался седьмого июля и заканчивался десятого. По графику выступление «Скальда» начиналось в день закрытия «Пришествия» в пятнадцать двадцать и заканчиваться в пятнадцать пятьдесят. Еще до рассвета мы погрузились в «Газель» и отправились

по трассе в сторону Воронежа. С собой взяли гитары (это понятно), барабанную установку в разобранном виде, Гришу и две просторные палатки на всякий случай. Дорогу я совершенно не помню – меня сморило после получаса езды. Проснулся я, когда Солнце уже весело блесло в зените, а по трассе, обгоняя «Газель», то и дело неслись автомобили с развевающимися пестрыми флагами, гремющей из открытых окон музыкой и веселыми пассажирами, машущими всем участникам движения. Не доезжая до Воронежа, Алекс свернул к какой-то деревне, некоторое время двигался в сторону населенного пункта, а затем съехал на грунтовую дорогу, ведущую в лес.

«Газель» вклинилась в узкий поток снующих туда-сюда автомобилей и автобусов. Разноцветная змея петляла по неровной местности, взбиралась по холмам, переправлялась через деревянные мостики над ручейками и пропадала где-то в жиденьком лесу. А за лесом вырастал палаточный мегаполис. Сотни тысяч людей вдруг съехались сюда со всей России, СНГ и Европы, чтобы взорвать степенную жизнь провинции.

Алекс разместил «Газель» на парковке для музыкантов и мы направились к специальному КПП, расположенному недалеко от Большой сцены. Гриша предъявил охране пропуска, взамен нас наградили подготовленными бейджиками в конверте. После КПП располагался небольшой палаточный лагерь из одинаковых белых шатров – один из них предназначался для «Скальда». Под куполом шатра разместилась небольшая столовая – по-другому и назвать нельзя, ибо кроме пластиковых столов (густо заставленных фруктами и напитками) и стульев там были только зеркало на ножке-раме, вентилятор и вешалка для одежды. Гитары и синтезатор музыканты взяли с собой, а барабаны под присмотром Гриши отправились на сборку.

Что происходило по ту сторону сцены – было страшно представить. Земля гудела от басов, крики тысяч плоток сотрясали воздух. Весь шум фестиваля доносился глухо, так что в своем шатре-гримерке мы чувствовали себя, будто на другой планете, и от главного действия нас разделяют несколько парсеков. И это успокаивало. Действительно, было страшно. Полтора года назад «Скальд» начал свой музыкальный марафон, удачно преодолевал короткие дистанции, и теперь ему предстояло соревноваться с более искусными бегунами. Это был «час X» для всей команды. Я проигрывал в голове наши песни и находил их скудным убожеством. Выходить с *этим* на сцену главного события лета было чистым безумием. До выступления оставалось два часа. Это время необходимо было пережить.

Наверно, стоило покончить с музыкой тогда, – думал я. – По крайней мере, не пришлось бы наблюдать, как все усилия проваливаются в бездну...

Остальная команда была солидарна со мной. Ребята молча жевали апельсины, Сергей вяло брынчал на гитаре. Я видел, как они вздрагивали при каждом взрыве криков на поле.

В палатку вернулся Гриша и, обведя команду глазами, понимающе улыбнулся:

– Посидите, я сейчас.

Появление директора как будто сняло оцепенение. Первым ожил Сергей.

– Что делать будем? – спросил он.

– Да ничо, – отозвался Дима. – Постоим, анекдоты расскажем.

– Хватит гнать, пацаны, – сказал Алекс. – Сейчас выйдем и все нормально сыграем.

Как в студии. Что мы, на концертах не выступали?

– На концертах, а не на... вот этом, – Сергей указал рукой в сторону выхода из шатра. Полог тут же откинулся, впустив Гришу. В руке директор держал запотевшую литровую пластиковую бутылку без этикетки. Гриша широким шагом подошел к столу, вытащил из пакета пять одноразовых стаканчиков и четкими движениями разлил в них прозрачную жидкость.

– В последнее время даже для vip-зоны не делают исключений, – как бы оправдываясь, известил Гриша. – Так что, кому надо, запасаются заранее.

– Водка? – на всякий случай спросил Сергей.

– Именно, – кивнул директор. – Конечно, жарко, но она вас расслабит.

Водку закусили лимоном и откинулись в креслах, ожидая результата.

– Вроде помогло, – улыбнулся Дима.

– А мне что-то не очень... – протянул Игорь.

– Да тебе лишь бы нажраться, – обвинил его Дима и оба разом засмеялись.

Гриша повторил свой маневр со стаканами и бутылкой.

– За удачное выступление! – сказал тост Алекс, и холодно-горячая жидкость провалилась в желудки.

Гриша посмотрел на часы:

– Переодевайтесь. Пора выдвигаться.

Костюмы у нас были пестрые – дизайнеры сшили что-то среднее между одеянием средневекового барда и нарядом неформала из нулевых. В итоге из меня получился какой-то пират: фиолетовая шляпа с пером, того же цвета камзол без рукавов с высоким воротником и ярким фениксом на спине, белая кружевная рубаша, увешанные цепями черные ботфорты, полосатые штаны и ремень с увесистой бляхой в форме черепа. Все это добро плотно прилегало к телу, давило, стесняло движения и вызывало интенсивное потоотделение. На остальных музыкантах были похожие костюмы, различались они лишь расцветкой и рисунком на камзоле. Я подошел к зеркалу и остался доволен результатом. До этого я боялся, что буду выглядеть как Робин Худ.

Затем нас посадили в микроавтобус и повезли куда-то в сторону от Большой сцены. По идее, Малая сцена находилась на другом конце поля. Это обстоятельство и обидело команду, и вселило некоторую надежду. Через несколько минут не самой комфортной езды по пересеченной местности автобус остановился. Мы оказались за Малой сценой, хотя даже она выглядела внушительно. Здесь было не так шумно и многолюдно, как возле эпицентра фестиваля – Большой с ее громадами и монстрами рока.

Возле подмостков-пандусов, ведущих на сцену, нам встретилась компания девиц, ото лба до пяток разукрашенных в яркие цвета: краской были густо измазаны футболки и короткие шорты. Это была наша первая встреча с обитателями по-ту-сторону-кулисы фестиваля, непонятно как проникших на территорию персонала. Девушки брали автографы у каких-то хиппи, а потом заметили нас. Костюмы им явно понравились.

– А вы музыканты, да? – спросила одна.

– Музыканты, – подтвердил Дима, взглядом снимая остатки их одежды и стирая краску. Затем, словно в продолжение своим каким-то мыслям, медленно добавил: – Хотя с краской даже интересней...

Девушки засмеялись, переглядываясь.

– Ну, идите... брынчите, – говорят, – что играете хоть?

– Музыку, – пробормотал Алекс где-то из-за спины, и добавил: – Хорошую.

– А вы поиграйте, а мы послушаем.

Дима уже открыл было рот для ответа, как сзади раздался громкий голос:

– Ну, где вы бродите? – делового вида женщина тридцати лет в темных очках взяла Алекса за локоть. – Давайте быстро, вам выходить скоро.

– Вот и услышите, – подмигнул девушкам Дима, и мы направились к сцене.

Напряжение немного снялось, но этого не хватало, чтобы полностью освободиться от тисков страха перед предстоящим выступлением. От алкогольной порции, выпитой в шатре, к тому времени не осталось и следа. Мы поднимались на сцену, будто на плаху.

– Готовьтесь, – сказала женщина, оставляя нас за кулисами посреди нагромождения аппаратуры, и как мне показалось, зловеще, добавила: – Вы следующие...

Она ушла, оставив нас наедине со своим ужасом.

– Мне почудилось, или она действительно со словами «вы следующие» подмигнула? – почти шепотом спросил Дима.

– Дурень, она была в очках, – напомнил я.

– Ну, под очками подмигнула, – не унимался Дима.

– Да, веселая дамочка, – сказал Сергей. – Сам весь на нервах, а она заряжает тут такое...

– Все боятся, – отстраненным голосом произнес Гриша. – Но все же идут. А боятся чего? Того, что публике не понравится музыка? – Гриша вопросительно посмотрел на нас, а затем рассмеялся. – Нет, конечно. Боятся раскрыть свой внутренний мир. Боятся, что этот внутренний мир будет диссоциировать с публикой. Общество потому так и называется, что построено на общих интересах. И вот, ребятаки, вам самое главное: большинство тех, кто выступает со сцены или перед трибуной, говорят то, что от них хотят услышать. И только тогда человек не чувствует страха или волнения. Только вот беда: тот, кто потакает ушам публики, не способен внести что-то новое.

Алекс иронически хмыкнул, но Гриша этого не заметил. И хорошо, что не заметил. Слова нашего нового директора показались Алексу не столь глубокими, как та полемика, которую мы вели в свое время между собой. Но Гриша был не так-то прост:

– В любом случае, я редко вникаю в слова тех же политиков у трибуны. Я пытаюсь разгадать – зачем они это говорят. И тогда многое становится на свои места.

Барабанная установка Игоря была собрана на специальной платформе на колесиках. Эту платформу мы прикатали за кулисы по специальным пандусам. Когда предшествующая нам команда закончила выступление, их барабаны убрали со сцены, а наши тут же закатали ребята из техперсонала. На Малой сцене тоже имелись свои ведущие, но были они немногословны и не читали таких пламенных речей, как конференсье Большой. В обязанности ведущих входило представление группы, города, откуда те прибыли, а так же короткая справка о достижениях команды, предоставленная самими музыкантами.

Представление «Скальда» заняло несколько секунд. Гриша пожелал нам удачи и принялся давать какие-то распоряжения техперсоналу насчет звука. Последняя речь директора приободрила гитаристов и Игоря, однако мы с Алексом остались при своем страхе. Что нас действительно объединяло с Алексом так это неумное желание анализировать все на свете. Только мы вдвоем поняли, что в словах Гриши кроется какой-то подвох. Однако мы не понимали, что правда не всегда бывает во благо.

Перед «плахой» тесно выстроилась толпа шумных меломанов, которым надоела «попсытина» Большой сцены. Они жаждали услышать что-нибудь новенькое подальше от трехсоттысячной толпы, бьющейся в музыкальном экстазе по ту сторону фестивального поля. Но и здесь публика заняла обширную поляну с наибольшей концентрацией перед сценой, так же развевался государственный трехцвет, эмблемы и региональные гербы, прицепленные на телескопические удочки. Уморенные жарой и уставшие удобно расположились на примятой траве в сторонке.

Музыканты с помощью техников подключили инструменты и некоторое время настраивали звук. Провести полноценный саундчек у нас не хватало музыкального веса, но организаторы заверили, что дискомфорта ни одна команда испытывать не будет. И не обманули – звукорежиссер и техники умело настраивали аппаратуру прямо во время игры.

– Давайте, пацаны! – послышались крики с поля.

– Ска-альд! Ска-альд! – донеслось откуда-то сбоку. Видимо, те, кто успел побывать на наших выступлениях на юге и в Москве, присутствовали и здесь. Мне как главному «микрофонисту» группы следовало что-то сказать, поприветствовать публику, но я не успел и рта раскрыть – гитаристы вдруг начали играть. Причем играли они что-то совершенно не то. Эту мелодию, что звучала из динамиков, я никогда раньше не слышал. Сергей и Дима, будто сговорившись и отрепетировав какой-то музыкальный фрагмент, почему-то решили

исполнить его прямо сейчас, когда на нас обращены взоры многотысячной аудитории. Или всерьез восприняли слова Гриши насчет внутреннего мира и теперь отчего-то поливали этим миром всю доступную округу. Поливали – в хорошем смысле, ибо музыка была что надо. К гитарам потихоньку присоединились барабаны.

Я обернулся к музыкантам. Игорь, Сергей и Дима, закрыв глаза, старательно выдавливали звуки из инструментов и окружающее их мало волновало. Алекс был бледен. Затем я вернул внимание на публику – им явно нравилось происходящее. Гриша, успевший к тому времени переместиться к пульту звукорежиссера, находящемуся неподалеку перед сценой, недоуменно замер в движении.

Через пару минут я понял, что останавливаться коллеги не собираются. Мы с Алексом, как два истукана, стояли на сцене, не зная, куда себя деть. Как будто мы тут и не при делах вовсе. Надо было что-то делать. И единственное, что пришло мне в голову – это подобрать подходящие под ритм стихи из своего арсенала и превратить хулиганство в песню.

Я закрыл глаза и попытался уловить музыкальную формулу, вокруг которой крутилась игра гитаристов, и по которой дальше будет строиться сие творение. Затем выбрал текст, наспех прогнал его через фильтр получившейся формулы, чтобы прикинуть, как все это будет выглядеть, и стал ждать. Будто пловец перед прыжком в бегущую речку с высокого обрыва я выжидал наиболее подходящего момента. А когда он наступил, разбежался и прыгнул:

*– Вы сейчас далеко друг от друга;
Между вами возникла стена
Мегатоннами света.
Протянуты руки,
Но сцепиться мешает она.
Разве может всевластие слова
Не пробить иллюзорный тупик?
Вы прошли лабиринт,
Но находите снова
В пустоте раздражающий лик.
И теперь на весах о двух чашах
Эго делит победу с судьбой.
Превратится в согласие
Желание ваше
И весы опрокинет долой!*

Занятый фильтрованием текста, я совсем забыл об энергетической сфере. А она тем временем заполнила всю сцену. Я чувствовал всех музыкантов, кроме Алекса, но не обратил на этот факт внимания. Больше всего меня волновало то, что наша импровизация шла как по маслу. Если продолжать аналогию, то я погрузился в поток реки и плыл по течению, и то, что ожидало меня впереди, – было неведомо. В этом заключался своеобразный кайф.

*– Тонны воздуха больше не будут преградой,
И ладони коснется ладонь.
Ваши мысли сплетутся
В лиричной балладе,
Не разрушить объятья водой!
Жажда с большей силой впитаться друг в друга
Разрывает одежду послушной рукой.
Близость тел превращается в сладкую муку,
Но и это теперь уж не дарит покой.*

Текст был довольно длинным, я боялся, как бы музыка не закончилась раньше срока. Но выход скоро нашелся: нити Судьбы, соединяющие музыкантов и мои пальцы, позволяли «дирижировать». Я мог влиять на ход исполнения разных партий.

То обстоятельство, что мы творили музыку прямо на сцене и у нас это неплохо получалось, необычайно окрыляло не только меня, но и гитаристов с Игорем. Энергосфера разрослась до немыслимых ранее пределов, проглотив все пространство перед и за Малой сценой. И продолжала двигаться дальше.

*– Вы в объятия сильней жметесь тягою страсти,
Каждый миг прибавляя усилия рук.
Трещанье костей
Пробуждает в вас счастье,
Возмещая молчание долгих разлук.
Впившись хищно в желанную шею,
С наслаждением глотаете теплую кровь.
Насыщаетесь вкусом,
Вы купаетесь в нею.
В каждой капле – возможность постигнуть любовь.
Возбужденные пальцы проникают вглубь раны,
Вызывая и радость, и страшную боль,
И рванут за края...
Тело криком вмиг станет,
Приглашая и душу идти за собой.
Разрывается с треском проклятая кожа,
Кровь салютами бьет из разорванных вен,
Плоть пульсирует тяжело,
Но рука остановиться не может –
Дикий крик поднимает вам души с колен.
Близится цель, разбивает кулак
Хлипкие ребра.
Стены, кровать – всё в багровых тонах!
Руки застыли; голое сердце трепещет,
Жаждет вырвать оковы и лечь на ладонь.
Дыханье затихло
И расправились плечи –
Вы готовы вкусить настоящий огонь!
Аккуратно укутав в ладонях сердечко,
Незаметным движением рвете к себе.
И, сквозь крик, за секунду
Понимаете нечто:
Вот награда дерзнувшим бросить вызов судьбе!
Оглушенные громом, онемевши от боли,
И увязнув по локоть в крови,
С этих пор не нуждаясь в объятиях боле,
Вы сердца подарили свои.*

Песня закончилась эффектным аккордом. С поля донеслись восторженные крики. Гриша у режиссерского пульта многозначительно показал на часы. Действительно, импровизация заняла минут пятнадцать – это половина отведенного нам времени. Пора было начинать, собственно, сам номер.

– Спасибо! – крикнул я в микрофон, стремясь накрыть своим голосом шум с поляны. – Группа «Скальд» желает вам весело оторваться на «Пришествии»!.. – Далее я хотел объявить следующую песню, идущую под первым номером в программе, но запнулся, когда заметил, что публики на поляне прибавилось. Жиденький лес реющих над толпой флагов превратился в густой частокол. Море обращенных к сцене голов как минимум удвоилось. Кажется, мы привлекли к себе внимание.

Музыканты, решив, что я закончил, продолжили выступление. Стоявший в недоумении Алекс подключился к игре. Стоило только закрыть глаза, как происходящее теряло свою обычную значимость. Я снова погрузился в мир звуков и отдался на волю энергии, текущей со сцены на поле, которая затем, отразившись от благодарной публики, возвращалась музыкантам. Светящийся шар раздувался с немыслимой скоростью и к концу третьей, предпоследней композиции успел задеть МиГ-29 из авиагруппы «Соколы России», выполняющих на тот момент трюки в небе. Истребитель пролетал над Малой сценой и снизился так, что едва не задел подмостки. Публика восторженно взревела, пилот в кабине и администрация феста благоговейно-облегченно перекрестились. Мы невозмутимо продолжали играть.

И лишь когда смолкла последняя нота, я открыл глаза и с удивлением понял, что перед сценой бушевали уже сотни тысяч оголтелых фанатов. К Малой сцене были стянуты дополнительные силы полиции и военнослужащих, чтобы сдерживать готовую штурмовать подмостки толпу меломанов. Впоследствии нам рассказывали, что сцена была окружена плотным кольцом охраны, в том числе с собаками, а за ним – море и море голов, – со всех сторон. Людей не останавливали ни ограждения, ни торговые палатки – всех этих искусственных выступов на гладком поле больше не существовало. Уцелела только палатка звукорежиссера – ее не стали трогать ввиду необходимости поддерживать представление. Здоровенные фуры с музыкальной аппаратурой и микроавтобусы были загнаны на поле в нарушение фестивальных правил, чтобы людям, облепившим крыши машин, было видно Малую сцену издалека. Весь диапазон, который охватывали колонки Малой, превратился в одну спрессованную толпу. Поляна перед Большой сценой в это время критически поредела.

Вот это мы зажгли! Крики с поля не смолкали еще долгое время. Это был триумф «Скальда» и мы наслаждались им с высоты своей гордости. Я жалел о том, что Вика сейчас не стоит среди этих людей и не видит, кем мы стали, кем я стал, не видит, чего она стремилась меня лишить. Я хотел увидеть на ее лице раскаяние. Я хотел прочесть в ее глазах восторг. Я хотел, чтобы она обожала меня так же, как и все эти люди, собравшиеся вокруг сцены... И что бы я сделал потом? Я бы ушел за кулисы и навсегда забыл бы Вику.

С этой минуты мы стали звездами. Охрана соорудила нам коридор, ведущий сквозь толпу к микроавтобусу для музыкантов. Гриши нигде не было видно – своего директора мы просто потеряли. Из-за оцепления тянулись руки, желая прикоснуться к сверхновой легенде. Команда ускоряла шаг, опасаясь быть разорванными на куски. Сергею уже порвали рукав на плече, у Димы отлетели все пуговицы с камзола, но несмотря на это глаза басиста радостно и возбужденно блестели. Он мониторил хаотичное многорукое чудовище толпы, отыскивая кого-то взглядом.

– А где эти подружки красочные, интересно? – наконец спросил Дима. – Которые с хип-ями тусили.

– Хах! Теперь ты их точно не найдешь, – оскалился Сергей. – Надо было в микрофон кричать, когда были варики.

– Что-то мне после выступления вареников захотелось, – продолжал басист.

– Смотри, сколько здесь телок! Они все текут от одного твоего вида.

– Да хоть бы телефончик успел зацепить...

– А у тебя что, своего нет? – посочувствовал Игорь.

Мы начинали относиться к людям как к восторженной толпе, стоящей ниже нас, алчно жаждущей любого нашего движения. Простые и наивные зверьки, ничего не имеющие кроме животных удовольствий и развлечений, они нам завидовали. Мы превратились для них в поводырей и богов, светочей темного царства, мерилom жизни и объектом вожделения. А мы – полюбили свою толпу. Не будь ее, и «Скальд» тоже перестанет быть. Как художник пишет на белом холсте, как фотограф замораживает время на пленке, так и мы – оживляли свои песни в умах и душах меломанов. В студии или на диске композиции столь же мертвы, как и древние свитки в закрытых библиотеках.

У каждого были свои причины находиться сейчас здесь. Помимо славы, которую все алкали, включая и меня, Сергей желал доказать своему отцу, что быть коммерсантом – не верх мечтаний. Что музыка, против которой предки гитариста ратовали, способна принести и прибыль, и душевное удовлетворение, чего не получал от своей работы отец Сергея. Алекса тянула вперед мысль о том, что, заставив толпу полюбить себя, он поравняется с атлантами мира сего и сможет влиять на течение истории. Дима, который не мог похвастаться каким-то особенным талантом, еще со школы полюбил яркие и вызывающие наряды, татухи, серьги и прочее, чтобы таким образом обратить на себя внимание противоположного пола. И сейчас, наблюдая интерес к себе, басист чувствовал себя нужным, желанным и счастливым. Я желал отмщения за измену и преданную любовь. А Игорь... никто не знает, чего хотел этот рыжий молчаливый парень. Он просто сидел позади всех за установкой и шарахал по барабанам что есть мочи...

Возле шатра с табличкой «Скальд» сразу же была выставлена охрана, дабы никто не порвал нас в порыве страсти. Но буквально через несколько секунд полог убежища распахнулся, впусив девушку с бейджиком корреспондента и оператора с камерой. Репортеры представились и попросили ответить на несколько вопросов. Я стоял около стола и жевал яблоко, но почему-то слова журналистов были адресованы именно ко мне.

– Это наш вокалист, – подскочил к гостям Дима. – Он немой, так что все вопросы можете задавать мне.

– Вообще-то нам хотелось бы поговорить со всеми участниками группы...

А нам хотелось душа, свежего воздуха и удобных мягких кресел. Снаружи доносился шум людей, сверкали фотовспышки. Эти двое журналистов каким-то образом проникли через охрану раньше других – видимо, состояли в штате организаторов фестиваля, потому как даже федеральные каналы к нам не пропустили.

Деваться было некуда. Волейбольная игра «вопрос-ответ» длилась часа полтора, за это время ажиотаж на поле приутих, публика продолжала наслаждаться творчеством отечественных монстров рока. Когда удовлетворенные корреспонденты покинули шатер, мы принялись стягивать с себя пропитанные потом костюмы и наряжаться в повседневную одежду.

Затем появился Гриша – на него было жалко смотреть: потрепанный, украшенный ссадинами на руках и ногах и зелеными следами травы на одежде. Его как будто катали по полю. Но не смотря на весь свой ужасный вид, настроение у директора было прекрасным. Он убедился, что с нами все в порядке и выслушал пожелание группы прогуляться по фестивалю. В общем-то, ничто этому не препятствовало: без костюмов, в сумраке заходящего солнца нас вряд ли узнают. К тому же лица участников «Скальда» были видны лишь первым рядам, ибо здоровых мониторов, транслирующих происходящее на сцене, Малая площадка не имела. Нас тайно вывели через заднюю часть шатра и отпустили на волю. Хмельной воздух праздника, насыщенный гулом и тяжелой музыкой из колонок, опьянял.

Глава 15

Со следующего дня за группу взялись всерьез. У команды началась плотная концертная деятельность. Сначала в Москве, потом в Питере, затем в Твери, Ярославле и Нижнем Новгороде. «Пришествие» обернулось для группы не просто путевкой в большой мир – это был прыжок через целый пролет на лестнице, ведущей на самый верх. «Скальд» прибавил себе весу как по ускоренной программе диеты для сумоистов. Нас показывали в новостях и телешоу, о нас писали газеты и блогеры. Фотосессии, интервью – на «Скальде» сошлось все внимание СМИ.

«Сизиф» почуял в нас хороший проводник финансовой энергии и натаскивал как цирковых медведей. Что говорить, как двигаться, куда смотреть – целый регламент. Опытные аранжировщики и поэты довольно настойчиво предлагали «свое видение» уже готовых песен и наперебой предоставляли исправленные версии. Конечно, пункт Договора «о невмешательстве в творческую жизнь коллектива» все еще соблюдался, однако назойливость советчиков выводила из себя. Тогда Гриша нашел иной путь – через Алекса. Сначала это была лекция «ай-яй-яй нехорошо импровизировать на сцене без предварительной договоренности с коллегами» (это он имел в виду выходку Сергея с Димой на «Пришествии»), затем началась тотальная правка всего репертуара. Я уже говорил о том, что Алекс и Гриша сблизилась за время пребывания «Скальда» под крылом «CZF-production». Директор использовал эту дружбу, дабы «впаривать» лидеру команды свое профессиональное мнение. Авторитет Алекса в глазах Сергея таял на глазах – гитарист увидел в лидере марионетку.

Первая серьезная стычка между Алексом и Сергеем произошла на концерте в Твери: прямо посреди песни Сергею неожиданно захотелось покурить. Плюнув на уважение к публике и к федеральным законам, гитарист прекратил свою партию, вытряхнул сигарету из пачки, сел на монитор на краю сцены и принялся дымить. Гриша и Алекс были в ужасе, я едва удерживался, чтоб не расхохотаться. Однако никто не вмешивался и не предпринимал попыток вернуть музыканта к своим обязанностям. Побагровевший от злости Алекс начал сбиваться и песня превратилась бы в кошмар, если бы не Дима – он выдал на бас-гитаре такое соло, что уши у публики затрепетали в экстазе. Дима очень умело прикрыл своего товарища и продолжал импровизировать до тех пор, пока Сергей не докурил. Бросив окуроч, гитарист подошел к Алексу и сказал так, чтобы его слова не дотянулись до микрофона:

– Хватит уродовать мои песни.

Я находился рядом и слышал отчетливо каждое слово. После концерта в гримерке произошел взрыв двух истерических бомб.

Параллельно с концертами шла запись нового альбома. «Сизиф» предоставил нам студию на неограниченное пользование. После инцидента в Твери Сергей и Алекс старались не смотреть друг на друга и держались на расстоянии. Клавишник почти не участвовал в процессе создания песен, лишь занимался своими партиями, но выглядел подавленным и озлобленным – диктаторские черты, словно рога у беса, проявлялись в нем все с большей отчетливостью. Остальные члены команды вкладывались в альбом по максимуму – идей было столько, что мы не успевали их реализовывать. В октябре завершилась запись всех партий. Альбом «Рассвет. Закат» ожидал сведения и мастеринга.

Я не становился ни на сторону Алекса, ни на сторону Сергея. Алекс понимал, что его знания и опыт не смогут привести команду к блестящему будущему. У клавишника была мечта и он принимал любую помощь в достижении своей цели. К тому же он был прирожденным лидером, но не понимал, что лидерство важно только до определенного момента. Когда этот момент достигается, лидерство сменяется диктатом, чтобы продолжать удерживать авторитет. Азарт власти сложно потушить.

С Сергеем дела обстояли проще. Его отец, как предприниматель, был заинтересован в продолжении бизнеса через потомков и в удержании социального статуса. Потому в семье Сергея всегда царила деспотия, от которой он бежал с гитарой в подземный переход. И теперь, когда в Алексее просыпался диктатор, Сергей рефлекторно стремился защититься от него.

Естественно, продюсеров такое положение дел не устраивало. События могли развиваться по разным сценариям. Но ни один из них не предполагал позитивной развязки.

Альбом «Рассвет. Закат» был готов в декабре. Рекламная кампания еще задолго до релиза заполнила интернет и небольшую часть телевидения. «Сизиф» не стал мелочиться и выпустил огромный тираж компакт-дисков, разлетевшихся по всей стране и в ближнее зарубежье. Параллельно с этим вышла исправленная версия «Семи дорог», но она распространялась как часть рекламной кампании – то есть, альбом был выложен в свободном доступе в сети. «Скальд» отыграл несколько концертов в поддержку альбома и на время прекратил гастрольный тур. Официальную версию озвучили так: группе необходимо обрасти материалом – репертуара катастрофически не хватает. Но истинной причиной было другое.

Второй альбом провалился с тем же треском, что и первый в свое время. «Сизиф» был в смятении. Никто не понимал, почему такая успешная группа, открытие года, «Скальд» собирает стадионы, но не может продать запись своих песен. Продюсеры недоуменно чесали репы. Решено было заняться поиском проблемы – возможно, специалисты чего-то недоглядели. С этого момента начался глубокий анализ всего проекта. Первое, на что обратил внимание продюсерский центр – необычная манера исполнения с закрытыми глазами. Внимательно выслушав все доводы группы, «сизиф» запретил команде закрывать глаза во время выступлений, ссылаясь на заботу о безопасности участников «Скальда». Концерты полны неожиданностей: то плохо смонтированная декорация свалится, то особо рьяные фанаты выбегут на сцену, к тому же применяется файер-шоу – а это всегда пожаро- и взрывоопасно. Затем, внимательно изучив альбом «Рассвет. Закат», Гриша пришел к выводу, что звучит он не так тяжело, как музыка на концертах. Было решено внести поправки в существующие аранжировки и в мастеринг готового альбома. То есть, продюсеры уже не стеснялись вторгаться в наше творчество. В общем, «сизиф», как типичный уполномоченный преодолевать проблему орган скорее не решал ее, а запутывал себя и других. Венцом всей этой истории стал звонок из Отдела по контролю над авторскими правами: в соцсетях и торрентах был выложен альбом «Рассвет. Закат» – еще задолго до официального релиза. Нехитрыми техническими способами была вычислена причина утечки – ею оказался Сергей. Сам гитарист не стал ничего отрицать, он подтвердил, что выложил альбом без какой-то финансовой выгоды через «левые» аккаунты. Шуму было – до десятого неба.

Чтобы ракета отправилась в космическое пространство, ей необходимо сбросить лишний вес, и вся драматичность ситуации проявляется в том, что лишним весом служит бак с горючим, с помощью которого ракета оторвалась от земли. К чему я это? К тому, что Алекс покинул нашу группу. Но сначала предполагалось, что это сделает Сергей. В Договоре «сизиф» оставил себе лазейку на случай, если придется «уволить» из проекта неугодного музыканта: в графе списка лиц, с которыми заключается контракт, была оговорка «состав команды Исполнителя может быть изменен». Исполнителем являлся «Скальд». После того, как было принято решение заменить гитариста, я, Игорь и Дима тоже выразили желание покинуть проект. По сути «Скальд» в лице Алекса все еще находился в поле Договора, Грише оставалось просто добрать недостающих музыкантов. Нам грозили судом. А нам было пофиг.

Второго февраля на свет появилась группа «Седьмая тропа» в составе Димы, Игоря, Сергея и меня. СМИ, освещавшие ситуацию с распадом «Скальда», подарили нам неплохую рекламу. Остро вставал только один вопрос: что мы будем исполнять? По закону все наши

композиции теперь принадлежали Алексу и «CZF-production». У нас было два выхода: или срочно писать новые песни, или бесславно валить домой. Но был еще и третий вариант. Именно им мы и воспользовались.

Когда до организаторов небольших фестивалей дошла весть, что старый состав «Скальда» теперь будет выступать без посредников, посыпались предложения. Мы не ожидали, что это произойдет так скоро, но отказываться не собирались. На фестиваль «Рязанская весна» мы прибыли без единой новой песни. Но у нас был план: сделать то, что мы делали на «Пришествии» – сочинить прямо на сцене. Выхода не оставалось: мы либо неловко промычим сырую музыкальную стряпню, а затем с позором уберемся восвояси без надежды на дальнейшую карьеру, либо прямо сейчас пакуем чемоданы и выезжаем к мамам под крыло. Среди двух монументов обреченности сияла крохотная трещина удачи, в которую мы должны были пройти на всем ходу без времени прицелиться как надо. Не знаю, кого следует винить в нашем успехе – Тьму или талант музыкантов, – но свой счастливый билет мы вырвали прямо из рук несущейся мимо на полной скорости хохочущей Фортуны. Концерт в Рязани оказался орбитальной стартовой площадкой, откуда ракета по имени «Седьмая тропа» устремилась покорять неизведанную глубину вселенной.

Мы записали два неудачных альбома – и перестали их выпускать вообще. Мы больше не ходили на репетиции. Мы больше никогда не посещали студию. Мы жили на концертах. Мы сочиняли свои песни прямо на выступлениях. Мы больше никогда не исполняли одну и ту же композицию дважды. СМИ раздували миф о том, что каждая нота нашей импровизации – на самом деле досконально проработанный план, коммерческий ход, чтобы продать больше билетов. Они говорили, что каждая песня часами репетировалась в студии. Что импровизация в принципе не может быть такой шлифовано-идеальной. Это неправда. Мы действительно сочиняли песни на ходу. Оказалось, что отсутствие какого-либо сценария создает лучшие шоу.

Мы больше не выступали в концертных залах, на площадях и стадионах вместимостью до пятидесяти тысяч человек. Чтобы услышать наши песни, исполняемые впервые и только один раз, люди ехали за сотни километров и заполняли огромные площадки. «Седьмая тропа» стала лучшей командой начала столетия. Мы были воплощением рокерской мечты о полной свободе и независимости. Наш флагман двигался по миру, собирая сторонников и подражателей. Музыкальный мир сотрясала волна нового Темного рока (или, как его еще прозывали охотники за красивыми метафорами, Слепого рока). Через некоторое время мелкие студии звукозаписи стали закрываться ввиду отсутствия клиентов.

Главным плюсом импровизации являлось то, что мы были застрахованы от необходимости исполнять одни и те же песни сотни раз. Каждая наша композиция была свежей, будто только что вынутая из печи булочка. Это придавало концерту особый «аромат». Мы стали первыми рок-звездами, у которых на счету не было ни одного настоящего хита. Интернет просто кишел разнообразием видео- и аудио файлов наших спонтанных сочинений, было множество споров о том, какая из композиций лучше, но определенность не была достигнута, как и популярность всех этих записей.

Группа «Седьмая тропа» за большую часть времени своего существования никогда не останавливалась в одном месте дольше, чем на месяц. Мы постоянно находились в движении. Мы колесили по дорогам, плавали по морям, летали по небу и объездили таким образом весь мир. У нас не было запланированного турне. Мы просто выехали из Москвы на «Рязанскую весну», потом заехали в Воронеж, затем в Волгоград, в Саратов, Самару... Весть о необычной группе летела впереди нас. Нам звонили – мы соглашались и приезжали. Объехав Россию по югу до Владивостока, мы направились на север и совершили обратный путь, остановившись в Питере. Затем нас пригласили в Белоруссию и Украину. Мы двигались все глубже на запад, подхваченные непреодолимым течением, отрывающим от Родины. А

когда европейские и российские новостные выпуски наперебой говорили только о «Седьмой тропе», мы стали являться в каждую страну без приглашения. Нас окружал огромный мир, и мы собирались побывать везде. И было совершенно безразлично, какую религию исповедовали жители данной страны. Какой политический строй доминировал в обществе. Какая культура и традиции сложились в данном государстве. В каждом выступлении мы разговаривали с публикой на ее родном языке, потому что у нас не было готовых болванок для песен. Проще говоря, мы ехали к людям не со своими песнями, а с их песнями. Мы импровизировали, и это давало нам полную свободу.

Свобода эта выражалась и в стиле исполнения. Точнее – в отсутствии всякого стиля. Мы не являлись рок-звездами, мы не играли рок, хотя исполняли музыку все теми же электрогитарами и барабанами. По большому счету наши творения не могли называться песнями – в привычном представлении. Были и куплеты, и припевы, и проигрыши. Но все они имели непредсказуемый характер. Песня могла длиться всего минуту, или затянуться на несколько часов – все зависело от публики. Тексты, как и музыка, тоже сочинялись на ходу.

У нас не было ни продюсеров, ни директоров. Ни техников, ни помощников, ни аппаратуры. Все, что мы имели – это три гитары (электро, бас и акустику), флейту (на которой я научился играть) и небольшую ударную установку. Поначалу инструменты довольно часто менялись, пока музыканты не находили свое. Транспортировкой группы обычно занимались организаторы концерта, но нередко приходилось, особенно за рубежом, брать напрокат микроавтобус и двигать на нем по всей стране, ночуя на обочине, в поле или в лесу.

Это было прекрасное время.

С Алексом, несмотря на разногласия, группа поддерживала контакт и одно время предлагала вернуться. Проект «Скальд» продержался недолго – спустя полгода его свернули ввиду отсутствия рентабельности. Даже Сергей готов был забыть прошлые обиды и согласиться на восстановления Алекса в команде, но тот, на удивление, оказался против: Алекс признался, что ему не место среди нас. «Такова общая проблема специалистов и профанов, – сказал он, – неукоснительное следование классическим правилам. Я не смогу выйти за их пределы». На этой ноте «директор» завершил карьеру музыканта и подался куда-то в криминал. На этом след его жизни оборвался для меня на долгое время.

Спустя два года неугомонного полета по белому свету, Судьба вернула «Седьмую тропу» к родным краям. Мы приближались к Северному Кавказу и не устояли перед соблазном показаться в Невинке.

Глава16

В город команда прибыла тайно. Впрочем, практиковалось у нас такое довольно часто – вдруг исчезнуть с поля зрения папарацци и объявиться на другом конце Земли. Часто для таких вещей я использовал Тень, но прятать в ней всю группу было затруднительно. После долгих споров было решено арендовать четыре автомобиля в Ставрополе и порознь добраться до Невинки. (СМИ в это время искали нас где-то в Казахстане, куда была брошена интересная «утка»). Мне достался Renault Logan второй свежести. Первым должен был отправиться Сергей, затем Игорь, я и Дима. Была еще версия приехать ночью, но посчитали, что это уже перебор.

Трасса Р-216 послушно стелилась под колесами. Впереди постепенно вырастал город, приветливо размахивающий флагами серого дыма из промышленных выхлопных труб. Юное Солнце, зеленые поля по бокам дороги, едва прикрытые лесополосой, и темный от влаги прошедшего недавно дождя асфальт трассы делали пейзаж живописным.

Динамики надрывались от голоса Кипелова – той эпохи его творчества, когда молодое сопрано вокалиста как-то быстро приобрело красивые бархатные тона зрелости:

*Вечность смотрит в глаза,
Тянет вниз, не дает вздохнуть.
Неужели все зря?
Но как долгон был этот путь!
Возвращаться нет сил,
И нет силы сдержать свой крик...
Реки времен – отражения миров,
Реки времен – в них шагнуть ты готов,
Чтобы там вновь увидеть себя
И разгадать, что хотела судьба
От тебя.
Пленник собственных слов,
Ты позвал за собой других.
Молча в жертву принес
Все, что в сердце своем хранил.
Жаждой славы гоним,
Поздно понял, что ты один...*

Logan мерно колесил по первым улицам. Я не торопился и желал вдоволь насмотреться на знакомый и чуждый город, перебирая в памяти воспоминания.

Невинка влачила свою жизнь между Россией и Кавказом, неторопливо убивая культуру и спорт, унавоживая их останками красивые, но пустые, торговые центры. Пешеходы завистливо глядели на проезжающие мимо автомобили, которые виляли по убитым дорогам, и мечтали оказаться на месте шоферов, но лишь потому, что тротуары, по которым они шли, могли вызвать только плач, стенания и потребность научиться перемещаться по воздуху. Люди наряжались по последней моде ведущих китайских кутюрье из подвалов трущоб города Ханчжоу, и всеми силами старались «выделиться» из общего течения народа, чтобы в них, как в советских вольнодумцах, не заподозрили отсутствия уникальности. Я видел эту картину десять лет назад и через десять лет увижу ее снова. Статичный холст пожирающей обеды цивилизации провинции вызывал во мне удовлетворение: на его фоне я видел, как изменился сам, как поменялись мои ценности и какой опыт я приобрел в путешествиях. Люди и сами, понимая свое униженное и серое положение, любили всякое упоминание Невинки по телевизору и Сети: потоп в 2002-м, теракты в 2000-м и 2007-м, истории о

«заслуженном мучителе» Сливко, бессмысленный и вялый бунт 2012-го... Но самое любимое и точное – это фраза Галыгина: «Невинномысск – он как Леди Га-га, только город»...

Как и следовало ожидать, никто не заподозрил в мирно ползущем автомобиле эконом-класса карету знаменитости. Уже несколько дней городской стадион подготавливали к концерту: приводились в порядок скамейки, сооружалась сцена, расставлялась аппаратура, – но даже сами организаторы понятия не имели, кому все это предназначалось. Выступление было запланировано на завтра. Сегодня вечером все местные и мировые СМИ получают информацию о том, что «Седьмая тропа» объявилась в Невинке. Эта новость быстро разлетится по двадцатитысячному городку, репортеры в Казахстане кинутся покупать билеты на самолет до Минвод. На неделю это место превратится в цель номер один всех музыкальных обозревателей планеты.

Снимать квартиры или номера в гостинице мы не стали. Решено было поселиться у родственников, чтобы не привлекать внимание посторонних. Я был уже почти дома, когда дорогу преградило столпотворение людей. Улица была перекрыта, стояли кареты «скорой», пожарные наряды, полицейские «Газели». Воздух был просто насыщен напряжением, ненавистью, болью, любопытством и страхом. Народ явно ждал зрелища.

Я покинул машину и нырнул в Тень. На меня сразу хлынула волна ледяных и горячих эмоций, на какое-то время заставивших оцепенеть, – я сортировал все эти чувства, стараясь разгадать происходящее. И вдруг наткнулся на Вику. Она была здесь. Та, которую я всеми силами жаждал увидеть и показать себя – *нового*, – стояла среди зевак и тянула свои нити Судьбы к голове жадного до эманаций чудовища, в которую в Тени превратился жилой трехэтажный дом. Вика очень желала забрать из пасти чудовища что-то или кого-то, что оно «сожрало». Я понял, что стану героем в ее глазах, если добуду это.

Я прошел кордон, оцепивший здание. Группы ОМОНа подкрадывались к торцам дома, два снайпера засели на соседних крышах. Полковник полиции Покровский вел переговоры по рации с укрепившимися в квартирах террористами. У них были заложники. Через минуту Покровский отложил рацию, рубанул кулаком по капоту служебного «УАЗа» и начал внутреннюю борьбу по вопросу объявления штурма.

Действовать следовало быстро. Я направился к двери подъезда, хотя не совсем понимал, что буду делать дальше. В полете на первом этаже засел бородач с «калашом», внимательно следивший за двором через окно. Он был на мушке у снайперов, и бородач это понимал, но вид его был совершенно беспечен – никто не выстрелит, зная, какими последствиями это обернется для заложников.

На втором этаже мне открылась живописная картина: вдоль стен на полу разместились двадцать пять человек из числа жильцов дома; четверо в гражданском, но с оружием, мерили подъезд короткими шагами. На третьем этаже находился еще один захватчик. В подвале дома, в одной из кладовок, был установлен взрывной механизм, замаскированный под старый телевизор «Горизонт» в коробке. Именно этот последний фактор сдерживал сотрудников МВД от решительных действий – органы знали об угрозе, но любая попытка проникнуть в подвал могла привести к печальным последствиям.

Мое внимание приковало к себе большое яйцо размером с ребенка – в Тени оно казалось источником света, чем приводило в смятение все окружающее пространство. Та нить любви, что исходила от Вики, устремлялась к яйцу. Такая необычная визуализация маленькой девочки в моем восприятии показалась мне интересной. Я захотел узнать о ней больше. Ребенка завали Светланой. И она была дочерью Вики.

На меня этот факт произвел огромное впечатление. Поначалу внутри что-то рухнуло – я видел, как моя грудь осыпалась на землю метафизическими ромбовидными осколками. И вдруг испытал такое отчаяние, будто путь всей жизни оказался тупиком или пропастью. Меня взбесило присутствие бандитов, но еще больше тот факт, что кто-то во время моих

странствий присвоил себе Вику и заделал ей ребенка. А затем нечто, вытягивающееся из стен подъезда, из уродливых фигур террористов, даже из подавленных заложников поползло ко мне через нити Судьбы и заполнило опустевшую грудь. Энергия превращала бледное мерцание моего личного света в яркую бушующую силу. Я был зол. Так, как никогда раньше. Я чувствовал себя очень тяжелым и сильным. Я хотел убивать. Я смотрел на хрупкие фигуры захватчиков, проникался к ним чувством отвращения и злобы и желал раздавить их как тараканов. Одной ногой – в лепешку...

Остановись!

Да, Тьма...

Я встал посреди подъезда и громким, безэмоциональным, бесчеловечным голосом приказал:

– Сложить оружие у стены. Двигаться вниз по лестнице и сдаваться. Сопротивления не оказывать. – Террористы и заложники застыли на месте, внимая повелительному голосу из пустоты. Свои слова я подкрепил манипуляциями с нитями Судьбы – выбрал нужные и зажал их в кулаке. – Сдаваться властям. В «Мусульманское общество» вход для вас отныне закрыт. Теперь вы не принадлежите себе.

Я был настолько зол, настолько высокомерен, что даже не удивился, когда банда послушно сложила оружие и, заложив руки за головы, начала спускаться вниз. Мне было безразлично, что эти люди просто исполняли свою волю – жестокую, конечно, но волю. Страж не должен вмешиваться в дела людей, вставать на чью-либо сторону. Будь я Стражем, я бы прошел мимо всего этого действа. Но я не являлся им. Я был бомбой, заряженной колоссальной силой, готовой бахнуть от любого эмоционального детонатора.

Жильцы дома последовали за террористами с явным намерением передать себя в руки полиции и никогда не пытаться связаться с загадочным «Мусульманским обществом». Я не принял в расчет тот факт, что приказ относился ко всем на лестничной площадке. В том числе и к маленькой Свете. Сердце мое смягчилось, я даже растерялся.

– К вам, – я «ткнул пальцем» в каждого заложника, – это не относится. Выходите на улицу и... живите себе дальше.

Люди обеих фракций безвольно покидали помещение, причем соседка Вики как-то моментально забыла про девочку, что недавно сидела у нее на руках. Света почему-то медлила, застыв у стены, растерянно провожала взрослых глазами.

И тут Тень пришла в неестественное движение. Подъезд как будто ожил, превратился в нутро гигантского чудовища. Сначала по стенам прошла дрожь, затем волны и деформации. Пространство кричало и стонало. Что-то готовилось вылезти из стены, просовывая через многомерность острые щупальца. За время мировых гастролей мне не раз приходилось сталкиваться с Хаосом. И в этот момент я был готов – черный меч уже находился в руке.

Но чудовище повело себя не так как обычно. Показавшись в моем восприятии, демон-осьминог оценил угрозу, перевел внимание на светящееся яйцо, резким движением схватил его и устремился прочь. Поначалу я растерялся из-за такого нестандартного поведения Врага, но ринулся вдогонку. Мы неслись через пространство, забывая о физических свойствах бетона и кирпича, – стены и потолки ломались будто картон. Света в щупальцах демона какое-то время кричала и вырывалась, но затем стихла и стала как будто меньше и бледнее.

Погоня прекратилась на последнем этаже. Чудовище остановилось и угрожающе направило в мою сторону все свои щупы – кроме тех, что держали яйцо. Я медленно приближался к похитителю, готовый нанести удар в любой момент. Осьминог атаковал первым – его тонкие отростки вмиг удлинились и отбойными молотками принялись работать в мою сторону. Мне едва хватало сноровки уклоняться и отбивать внезапные выпады. После первого ранения меня охватило отчаяние. Я пробирался через смертоносный лес щупальцев, сконцентрировав себя на желании добраться до яйца, с каждой минутой становившемуся

все бледнее. Я не знал, что происходит с девочкой, она как будто умирала (иначе зачем тваре Хаоса похищать дитя). Чудовище не делало попыток сдвинуться с места – то ли полагало, что загнано в тупик, то ли считало свою позицию наиболее удобной.

Осьминог оказался самым сильным противником из тех, что встречались мне раньше. Итогом нескольких пропущенных ударов стали кровоточащие раны. Я слабел с каждым взмахом меча, а добраться до демона так и не получалось. Кроме того – каждое щупальце, которое удавалось срубить, вновь отрастало и било по мне хлеще прежнего. Осьминог оказался непобедимым. Я был в отчаянии от понимания своей беспомощности. И в какой-то момент, лишившись духа, рухнул на колени. Боль опустила меня на землю и заставила думать только о себе. Я хотел, чтобы все это прекратилось. Закончить бой, проиграть, бежать, сдаться. Любой итог, даже смерть, лишь бы не испытывать боль. Слабость затмевала рассудок.

Это ее дочь. Света не виновата в том, что между вами произошло. Она просто ребенок. Неужели ты оставишь ее умирать?

Я ничего не могу против него сделать.

Если бы ты не вмешался, Хаос не пришел бы сюда. Он почувствовал тебя и нанес удар. Стражи не вмешиваются в дела людей, чтобы не провоцировать Его. Полиция штурмовала бы дом и все остались бы целы.

Слова Тьмы были абсолютно справедливы.

Почему Он схватил девочку, а не меня? Зачем ее убивать?

Если она погибнет, это будет твоя вина.

Тьма знала, куда бить, не меньше Хаоса. Отступать было некуда – две силы столкнулись во мне, я оказался в замкнутом пространстве, стремительно наполняемом удушающей субстанцией. Один канал Судьбы, соединенный с желанием сразить демона наполнял меня энергией, а через другой, связанный со слабостью, трусостью и малодушием, эта энергия свободно вытекала. Я попытался заглушить второй канал, и мне почти это удалось, но здесь и таилась угроза – я стал слишком полным, злым, сытым и неповоротливым. Вулкан, готовый вот-вот взорваться.

Вспомни о Фениксе.

Слова Константина моментально всплыли в памяти. Если появится сейчас этот Феникс, он, вероятно, сожжет моего врага, но вместе с ним – и Свету. Я испугался. Нужно было что-то предпринять. Пустить по нитям Судьбы в окружающий мир всю накопленную энергию? Тогда я ослабею и погибну. Но вероятность того, что дочь Вики останется в живых, возрастет – кто знает, что на уме этой твари? Тьма не ответила на мой вопрос. Если бы осьминог хотел убить девочку, то, вероятно, сделал бы уже это. Кого мне сохранить: ее или себя? Возможно, Света – преграда, которая теперь отделяет меня от Вики. Устранить ее – значит получить новый шанс. Не зря же я вернулся в Невинку. Но убить ребенка?..

Набравшись сил, я ринулся в атаку. Очень ловким и уверенным маневром мне удалось сделать просеку в лесу «тентаклей» и, пока не отрасли новые, я приблизился вплотную к чудовищу. Радость от неминуемой победы ослепила. Один удар – и черный меч пронзит голову монстру. Я не торопился, желая насладиться каждой триумфальной секундой. Монстр будет повержен, девочка спасена, а я стану героем. Я выйду из оцепленного дома, недавно захваченного террористами, рок-звезда и просто славный парень, неся ребенка на руках. Меня встретят удивленные зеваки, меня узнают, окутают ореолом славы. Я подойду к Вике, уже отчаявшейся снова увидеть дочь, и вручу ей добычу. И Вика, моя неповторимая Вика, поймет наконец-то...

Но за секунды промедления, пока я мечтал, отрубленные щупальца демона выросли снова и отшвырнули меня к противоположной стене. Я оказался от цели еще дальше, чем

прежде. Чудовище оградило себя от меня острым ежовым щитом своих конечностей, каждый контакт с которыми только увеличивал число ран и размер отчаяния.

– *Да как же мне до тебя добраться!* – взвыл я. – *Придушил бы уже эту девочку, чтобы не нужно было спасать ее!*

Яйцо, схваченное монстром, приобрело серый оттенок и казалось совершенно безжизненным.

Волки рычали и грызлись, исцарапывая друг друга в кровь. Такой дикой схватки между ними еще не происходило. Я перестал понимать, откуда течет энергия и через какую нить Судьбы она уходит. Кажется, сила текла сразу со всех сторон. Жар внутренней битвы передавался моему внешнему телу, я почти пылал, температура становилась невыносимой. Наверно вот так и просыпается Феникс...

Борьба с Хаосом сопряжена с огромной эмоциональной перегрузкой. Он пробуждает страх и ненависть, Он истощает тебя через эти каналы. В мире без радости не существует горя.

Я понял, что хотела рассказать мне Тьма.

Ты уже достаточно разрушил блокировку, чтобы отказаться от эмоций.

– *Хватит!* – крикнул я на волков.

И вдруг – они остановились. Затем послушно отступили друг от друга на шаг, на два, расходились все дальше, пока пространство между ними не заполнилось холодом. Внутренний огонь потухал, я старался дышать ровно и освободил голову от мыслей. Чувства и желания укрывались все глубже. Я начал твердеть. По телу разливалась корка металла – вроде той, что я изредка надевал на себя, стараясь оберечь от внешних воздействий свою внутреннюю сущность. Только эта была в сотни раз мощней и крепче. Настоящая броня. Об этой защите говорил Константин и напомнила Тьма.

Никаких сомнений больше не оставалось. Энергия, успевшая набраться во мне, придала решимости.

Удары осьминога больше не причиняли вреда. Несколькими резкими движениями я прорубился сквозь копыта щупалец и оказался с чудовищем лицом к лицу. Я не испытывал наслаждения и не чувствовал торжества, когда колол мечом осьминога и тот заваливался на пол. Я не знал, что творилось в этот миг в душе порождения Хаоса – для меня это была пустота, наделенная особенной оболочкой.

Когда Света оказалась у меня в руках, пришло облегчение. Я прижал девочку к себе, и металлическая броня исчезла. Удерживать волков было очень трудно. Я понял – для того чтобы носить такую ментальную броню необходимо либо избавиться от волков, либо оставить только одного из них.

– Ты цела? В порядке? – спросил я, позабыв, что Светик не ответит мне, пока я в Тени. Мои слова для нее звучат, будто собственные мысли.

Света подняла голову и посмотрела на меня своими чудными, детскими, лучистыми глазами, полными чистоты и доверия. Таким взглядом не угощают первого встречного. Я со стыдом пытался отогнать от себя мысль, что несколько минут назад, укрошенный слабостью, желал ее гибели, и презирал себя за это. Света была не простым ребенком, в ней таилось что-то знакомое, родное. Должно быть, я чувствовал в ней Вику и проникался заботой к этому созданию. Яйцо дрожало, уткнувшись мне в плечо, а я радовался тому, что больше Светику ничто не угрожает. Наверно, в тот момент я впервые понял, что есть – любовь.

– Не смотри по сторонам, – сказал я.

Боль от ранений дала о себе знать почти сразу после победы. Стараясь унять дрожь, я опустился на пол. Яйцо у меня в руках мерно светилось, и этот свет успокаивал и дарил надежду. Энергия стремительно вытекала из меня по нитям Судьбы – удерживать ее не осталось ни воли, ни желания. Лишаясь силы, я чувствовал, что лишаюсь тяжелого груза.

Пространство Тени вновь исказилось, открыв восприятию новых чудовищ – на этот раз их было трое. Осьминоги заметили нас и медленно приближались. Я выставил перед собой меч, хотя не совсем понимал, как мы будем отбиваться сразу от троих. Света почувствовала мой страх и отчаяние и впервые за весь этот сумасшедший для нее день заплакала. Не так, как это обычно делают дети – от боли или желания привлечь к себе внимание. Она плакала по-настоящему, поливая солеными слезами всю мою рубашку, отчего свежие раны очень некстати дали о себе знать. Восприятие заволочло туманом. Я ожидал нападения каждую секунду, но осьминоги почему-то медлили. Они были уже совсем рядом, я поднял голову и увидел три пары горящих глаз.

– Отбой, здесь гражданские, – раздался голос.

Чудовища превратились в сотрудников ОМОНа, я осознал себя в какой-то развороченной квартире сидящим на полу. Света – большеглазое трехлетнее создание со светлыми кудрями – испуганно и странно глядела на меня.

В паре метров от нас лежал труп террориста с автоматом в окоченевших пальцах. Никаких следов насилия на нем не было видно: ни ранений от меча, которым я не смог бы причинить вред человеку даже при особом желании, ни даже ссадил и кровоподтеков. Казалось, он просто умер без видимых причин, но я не стал в этом разбираться. Противоположная стена была сплошь изгрызена следами от пуль, которые не достигли цели.

Меня настолько истощило сражение, что я непроизвольно выскочил из Тени.

– Раненые есть? – поинтересовался один в маске. Окровавленную рубашку от его взгляда заслоняла Света. Я ощупал себя, ни одной раны на теле больше не было – может быть, Светины слезы залечили меня? – и дал отрицательный ответ.

– Тогда на выход. – Затем отчитался в рацию: – Третий этаж чист.

Я поднялся на ноги и, не отпуская девочку, направился к двери. Погоня привела нас на другой конец дома. Я себе даже не представлял, о чем подумали сотрудники, когда увидели пробитые насквозь стены и потолки.

Двор стал еще оживленней: полиция, врачи, чиновники уже без страха ходили внутри оцепления. Особо смелые репортеры продвигались все ближе к месту происшествия. С бывшими заложниками работали следователи и психологи.

Как только мы в сопровождении людей в маске показались на улице, сразу привлекли к себе внимание. Отдавать девочку в руки специалистов и самому влезать во всю эту историю желания никакого не было. Я снова нырнул в Тень и укрыл в ней Свету.

– В подвале находится взрывное устройство. Замаскировано под телевизор «Горизонт» в коробке. Никто ее не охраняет, – сказал я омовцам, моментально потерявших нас из виду. Эта информация запечатлелась в их подсознании, будто собственные умозаключения. Сотрудники тут же взялись за рацию и устремились в подвал.

Находиться в Тени после недавнего боя было тяжело. Я как будто шел по канату: один неверный шаг – и выпаду в реальность. Вика была недалеко, сознание девушки помутилось истерикой – она порывалась увидеть дочь, но никто не мог дать ей внятный ответ относительно местоположения Светы и ее состояния. Я разрывался между желанием обрадовать Вику и поместить девочку в спокойную атмосферу. Наконец, потянувшись к сознанию убиваемой горем матери, я попытался донести до нее информацию:

Света ждет тебя дома. С ней все хорошо.

Вика услышала меня, ее плач прекратился. Этого было достаточно. Через несколько минут я открыл дверь с выбитым замком в Викину квартиру, вышел из Тени и уложил девочку на кровать.

– Где папа? – спросила Света, устало-отстраненно глядя на меня. От этого вопроса почему-то больно кольнуло в груди.

– Они скоро придут. Спи, а когда проснешься, мама и папа будут здесь, – успокоил ее белый волк.

Девочка еще какое-то время глядела на меня, а затем повернулась на бок. Свету очень утомила погоня и похищение осьминогом. И черт знает, какими последствиями все эти события отпечатались в ее подсознании. Я решил, что не уйду, пока Вику не допустят в квартиру.

Глава 17

– ... Где и был обнародован факт обнаружения небесного тела. На экране мы видим комету Николаева, летящую со скоростью двести километров в секунду по направлению к нашему Солнцу. Ее стало видно всего несколько дней назад. Это связано с тем, что приближаясь к Солнцу, поверхность кометы нагревается, а испарявшиеся в связи с этим льды, покрывающие комету, и газы образуют сияние – всем нам хорошо известный характерный хвост. По словам доктора Николаева, траектория полета его кометы пройдет очень близко от Земли и ее будет видно невооруженным глазом. Это произойдет в ближайшие два дня, и мы сможем полюбоваться прекрасным зрелищем... – с экрана на меня смотрела строгая дикторша, объяснявшая смысл фотографий в прямоугольнике над ее левым плечом. Несколько снимков с телескопа, фотографии старого ученого, видеорепортажи из обсерватории – вся эта мешанина встретила меня из телевизора напротив, когда я разомкнул веки.

За окном уже стемнело, на улице все еще слышались голоса и шум. Жильцов до сих пор держали во дворе. Несколько раз навевались гости из органов, я прятал себя и девочку в Тени от посторонних глаз. Вот уже больше часа порог квартиры никто не переступал. Я заглянул в детскую, чтобы проведать Свету, – девочка спала, всем своим видом изображая ангела. Кажется, шум за стенами ее несколько не беспокоил. Пускай отдыхает, хороший сон ей поможет. Удовлетворенный, я вернулся в зал.

– А вы не задумывались, почему комету такой величины обнаружили только три дня назад? – спрашивал с экрана мужчина лет сорока с короткой бородкой на пухлых щеках. Его глаза прицельно стреляли в камеру, будто он хотел одним выстрелом поразить всех телезрителей. Новости закончились, по телевизору шла очередная передача из тех, что призваны полтора часа размусоливать какую-то тему без явной кульминации или даже внятной концовки. – Доктор Николаев придумал занимательную историю о том, как благодаря своей просто огромной для кометы скорости, она пролетела расстояние от момента возникновения хвоста до ее сегодняшнего положения всего за несколько дней. Ну, это же абсурд... Миллиарды километров!.. Нет, эта комета была обнаружена намного раньше, но об ее появлении не стали говорить широкой публике. Лишь только сейчас, когда информация просочилась за стены обсерваторий. Дело в том, что траектория полета кометы не проходит рядом с Землей – она совпадает с ней...

– А как насчет того, что следом за кометой Николаева с небольшим опозданием движутся еще несколько небесных тел? – спросил второй участник беседы. – Пока известно только о двух, но их может быть и больше. Такие данные были получены из Хаббла неделю назад. Правительства всех стран скрывают, чтобы предотвратить панику.

– Только не надо мистифицировать, – отмахнулся третий. Короткая стрижка, гладко выбритое лицо и массивный живот выдавали в нем государственного человека. Скорее всего – депутата. – Людям свойственно видеть то, чего нет. А иначе и жить-то скучно. Теории заговоров, летающие тарелки, инопланетяне – все одного поля ягоды.

– То есть, вы отрицаете возможность столкновения Земли с космическими объектами такой величины? – иронично заметил ведущий.

– Нет. Я говорю о другом. Вы знаете, когда метеорит взорвался над Челябинском, американцы даже расстроились?..

– Ни одно правительство не может гарантировать безопасность граждан от космической угрозы... – не слушая депутата, вставил первый – с бородкой. Эти двое спорщиков, казалось, бьются словесно не за правду, а за то, чтобы завладеть умами как можно большего числа телезрителей.

– ...Им непременно хотелось бы, чтобы подобное «шоу» произошло у них на родине...
– продолжал депутат, повысив громкость голоса.

– ...Они заставляют нас молчать. Пронесется мимо – хорошо. Упадет – будь что будет... – не унимался бородатый.

В коридоре послышались голоса и аккуратные шаги. Я насторожился и тихо поднялся с кресла.

– Почему ты думаешь, что она здесь? – спросил мужской голос.

– Не знаю, – ответил женский. – Я так чувствую. Может быть, она спряталась...

– Квартиру проверяли, и не раз. Наталья Павловна говорила, что Света была с ней.

– Слушай, я и так вся на нервах, не надо нагнетать!..

Я вошел в Тень и направился в коридор. Вика и незнакомый мужчина по имени Игнат поначалу осторожно осматривались, а затем быстрыми шагами направились в детскую. Оттуда донесся радостный вскрик и чмокающие звуки поцелуев.

Я медлил. Пойти за ними? Зачем? Все закончилось хорошо, и в моем пребывании в этом доме больше нет необходимости. Семья собрана, все счастливы. Я смотрел из Тени на нити Судьбы – узор, опутавший этих троих, выглядел настолько гармонично и красиво, что разгадывать его, проникать в глубокую суть их жизни, касаться разноцветных каналов руками чужого человека казалось варварской грубостью. Вика – она была так близко и так далеко. Я стремился к ней все три года, и вот теперь она – снова на расстоянии контакта. Великий соблазн и опустошающее чувство бессмысленности. Белый волк держал меня на крепкой цепи.

Раньше я понимал любовь как некий вид собственности. Но в эти минуты пелена самообмана освободила глаза. Алекс во многом ошибался, но в одном оказался прав: тот, кто действительно любит, считает своей ценностью мнение и волю объекта любви. Должно быть, Вике казалось, будто я равнодушен к ней, если не стремился вернуть ее. Но это неправда. Она сделала выбор, и единственное что я мог – это поддержать ее. Если в первые несколько дней после нашего разрыва я метался от злости к отчаянию, то спустя какое-то время вдруг осознал: она любит, она радостна и счастлива, и неважно, кто является причиной этой радости, пусть хоть сам Сатана, я сделаю все, чтобы это ее чувство не исчерпалось. Звучит, как слова неудачника, не умеющего добиваться своего. Но это не так. Я покорила целый мир, я знаю цену свободы и неволи. Всегда найдутся умники, которые возразят мне. Они скажут, что женщина выбирает сильных и настойчивых. Это, разумеется, так. Но вот что я отвечу им: своих любимых я неволивать не стану. Даже если цена этому – превратиться в тень, которая со временем может только бесследно раствориться.

О недавнем оцеплении на улице напоминало необычное вечернее оживление возле дома. Несмотря на поздний час, дети гуляли во дворе и внимательно изучали местность, как будто хотели обнаружить на земле, к примеру, гильзу от автомата. Тинейджеры делились впечатлениями на игровой площадке. Пенсионеры на скамейках промывали кости всем политикам и чиновникам, допускающим подобные инциденты.

Я сел в Logan и направился домой. Родители дожидались моего приезда, я звонил им еще со Ставрополя, но сам от перспективы вернуться в родовое гнездо был не в восторге. Этот вечер я бы с большим удовольствием провел где-нибудь вдали от города. Но не повидать стариков было бы оскорбительным для них.

После радостных обнимашек и короткого разговора за остывшим ужином мне удалось отпроситься, чтобы поспать. Я лег на кровать и сразу почувствовал, как темный омут притягивает меня к себе. Какое-то время я видел лишь пустую черноту, затем в ней промелькнул свет. В этой вечной тьме искра света казалась одинокой и беспомощной, огонек как будто звал меня спасти его, вытащить из мрачной бездны. Я знал: это был маяк, он показывал путь всем, кто заблудился, но его беспомощная тусклость больше не помогала находить дорогу.

Искра начала расти. Было непонятно, то ли маяк приближался ко мне, то ли я – к нему, но через некоторое время пятно увеличилось до размеров человека. Свет слепил глаза, словно дело происходило наяву, но совершенно не излучал тепла. Это был костер в ночи, который не грел, а только манил своим светом одинокого путника в холодную ночь. Я знал, что можно «погреться» этим светом и продолжить путь, или остаться здесь навсегда. И если остаться, у тебя будет все, что пожелаешь, любой каприз. А если уйдешь... ты будешь просто продолжать идти дальше.

Я стоял ослепленный этим светом, не в силах двигаться дальше. Горящий овал посреди черноты теперь напоминал вход в некий тоннель – уходящий вглубь самого себя. Моя догадка скоро подтвердилась – внутри света проявилось темное пятно. Это пятно росло, пока не приобрело очертания человека. Затем оно шагнуло через порог света и тьмы, и я разглядел лицо пришельца. Это была Вика. Она глядела на меня острым, магическим взглядом и манила к себе. Я не мог сделать и шага. Тогда Вика протянула руку и сказала:

– Идем со мной.

Я попытался что-то сказать – не получилось.

– Тебе незачем продолжать идти неизвестно куда, – продолжала Вика. – Останься здесь. Со мной.

Я хотел к ней, но меня что-то удерживало.

– Ты ведь хочешь вернуться туда, где все началось, – говорила она. – Ты сможешь все, только стань тем, кем должен. Сделай правильный выбор. Иди ко мне.

Я хотел крикнуть, что пойду с ней куда угодно. Но мое тело мне не повиновалось.

– Сделай шаг – и ты станешь богом. Все, что тебе нужно – идти за мной.

Я стоял как вкопанный.

– Сделай шаг. Давай: раз, два, три. Ты ведь можешь сделать шаг. Раз, два, три... раз, два, три... – повторяла она, отступая назад, словно приманивая к себе собаченку.

Тьма соскользнула с ее плеч, и Вика вновь превратилась в тень, стоящую в ореоле яркого света. Я больше не видел ее лица, а тень все повторяла: раз, два, три... раз, два, три...

Оковы сломались, я шагнул вперед, но в этот момент вдруг раздался крик:

– Дыши!

Я остановился и вопросительно посмотрел на Вику. Снова крик:

– Дыши! Давай!..

Вика открывала рот в такт этим словам, но как-то нелепо, несинхронно, запоздало. И голос был совсем другой. Это кричала не она. Я смотрел на мерцающий тоннель, и свет его постепенно таял во мраке, пока не источился совсем. Через мгновение я осознал, что лежу на кровати и смотрю в потолок. Вокруг была ночь. Предметы потонули в сумраке, и лишь синее от луны окно выделялось на фоне полумрака. Я лежал на спине и исследовал комнату мутным взором. В квартире, которую я много лет называл своим домом, теперь было что-то чужое. Я понимал, что мне здесь не место.

– Дыши!.. Раз, два, три!.. – вновь раздался крик – где-то на улице, как будто сон еще продолжался.

Эти слова повторялись снова и снова, пока я окончательно не пришел в себя. Я встал с кровати и подошел к окну. Недалеко от дома при слабой освещенности можно было различить группу людей, собравшихся вокруг трагической сцены: парень, стоя на коленях, делал искусственное дыхание и массаж сердца неподвижно лежащей на траве девушке. Кареты «скорой» нигде не было видно. Я быстро оделся и выскочил на улицу.

У Юли была астма, она лежала без сознания уже двадцать минут. Сердце остановилось. Нити Судьбы охотно передавали мне все данные о девушке. Компания ночных гуляк беспомощно наблюдала за тем, как Юля умирает. Звонки в «скорую» с гневными требова-

ниями не прекращались, диспетчер лишь повторяла, что машина в пути. Что происходило в этот момент с выехавшей каретой – я не ведал даже в теневой личности.

Я не знал, чем мог бы помочь. От тела Юли один за другим отрывались каналы энергии, болезненно скручивались и чернели. Личный свет девушки угасал. Бесформенное облако ее естества поначалу превратилось в тучу, а затем стало приобретать форму какой-то странной птицы.

Она умирает, – сказала Тьма.

Птица неловко двигала широкими крыльями, еще не представляя, что это – полет. Такая новая возможно ее крайне притягивала, девушка совершенно забыла, где находится и что с ней происходит.

Никакой массаж сердца теперь больше не поможет.

– *Подожди*, – обратился я к птице. – *Тебе незачем так спешить.*

– *Я хочу вперед*, – ответила девушка. – *Меня больше ничего не держит. Я свободна. Я свободна от любви и от тела. Теперь я одна – сама по себе.*

– *Куда ты отправишься?*

– *Туда*, – птица указала вверх. – *Хочу узнать, что там. Это моя новая цель. Жизнь не имеет смысла. У жизни нет целей, кроме смерти.*

Птица крепла с каждым мгновением, забывая свою человеческую сущность. Оставшиеся нити Судьбы едва удерживали ее. Еще какое-то время – и вернуть девушку будет уже невозможно. Юлия переставала быть.

– *Жизнь не имеет смысла*, – согласился я. – *Все существа живут не потому, что им уготовано какое-то предназначение, а потому, что они были рождены. Людям обязательно нужен «смысл», чтобы думать о чем угодно, только не о смерти. Потому что смерть ломает все их планы жить вечно.*

– *Значит, вечной жизни не существует?*

– *Бессмертно только то, что не рождено. Жизнь вечна, но вечной жизни нет.*

– *Тогда кто же я, по-твоему?! –* спросила птица с вызовом.

– *Ты – остаточная информация о себе самой. Призванная блуждать по вселенной без надежды найти приют и утолить голод. Таких как ты называют призраками.*

– *Значит, это все? Конец? Я улечу и больше ничего не будет?*

– *Будет. Что-то всегда обязательно будет. Во вселенной по-другому не бывает. Не бывает ничего только там, где ничего нет.*

– *А я? Я буду?*

Птица сомневалась. Мне удалось заново привязать к ее телу несколько отпавших нитей, и птица стала бояться ступить в неизвестность.

– *Смерть разрушает одно «я» и создает новое. Но у существа нет ничего ценнее своего «я». Поэтому существо стремится к бессмертию. Единственная возможность для человека осуществить бессмертие – через потомство, передавая самого себя в детей, – на генетическом и духовном уровне. Именно поэтому к детям возникает такая любовь – человек любит самого себя в будущем.*

Птица грустно посмотрела на отчаявшегося молодого человека, безуспешно пытавшегося привести девушку в чувство.

– *У меня нет детей.*

– *Значит, у тебя нет ничего.*

Птица задумалась. Я ждал в напряжении. Я не смогу ее спасти, пока она сама этого не захочет.

– *Ты говоришь, что у человека нет ничего дороже его самого. А как же любовь? –* птица почти очеловечилась – она задала интересующий всех женщин вопрос.

– *Любовь – это договор. Между собой и партнером.*

– Как это – между собой? – заинтересовалась она.

– Когда у людей появляется симпатия, они начинают сближаться. У каждого есть некий подсознательный идеал, с которым он сравнивает потенциального партнера. Представь себе шаблон эталонного человека, поделенный на разные сектора-критерии. Поставь рядом шаблон реального человека – разделенного на такие же сектора, большая часть которых заштрихована неведением, непознанностью. Сближаясь, люди накладывают эти шаблоны друг на друга и ищут совпадения. Издалека заштрихованные области ввиду своей блеклости как бы сливаются с эталонными секторами, так что последние выделяются сильнее реальных. Отсюда начинается самообман. Человек видит в партнере не сектор неведения, а сектор эталона. И в голове проявляется мысль – «он – идеал!». Влюбленность построена именно на этом самообмане. Но чем дольше происходит сближение, тем отчетливее проявляются заштрихованные сектора и тем больше они отличаются от эталонных. На этом этапе возникает иная мысль – «он меня обманул» или «я обманулся/обманулась». И здесь необходимо заключить договор между собой. Это договор между «сердцем», все еще надеющимся увидеть в партнере идеал, и между «разумом», согласившемся идти на компромисс. Почему происходит такая дилемма? Потому что в отношениях человек хочет осуществить свои планы или мечты. Если подписан первый договор между собой, остается ждать, пока партнер не сделает то же самое. Если это происходит, заключается договор друг с другом – о том, что каждый волен осуществить свои планы с помощью партнера и помочь ему в осуществлении своих. Это называется любовью.

– Я думала, любовь – это чувство нежности, уважения, заботы... Такая, как у супругов, долго живущих вместе... – птица мало что поняла из всей демагогии, которой я ее накормил. В этом состояла часть моего плана – включить ее «мозг» в работу, заставить попытаться понять, опровергнуть и выдвинуть собственную версию.

– У этих чувств уже есть названия. Я предложил тебе описание любви, – перебил я. – А у тех, кто годами живет вместе с партнером, в большинстве случаев возникает только привязанность. Привычка жить долгое время под одной крышей вместе в какой-то момент подменяет идеальный образ, ставя вместо него образ реального существа. Договор можно заключить сразу, либо через некоторое время – зависит от личных качеств. Человек может сразу понимать или не понять никогда, что взаимность – это готовность инвестировать в партнера под определенный доход.

– Один маркетинг, – вздохнула птица. – Значит, не бывает бескорыстной любви?

– Люди разочаровываются, когда это понимают. Они считают, что любовь свалится однажды с неба и одарит их всем, чего они только захотят. Нет. Любовь необходимо воспитывать, растить, поливать и ухаживать. Кто-то научился любить еще в детстве, кто-то учится с годами. Сложность состоит в том, что у каждого свое понимание о форме инвестиций и доходов. Хотя бы из-за разницы мировосприятия у полов. Вижу, тебе нравятся компьютерные игры. Тогда так. Отношения – это пошаговая игра, вроде стратегии «Герои»: ты совершаешь действие навстречу партнеру (другому игроку) и ожидаешь ответного действия в свою сторону. Если этого не происходит (герой противника укрылся в замке), либо ты не воспринимаешь его действия как действие вообще (карта противника скрыта «туманом войны»), ты можешь сделать еще попытку, и еще. Но если ответной реакции не происходит, игра прекращается автоматически. Тебе становится неинтересно. Если же игра завязалась, остается только победить в ней – сделать свой последний ход решающим. Настоящая любовь там, где такие соперники сражаются до самой смерти. Потому что им интересно развитие событий и остановиться сами они уже не могут. Но если противник сделал ход и отказывается играть дальше, тебя это может

вогнать в депрессию и породить желание реванша – отомстить любой ценой. Любовь – это и договор, и соперническая игра.

– Одни документы. Пряма ЗАГС какой-то. – Рассказ о договорах и играх окончательно привязал птицу к земным нитям Судьбы.

– Не смотря на распространенное мнение о ненужности заключать брак «наверху», те же ЗАГСы играют не последнюю роль. Это инструмент давления на разум, наделение обязанностью и подавление эго. Создание правил игры и условий победы, что заражает партнеров интересом. Простой ритуал, но навсегда оставляет в подсознании свой отпечаток. Но – чем дальше развивается человечество, тем более эгоцентричными становятся индивидуумы. – Я загружал птицу информацией, отвлекал ее внимание, а сам незаметно привязывал к ней энергоканалы. – Раньше людям хватало при свидетелях назвать друг друга мужем и женой, затем для этого потребовалось «присутствие» Бога, теперь – законный документ. Сейчас людей не удивит документом с печатью, ведь они повсюду. Бумажку из ЗАГСа легко могут спутать с туалетной бумагой. Парни знакомятся с девушками так часто и регулярно, что иной раз забывают их запомнить. Доступность секса убивает весь интерес к партнеру и к любовной игре. А на заповеди богов плюют даже верующие, если где-то рядом зазвенело серебро.

Современный мир сжался до размеров нескольких часов полета авиалайнера, нескольких миллисекунд пинга, нескольких самых важных мегаполисов. В этом маленьком объеме человек стремится к личному пространству, независимости, одиночеству. И разум реагирует на такое желание: он ищет повод для свободы, ищет причину разрушить отношения и не создавать семью. Человек отправляется вглубь самого себя, только сам себе он интересен. Поэтому в партнере человек нарочно выискивает изъяны, дабы оправдать свои действия. А для того, чтобы проще было найти недостатки в партнере, подсознание изначально выбирает «не того». Как видишь, человек обманывает сам себя ради свободы, независимости и цельности убеждений.

В будущем количество матерей-одиночек будет катастрофически расти, что приведет к распространению искусственных инкубаторов и полной или частичной потери функции естественного детопроизводства. Идея инкубаторов продержится недолго и впоследствии останется лишь в качестве бесперспективного государственного проекта. Для сохранения вида человечеству придется искать способ останавливать старение, лечить все болезни или каким иным способом достигать бессмертия. Жителей планеты станут помещать в сверхзащищенные, стерильные капсулы с настроенной инфраструктурой, общаться и контактировать они смогут лишь в виртуальном мире или в каком-то другом виде искусственного пространства.

Мой рассказ впечатлил птицу. Идея виртуальной жизни в исполнении художников нашего века – «Матрица», «Суррогаты» и пр. – порождает в человеке чувство протеста из-за нескрываемого волеподавления и искусственности. Но птица забыла – мир вокруг нее уже искусственно создан умами прошлого и настоящего.

– Я даже не знаю, человек ли ты вообще? Ты так уверенно говоришь о любви, – птица в свойственной женщинам манере вернула разговор в чувственную область, – будто сам воспитал ее.

И правда: человек ли я еще?..

– Да!

– Хорошо, я остаюсь. Но я буду сожалеть об этом, – сдалась, наконец, птица. Последние нити она привязывала уже сама.

– У тех, кто никогда не сожалел о том, что действовал по зову сердца, должны полностью отсутствовать мозги, – заключил я.

Сияние личного света Юли вернулось в прежнюю яркость. Конечно, это не было сиянием – в Тени никакого света не существует (за исключением дочки Вики – Светланы, но это скорее особенности моего восприятия). Вернее – существует, но у человека отсутствуют или очень атрофированы органы, которым он мог бы зафиксировать свет в Тени. Я все видел – но не глазами.

Грудь Юли судорожно задергалась, неумело и жадно выпивая воздух. Глаза широко раскрылись, словно впервые увидели этот мир. Люди, шокированные внезапным оживлением, кинулись к девушке, заслоня свежий воздух и ночное небо. Юля мотала головой из стороны в сторону, молчала на все вопросы и вообще, кажется, не замечала окружающих. Девушка устремляла взгляд на то место, где стоял я, пытливо-вопросительный взгляд, но так никого и не увидела. В ее мутном сознании стерлась память о нашем разговоре, но остаточное мистическое чувство все еще оставалось в ней.

Глава 18

Наш план сработал – на следующий день весь город только и говорил, что о «Седьмой тропе» и о слухах, будто группа собирается выступить в Невинке. Слухи эти подпитывались внезапно появившимися на улицах микроавтобусами с логотипами телевизионных каналов, воздух над городом тревожили несколько вертолетов. Полиция активно проверяла паспорта на улицах и транспортные средства, прибывающие в город. Но в этом они явно опоздали – вчерашние террористы и были теми, кто хотел сорвать свой религиозно-политический куш на выступлении «Седьмой тропы». Короче говоря, это бомба в телевизоре «Горизонт» – предназначалась для нас. Не буду гадать, как «Мусульманское общество» узнало о концерте. Но этот факт еще больше усугубил чувство вины перед Светой и Викой.

В Невинке ожидали праздника. С соседних городов и деревень стягивался народ, чтобы успеть попасть на шоу. Люди заранее занимали места на стадионе – концерт проходил на бесплатной основе, а желающих насчитывалось столько, что спортивное сооружение могло с легкостью лопнуть.

Находиться дома в этот день было крайне глупо – толпа фанатов оккупировала мой подъезд, так что соседям пришлось вызвать несколько нарядов полиции, чтобы навести порядок. С помощью Тени я покинул родовое гнездо и уехал на некоторое отдаление от города. Закипевшие вдруг улицы Невинки стали мне отвратительны. Коллегам я сказал, что прибуду на концерт отдельно. Лишних вопросов по этому поводу не возникало.

В шесть часов вечера я вернулся в город. Стадион и примыкающая территория уже были забиты народом. На площади перед входом установили большой экран для видеотрансляции, где собрались те, кто не успел протиснуться на трибуны. В небе кружили квадрокоптеры информационных агентств. К стадиону были стянуты все силы полиции и личный состав соседних военных частей. На входе были установлены металлоискатели и расставлены кинологи с собаками по всему периметру стадиона. Чиновники в этот день старались уйти от реальности: медитировали, забивались поглубже в наркотическое опьянение, зарывались в гору подушек или прятались по шкафам с одеждой. Словом, делали все возможное, чтобы не думать о том ужасе, который будет здесь происходить, и о том, во что превратится к концу представления спортивное сооружение и центральная часть города.

Позади нарастал визг сирены. Охрана засуетилась, толпу разбивали на две части, чтобы соорудить широкий коридор к воротам стадиона. Полицейский кортеж, стараясь создавать как можно больше шума, втиснулся на маленькую площадь. Между автомобилями с горящими проблесковыми маячками на крышах прибыл серебряный микроавтобус Mercedes с тонированными стеклами. Народ зашумел, приветствуя кумиров.

Я пробрался через оцепление и подошел ближе к транспорту музыкантов. Дверь микроавтобуса отошла в сторону и тут же площадь взорвалась очередью ярких фотовспышек. Охрана на миг дрогнула под напором фанатов. Группа выходила из машины в ореоле вспышек и приветственных криков. Коллеги и сами светились от счастья – от понимания своей значимости, от осознания того, что тебя ждут и тобой восхищаются. Поэтому мы любили делать сюрпризы публике и сваливались как снег на голову.

Находясь среди фанатов, я даже не подумал переместиться в Тень – меня и без того никто не замечал, внимание публики всецело уделялось кортежу и «коридору безопасности». А между тем радостные крики поутихли, когда дверь микроавтобуса захлопнулась и кортеж отправился куда-то на стоянку. Фанаты не досчитались одного музыканта. Сказать по правде, публика всегда уделяет больше внимания вокалисту, чем остальным участникам коллектива. Можно заменить ударника или гитариста – и гитара или барабаны все равно будут звучать как прежде. Но голос – это всегда уникальный инструмент, индивидуальный для каждого

музыканта. Замените рояль скрипкой – и разница уже будет ощутимой. Поэтому не будет преувеличением заметить – фанаты разочаровались, когда не увидели меня. И я решил этим воспользоваться.

Нырнув в Тень, я залез на забор, огораживающий «коридор» и толпу, и вышел из теневой личности. Охрана бросилась было снимать рьяного поклонника, но застыла в нерешительности – меня узнали. Новый взрыв фотовспышек и еще больший – криков с площади.

Черный волк упивался этим мгновением. Исчез давно тот человек, трусивший при виде сцены. Исчез и тот мальчик, что выходил гулять в поле ласковой июльской ночью и восторженно глядел на свет давно погасших звезд. Пропал бесследно романтичный гитарист с мечтательными глазами, верящий в любовь и проповедующий свою религию посредством слов и музыки. Теперь на их месте жила иная личность: привыкшая к реву трибун на концертах, яркому свету прожекторов, устремленных только на меня, и драйву. Эта личность впитывала внимание как сухая губка. Она купалась в ощущении своего влияния, своих сил, денег и возможностей. Этот «я» не ведал слова «нет» и получал все, чего хотел. Я мог творить что угодно – и в ответ получал опьяняющий восторг толпы. Я ломал те преграды, на которые больше никто не осмелился поднять руку – и за это меня любили. Потому что кумир – это воплощение угнетенных внутри человека желаний. Социальная блокировка рассыпалась как замок из песка. Тьма была со мной, и с каждым днем я становился все сильнее.

– Ты где был? – спросил Сергей, когда я спрыгнул с ограждения. В руке у меня была бутылка пива, отобранная у зазевавшегося меломана. Не то, чтобы я очень хотел пить, просто подумал, что будет прикольно обрызгивать на ходу людей пивной пеной.

– Автографы раздавал.

– А-а... а мы тут на концерт собрались. Пойдешь с нами?

– Кто играет?

– «Седьмая тропа», – Сергей лучезарно улыбался и махал рукой фотографам.

– Да ну их. Надоели. Когда они последний раз альбом записывали?

– Не помню уже... лет сто назад, – Сергей строил задумчивое выражение.

– А песни какие-нибудь знаешь?

Гитарист отрицательно качнул головой.

– Вот именно. Стремная группа, – я посмотрел на опустевшую бутылку. – Пиво закончилось. Надо в магаз сходить, – с этими словами я перепрыгнул забор, нырнул в Тень и пропал в толпе. Такое поведение озадачило даже музыкантов.

В магазин я, конечно, не отправился. Вместо этого я решил опередить остальную команду и первым добраться до сцены. В Тени физическая сила как будто возрастает, но это не так – происходит переосмысление возможностей из-за нового видения мира. Я с легкостью вскарабкался на невысокую стену стадиона, попал на забитые трибуны и побежал к огражденной тройным кольцом охраны сцене. Подмостки имели круглую форму и были установлены в центре поля. Посередине возвышалась целая башня из колонок, направленных во все стороны. Из этой башни выросло металлическое дерево софитов. Родное освещение стадиона было довольно скудно, не смотря на проведенную незадолго небольшую реконструкцию, профинансированную самой группой.

Я выпрыгнул из Тени, как только добрался до сцены. К тому времени «Седьмая тропа» под ослепительным светом прожекторов все еще спускалась вниз через трибуны. Заметив меня, поле взревело. Стадион был забит до отказа – и трибуны, и само поле – меломаны разместились везде, куда смогли добраться и куда разрешила полиция. Люди ожидали команду с самого утра, и теперь получили награду за свое терпение.

– Добрый вечер! – крикнул я в микрофон. Из динамиков в это время звучал «Полет Валькирии», дабы придать торжественность шествию группы к сцене. А мне не хотелось никакого торжества, это было сродни ожиданию, растягиванию удовольствия, – а я желал

действия. – Добрый вече-е-е-р! – повторил я еще громче, чтобы перекрыть музыку. Мне отвечали тысячи голосов.

– Мы рады вернуться домой после долгих... путешествий, – продолжал я. Звукорежиссер сделал Вагнера потише. – Надеюсь, ребята не слишком обиделись на мою самостоятельность. Если честно, начать концерт планировалось несколько иначе... Но что такое план? Люди планируют – будто рыбак закидывает удочку. Он не может знать, что клюнет на его приманку, но уже чувствует запах свежей ухи. А у рыбины на этот день совсем другие планы. Удача – вот что подразумевает план. Удача – когда все дороги по каким-то причинам сходятся в запланированной точке. Наш путь иной. У нас нет плана. Мы не уповаем на удачу. Мы ничего не ждем. Потому нам и открыта Седьмая тропа – дорога без конца и разочарований!

Команда собралась на сцене к концу речи, публика внимательно слушала. Музыканты заняли свои позиции и пробовали установленные заранее инструменты. Проводить саундчек мы не стали из соображений конспирации.

– Сегодня команда «Седьмая тропа» играет только для вас!

Игорь начал первым. По стадиону разлетелся громоподобный стук барабанов, напоминающий набат. Грохот продолжался до тех пор, пока тысячи сердец не объединились в одном ритме. Затем рявкнули гитары – музыканты решили сыграть что-то похожее на марш. Озеро голов вокруг нас заволновалось, и уже через несколько секунд разношерстная толпа превратилась в один танцующий организм. Никто не знал ни музыки, ни слов – даже исполнители, – но это никого не волновало. Каждый аккорд был последним шагом перед пропастью. Каждое слово будто звучало впервые. Мы все – кто находился в создаваемой группой энергосфере – предчувствовали дальнейшую судьбу композиции. Это не было ни гипнозом, ни дурманом, ни подавлением воли.

Нас много раз спрашивали: «как вы творите свою музыку?», – но никто не мог дать четкого ответа. Сегодня я готов раскрыть эту тайну. Если произвести короткую аналогию: наши концерты представляли собой огромный рояль, где публика являлась клавишами, а музыканты – пианистом. «Седьмая тропа» выбирала «тему», а затем нажимала на подходящие клавиши в присутствующих человеческих душах. Эти души звучали по-разному и создавали композицию. Гармония обеспечивалась тем, что звучать одновременно могли только определенные участки души. Музыка была единой нитью Судьбы, на которую нанизывалась публика.

Заходящее Солнце обрушивалось на восточные трибуны и разливалось на них оранжевой кляксой. Западная сторона стадиона все больше погружалась в сумрак. Это был сигнал для светооператоров – фонари на софитах пришли в движение, окрашивая сцену и море голов в различные цвета.

Первая песня длилась минут двадцать. Энергосфера охватила уже весь диапазон колонок, заканчивающийся в радиусе двухсот метров от стен стадиона, – расти дальше она уже не могла. Публика за это время разогрелась, и сила возвратилась к нам в удвоенном размере. К концу представления я готовился создать что-то мощное, дабы на века вбить в этот город память о нас. Следующая композиция должна была подарить нам в пять раз больше энергии.

Вторая песня началась довольно бойко. Я играл на «клавишах», окрыленный производимым эффектом, когда вдруг запнулся на полуслове – одной «ноты» явно не доставало. Той ноты, которая должна была стать гвоздем программы, ради которой все это и было устроено, ради чего я колесил два года по планете, не было на стадионе. Эта песня должна была звучать только для *нее*. Вика должна была услышать мое послание: смотри, ты могла быть сейчас рядом со мной! Рядом с человеком, которого никогда не забудут. По правую руку от Бессмертного, ты стала бы легендой вместе со мной. На футбольном стадионе Невинки в тот вечер собрался весь город. Не пришла только Вика.

То внезапное озарение истинной любви, посетившее меня накануне, как будто забылось. Внутри, подкормленный вниманием публики и осознанием своей значимости, всюсю хозяйничал циничный черный зверь. Глухой рык его наполнял мою грудь, я хотел рычать вместе с ним.

Композиция готова была рухнуть. За всю свою деятельность мы ни разу не слышали недовольства публики. Теперь – полный стадион свистящих и кричащих что-то неодобрительное граждан. Дима перестал играть. Игорь выбивал на ударных какой-то ужас. Сергей еще держался кое-как, но игра с каждым аккордом выглядела все менее уверенной. Мы так привыкли к победам, что самое ничтожное поражение едва не сгубило весь концерт.

Мы часто видим в фильмах, когда измученный боец падает без сил на ринге. А затем, отчаявшись, поднимается и выигрывает. Зритель тут же фыркает: «второе дыхание открылось!». Обывателю кажется, будто все это режиссерские хитрости, дабы внести интригу в сюжет. Но такие хитрости заложены самой природой – организм животного запрограммирован на аккумуляцию энергии и высвобождение ее в критической ситуации. Эту энергию я и называю «личным светом», потому что это единственный вид энергии, которым невозможно поделиться с другим человеком. Для его использования необходимо открыть некий «клапан», за что отвечают сильные эмоции. Такие меры предосторожности не случайны: если израсходовать весь неприкосновенный запас, человек погибнет. Страх благороднейший из «открывашек» второго дыхания. Но есть и лютая злость. Именно она и помогла мне.

Я не собирался сдаваться просто так. Я годами шел именно к этому стадиону и именно к Вике, и теперь она меня услышит. Хочет она того или нет.

Собрав всю волю в кулак, я заставил музыкантов продолжить игру. Полумертвая песня воскресла и зазвучала с новой силой. Публика простила внезапный конфуз уже через несколько аккордов. Мы восстановили прежний объем энергосферы, но этого было недостаточно. Чтобы накопить больше силы, я вытягивал свой личный свет, который в десятикратном размере оседал на светящемся клубке. Я мог управлять той сгенерированной энергией, она переполняла грудь, но понимал – свою личную силу, неприкосновенный природный запас, мне никогда не удастся вернуть.

Рухнувшая на город ночь развязала руки мастерам fire-show. Сцену осветили танцующие факелы, шесты и целый арсенал всевозможных горящий приспособлений. Весь мир сузился до размеров стадиона, в центре которого, как Солнце, ярко горела сцена.

Сила надувала меня, будто воздух – резиновый шар. Я рос. Я мог бы проломить «крону» софитов над головой, если бы увеличивался в физическом теле. Спустя несколько секунд уже и стены стадиона были по колено. Раньше я осознавал себя в Тени как нечто блеклое и мерцающее, а теперь мое тело наполнялось и источало ярчайший свет. Астральный, энергетический – называйте как хотите – я превращался в гиганта. И продолжал расти.

Энергосфера сорвалась с цепей удерживающего ее диапазона звука. Этот феномен был сродни отмене гравитации на планете, преодолению скорости света. Я видел с высоты, как все приборы, имеющие динамик, попадая под клубок, начинали транслировать нашу музыку. Во всем городе – дом за домом. Телефоны, телевизоры, ноутбуки, радио – «Седьмую тропу» услышала каждая квартира. Добралось ли мое послание до Вики? – я надеялся, что да.

Но вскоре это перестало иметь значение. Город пропал из виду. Сознание будто транслировало запись с камеры улетающей ракеты. Сначала показался мутновечерний ландшафт кубанской долины, затем проявились географические черты Северного Кавказа. В ночи среднеазиатская часть Восточного полушария казалась куском золота, украшенным морями-топазами. Солнцебокая Земля спешно сдувалась, пока не превратилась в скромный шарик, повисший в кишасщем жизнью мраке. В эти минуты стремление отомстить показалось мне ничтожным, неинтересным и почти забытым, будто желания совершенно другого, мерзкого,

подлого человечка. Я снова был тринадцатилетним пацаном, лежащим на поляне среди космических фонарей, и с восхищением, предвкушением глядел на Тьму.

Вдалеке блестели гордые звезды, мерцали тихие планеты. Я мог бы дотянуться до них. Не сразу, но со временем добраться до какой-нибудь звезды и посмотреть – что там. А затем отправился бы еще дальше – путешествовать. Галактики, созвездия, скопления, туманности... Черные дыры, квазары – столько чудес! И, возможно, однажды отыскал бы где-нибудь свой настоящий дом. Было желание улететь в мерцающие дали, где я не смог бы встретить ничего знакомого. На голубой шарик я глядел с умилением, как на родного, калеченого котенка. Я взял его на руки, чтобы проститься, и осторожно гладил сияющую атмосферу...

Это шоу весь мир запомнил надолго. Сотни камер, оторвавшись от сцены, направили внимание на северное сияние в небе. В движении разноцветных огней камеры фиксировали четко выраженную форму ладони. Миллионы телезрителей прильнули к экранам, не веря своим глазам. Уже через час явление стало главной темой в программах новостей и соцсетях. Этот факт вошел в историю под названием «Божественное Касание».

Я отпустил планету и, будто легший на спину пловец, отдался на волю течению. Землю уносило все дальше вниз по реке Вселенной, а я готовился грести в сторону неизведанных миров. Что в это время происходит с моим телом, дышит ли оно и существует ли теперь вообще – было совершенно неважно.

Но тут в поле внимания попал какой-то объект, приближающийся к Земле. Огромный космический кусок камня и льда, хищно выпустивший длиннющий хвост, готовился атаковать беззащитную планету. Комета Николаева после миллионов лет блуждания в черном пространстве наконец-то добралась до Земли. Радуйтесь, фанаты Апокалипсиса!

Падение кометы могло привести к глобальной катастрофе. Передо мной встал выбор: попробовать спасти планету или позволить разрушиться всему живому в месте, котором я много лет называл своим домом; населенный людьми, которых величал я друзьями и близкими. В первом случае шанса повторить свой «полет» у меня уже не будет, ибо я никогда больше не смогу получить столько энергии. Но крысой покидать тонущий корабль было ниже моей чести. Пусть даже это чужой корабль, и немало шрамов осталось на сердце после встречи с его обитателями, я понимал – кроме меня им никто не поможет.

В голубом свечении Земли на какое-то время проявились темные силуэты: гуманоиды огромных размеров, появляясь из пустоты, выстраивались на пути у кометы, смыкали ряды. Я с надеждой глядел на это действо: может, у них получится и мне не придется возвращаться обратно?.. Неизвестные образовали собой живой щит, готовый встретить удар. Но комету такое сооружение не остановило. От столкновения щит разлетелся вдребезги, воинов разметало по космосу как щепок. Путь на планету был снова открыт.

Тьма, дай мне совет! – взмолился я.

Твой советчик – твоя совесть.

Выбора не оставалось. Я пикировал обратно так быстро, насколько это было вообще возможно. Звезды превратились в серебряные полосы, прямо по курсу вырастал горящий в первых слоях атмосферы ледяной камень. Вся энергия, что осталась мне после музыки, нацелилась на это полыхающее копьё. Когда поверхность кометы заслонила собой остальное пространство, яркая вспышка затмила мое сознание...

В небе над стадионом взошло солнце. Острые сине-серебряные лучи пробивали ночную мглу и поливали светом округу. Земля и воздух дрожали. Огромный белый шар уверенно и лениво пересекал небосвод, вызывая благоговение и едва ли не ощущение счастья в людях. Это были фантастические декорации для концерта. Музыканты, закрывши глаза, ничего не видели и невозмутимо продолжали играть. Однако общее настроение публики передавалось и им – музыка наливалась торжественными нотами, что еще больше придавало красочность происходящему.

Когда комета достигла зенита, траектория ее движения вдруг изменилась – вместо того, чтобы упасть в горизонт, небесное копьё начало стремительно отдаляться. Белый шар сужался в размерах, пока не превратился в оранжевую точку в звездном небе. Спустя несколько минут комета пропала из виду.

Музыка стихла. На трибунах и поле царило молчание. Даже свет на сцене как будто потускнел. Шоу, полное чудес, закончилось. Публика не требовала продолжения – она была потрясена, выпита счастьем досуха. Сил продолжать рок-н-рольное буйство ни у кого не осталось. В эти минуты люди хотели любить и создавать добро. Может быть, каким-то внутренним чутьем все они понимали, что сегодня получили в подарок возможность продолжить свое существование.

А я – был совершенно пустым. Ничего не осталось внутри материального костюма человека. Вдохновение, энергия – все это куда-то пропало. Я чувствовал себя все тем же гигантом, держащим в руках Землю, но теперь был не в силах поднять и соломинку. Сцена казалась мне чуждой. Это был великий концерт. Такого не повторит больше никто. Я отдал людям последнее, что у меня было, – и больше у меня ничего не осталось.

– Спасибо, – устало произнес я в микрофон. – Спасибо... это был чудесный вечер. Любите друг друга. Пока!

Мы покидали сцену под «Дьявольскую сонату» Тартини. Полиция соорудила для группы проход в толпе и, окружив, повела на выход.

– Хорошо хоть «черепашу» не сделали, как во Франции, – смеялся Дима по пути. – Я себя реально легионером тогда почувствовал.

Звук человеческого голоса показался мне в тот момент самым противным на свете.

Команду сразу повели к стоянке, где ожидали шесть одинаковых «меринов» – точно таких же, на каких привезли «Седьмую тропу». Покинуть стадион участники коллектива должны будут только в одном из них, остальные – ложные цели. Никаких интервью до завтра, пресс-конференций, автограф-сессий. Команду пересадят в обычный автомобиль и вывезут из города в деревню, где буквально вчера некая пожилая пара сняла себе саманную хатку... В таком вот виде протекала жизнь мегазвезд. Большинство людей, вовлеченных в нашу конспирологию, даже не понимали смысла задач, ради которых нанимались.

Проникнуть в Тень я не смог. Какой-то барьер останавливал мои жалкие потуги. Я даже попробовал переместиться, используя свою настоящую тень, но лишь тщетно врезался лбом в твердый асфальт. Коллеги смеялись и пытались втолковать мне, что время для намаза уже прошло. Тогда я выхватил ключи у одного из водителей, прыгнул в микроавтобус и дал по газам. Охрана бросилась врассыпную, хлипкие ворота во временном заборе вылетели из петель.

Я гнал, куда глаза глядели. Не разбирая поворотов и не ориентируясь на местности. Фонари сливались в рыжие полосы, пешеходы в ужасе шарахались с дороги. Я плевал на знаки, правила и других участников движения. Никаких разделительных полос, тротуаров и светофоров не существовало. Вся моя злость, все разочарование, все отчаяние свалились на педаль, и пока эти чувства не иссякли, я продолжал давить.

Когда я пришел в себя, вокруг не было ни людей, ни машин, ни зданий, ни фонарей. Подсознание вывело меня к единственному убежищу – реке. Я покинул машину и вышел на берег.

Что мог испытывать человек в моем положении? Человек, лишенный всего. Человек, взлетевший выше всех, и, ударившись об потолок, свалившийся в преисподние. Человек, жаждущий любви – настоящей, человеческой, доверительной, – но осознавший, что играет в одни ворота...

Я не испытывал ни-че-го. Пустоту. Даже мои волки прекратили вечную грызню и теперь устало лежали друг перед другом, сложив головы на мохнатые лапы.

Почему именно я?

Кто-то ведь должен быть тобой. Ты прикоснулся к звездам – об этом никто даже не мечтал. Твоя жизнь была лучшей из всех возможных.

Неужели это все? В этом и было мое предназначение, Тьма?.. Мне трудно даже дышать. Я истратил весь свой личный свет, никакого желания жить больше не осталось. Я ничего теперь не хочу. Я чувствую себя легким и слабым, как перышко. Я больше не могу влиять на окружающий мир. Не могу и не хочу поднять даже камушек, чтобы бросить его в воды реки и смотреть, как расходятся волны от этого действия.

Твои нити Судьбы ломаются. Связь с этим миром обрывается, как у спасенной тобой Юлии. Очень скоро ты захочешь убить себя, чтобы не чувствовать больше пустоту внутри. Ты понимаешь, что тебя почти уже нет.

Меня и не было. Я всегда был здесь чужим. Пришельцем без единого родного существа. Мне некому было доверить свои мысли, планы или целую жизнь.

Была Вика.

Во мне была половина ее, а в ней – половина меня. Это Ты! Ты забрала ее у меня! Вика была платой за мою славу, за силу, которую я никогда больше не верну!

И ты заплатил эту цену. Сам.

Темная река прохладно журчала под ногами. Непроглядные стены деревьев по обоим берегам надежно защищали этот маленький мирок от внешнего каменного мира. Стоя по колено в воде, я проклинал внешний мир, подаривший мне все, но забравший в одночасье – с процентами.

Если и умирать, подумал я, то здесь. Все, что меня отделяло от смерти – холодное дуло пистолета, направленного в небо, и палец, замерший на спусковом крючке.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

С древних времен люди верили, что Солнце – нечто более важное, чем все остальные объекты земли и неба. Солнце всегда выделяли в сознании, боготворили и поклонялись ему. Солнце – Свет Творца, проектор вселенной. Оно не просто освещает или греет, оно *создает*: мир, людей, животных, леса, горы... Древние люди были правы, когда считали звезды гвоздями, удерживающими небосвод.

Все, что ты называешь плоским словом «вселенная», является Действительностью. Действительность бесконечна и создается непрерывно. Непрерывность достигается благодаря дуполярности бытия: минуса и плюса. Эти минусы и плюсы хорошо известны: свет-тьма, добро-зло, электрон-позитрон, прошлое-будущее, холод-огонь, друг-враг, низ-верх, достоинства и недостатки и прочее. Чередование этих полей создает импульс, колебание, движение. Чередование левой и правой ноги создает ходьбу человека. Давление или отсутствие давления на клавишу рояля создают музыку. Процессы в левом и правом полушарии мозга создают мышление. Преступление и наказание создают судебную власть. Мужчина и женщина создают потомство. Бесконечность выглядит именно так – двумерно. Иллюзию многомерности можно объяснить лишь наличием «оттенков», на которые распадается полярности. Однако каждый «оттенок», в свою очередь, так же имеет антипод.

Взаимодействие полюсов так же имеет двустороннюю характеристику: Борьбу и Сотрудничество. Борьба проявляется в том, что критерии существования противоположной фракции абсолютно чужды обоим полюсам, попросту отталкивают друг от друга. Как столкновение движущихся навстречу автомобилей. Точка столкновения – это точка сингулярности, сквозь которую проходят противоположные полюса и как бы меняются местами в пространстве Действительности. Здесь полюса проявляют свое Сотрудничество.

Сотрудничество заключается в том, что отсутствие жизнеутверждающих характеристик для полюса А в полюсе Б воспринимается им как пустота, и тогда полюс А стремится занять пустое пространство. Как воздух, устремляющийся в вакуум. Как вода, наполняющая стакан. Только определить, где пустой стакан или вакуум невозможно, вернее – полюса являются и тем и другим одновременно, зависит, опять же, от того, с точки зрения какого поля смотреть на это. В этот момент и возникает самое сакральное во вселенной – Движение: полный стакан наполняет пустой и становится порожним. Полюса поменялись местами. И так без конца.

Вселенная имеет свою противоположность. Хаос. Вывернутый наизнанку Порядок. Отсутствие всего, что тебе известно. Полностью заполнен тем, что тебе неизвестно. Попасть туда значит перестать быть. Полностью утратить материю и сознание. Превратиться в ничто.

Если говорить о зарождении того, что ты называешь Вселенной (я имею в виду тот клочок доступного человеку макромира – Действительности), то описать этот процесс довольно просто. По аналогии с вакуумом в сосуде: воздух (вселенная), проходя через узкое горлышко сингулярности в область вакуума (Хаоса), в первые мгновения контакта (мгновения, конечно, условные) создает взрыв энергии (именуемым Большим), обусловленный маленькими размерами точки сингулярности и большим объемом проходящего через нее воздуха. Постепенно, по ходу заполнения сосуда, давление в нем повышается, и воздух заполняет сосуд с меньшей скоростью, что снизит объем энергии, проходящей через сингулярность – Большой взрыв будет угасать, пока весь воздух не заполнит сосуд. Одновременно с этой точкой сингулярности возникает другая: в сосуд, где до «перекачки» находился воздух, будет

поступать вакуум (здесь нам придется отбросить известные физические свойства вакуума, т.к. он служил лишь в качестве примера) из третьего сосуда, и вакуум этот будет выдавливать остатки воздуха в его новое вместилище, будто поршень. Когда воздух перестанет проходить через точку сингулярности, она захлопнется. Дальше, при создании необходимых условий, воздух будет перекачиваться в сосуд четвертый. И так без конца.

Наличие сосудов в этой системе предполагает и границы для вселенной и Хаоса – этими границами служит разность между «агрегатными» состояниями вселенных, то есть их мерности. Эти параллельные вселенные не могут быть Хаосом, но и на нашу они тоже не похожи, что и создает своего рода границы. Бесконечное множество параллельных вселенных подразумевает наличие бесконечного количества сосудов с Хаосом – разделить его на подгруппы, определить его «мерность» или попытаться хоть как-то классифицировать по примеру вселенных невозможно по вполне понятным причинам. Поэтому для нас он – всегда один и тот же Хаос. Таким образом, можно определить форму доступного нам фрагмента Действительности (увидеть макромир большего масштаба невозможно, как молекуле невозможно разглядеть галактику): это своего рода цепи бесконечности, где каждое звено – чередование вселенных и Хаоса, но взаимосвязаны они бесконечным числом точек сингулярности. Если рассматривать эту цепь в трехмерном пространстве, то получится, что все вселенные и весь Хаос собрались в одной точке Действительности. Но Действительность многомерно вытянута в бесконечную гармошку.

Реальность отличается от Действительности тем, что является лишь твоим способом адаптации в Действительности. Это приблизительный набросок вселенной, основанный на познаниях и данных, получаемых с органов чувств и от других людей. Для другого существа, даже человека, Реальность может иметь совсем иную «визуализацию» в то время как Действительность для всех одинакова, но никто не способен ее узреть. По этой причине никакое существо не может увидеть действительный облик Тьмы. Все, что ему доступно – это обнаружить взрывы бессчетного числа микроскопических точек сингулярностей разного рода, которые будто точечный рисунок соединяются линиями причинно-следственных связей, изображая тем самым Реальность.

Откуда берутся параллельные вселенные?

Представь себе Действительность как полотно картины. Это статичное изображение, лишённое Движения. Но когда полюса сталкиваются, изначальная картина искажается – какой-то фрагмент ее становится другим. Это Движение провоцирует цепную реакцию на всем полотне. Но тот момент (не путай с обозначением времени), когда картина была еще цела – он никуда не делся, он остался там же, где и был, но теперь не участвует в представлении. И каждый другой момент, предшествующий Действию, остается на прежнем месте. Таким образом, появляются слои, каждый из которых не похож на предыдущий. Любой новый слой – это и есть отдельная вселенная. Человек, гуляющий по бульвару, пересекает бессчетное количество вселенных – будто проходит сквозь выставленные в ряд полотна картин.

Но ведь человек сам – деталь картины.

Правильно. А сама для себя деталь всегда статична. Изменяемы только декорации.

Значит, не существует другого меня?

Конечно, нет.

Князь Тьмы вышел из медитации и впервые за долгое время увидел свет – бледный луч луны проникал в специальное отверстие на потолке и круглым пятном ложился у ног Князя. Кроме этого тусклого света Храм ничто больше не освещало. Стены и колоннады прятались во мраке. Князь покинул лунный круг и направился в темноту. Эхо от его шагов раненной змеей металось по Храму.

Хаос скоро будет здесь.

К чему мне готовиться?

Будь готов ко всему.

Впереди скрипнули старые створки, узкая полоса пробежала по мраку. Ворота распахнулись перед Князем, впустив в Храм волну горного воздуха. Далекий гул прогнал тишину и наполнил стены святилища. Князь Тьмы переступил порог, и взору его открылась окруженная скалами долина. А посреди долины – сорок тысяч копий, обращенных к небу. Сорок тысяч черных шлемов при лунном свете расплывались в квадратное море. Сорок тысяч беспокойных коней нетерпеливо переставляли копытами, оглашали каменную долину фырканием и ржанием.

Князь спускался вниз по грубой лестнице, вырубленной прямо в скале. Внизу его ожидали двое – Михаэль и Константин, воеводы армии Стражей.

– Воины готовы, Князь, – донесся бас из-под глухого шлема. Старик Михаэль в доспехах выглядел внушительно: пропала старческая сутулость, седая борода как будто исчезла. Крепкая ладонь уверенно сжимала рукоять черного меча, висевшего на боку.

– Что думаете делать? – спросил Князь Тьмы, глядя куда-то поверх армии.

– Тьма показала нам две кометы, – ответил Михаэль. – Предлагаю разделить на два равных отряда. Так же следует попробовать сузить сингулярный тоннель, чтобы обрезать избыточную силу Хаоса и не дать ей полностью проникнуть на планету.

– В прошлый раз такой маневр оказался безуспешным, – напомнил Константин. – Давление было слишком велико.

– Щит получился слишком плотный, – объяснил старик. – Сейчас мы попробуем пропустить Его через себя. Стать более гибкими.

– И увеличим поверхность, – кивнул Константин.

– Михаэль, бери двадцать тысяч и отправляйся сюда, – в информационном коммутаторе воеводы между словами командира появились координаты. – Константин, ты с отрядом – сюда. Я последую сразу за тобой.

– Константин, не трать много энергии в высоких слоях, – напутствовал Михаэль своего ученика. – Страж слабеет, когда находится далеко от Земли.

Воевода кивнул и, не теряя больше времени, умчался собирать свое войско.

– Князь, я благодарю Тьму за то, что Она послала тебя к нам в этот трудный час, – произнес старый воин. – Я провел немало битв и с каждым разом одолеть Врага становится все тяжелее.

– Хочешь сказать, конец близко?

– Я не стал бы говорить это Константину.

– Думаешь, он сам не осознает этого?

– Стражи понимают все, – кивнул Михаэль. – Но, даже не смотря на всю свою уникальность, воину необходимо поддерживать боевой дух. Если говорить открыто о таких вещах, гнет обреченности переломит нас раньше Хаоса. Пусть уж они надеются на положительный исход.

– Страж исполняет свое предназначение. Никакая надежда не изменит твердости его стремлению противостоять Врагу, – решительно заявил Князь.

– Ты забываешь одно: Стражи не всегда являются Стражами. Когда бой закончится, воины вернуться к человеческой жизни. И тогда предательские чувства поработят их разум. Они сильнее из людей, но – все-таки люди. Многие из них попросту не выйдут на следующую битву.

– А ты? Разве на тебя не действует удручающе...

– Я стар, – перебил старый воин. – Мне терять уже нечего. А ты – Князь... у тебя ничего и нет, что ты смог бы потерять в этой войне, – с этими словами Михаэль направился к воинству.

Действительно, Князь Тьмы остался равнодушен к предсказанию воеводы. Но с тем же равнодушием он встретил бы и победу.

Монолит рядов армии дрогнул. Перестраивались десятки, сотни и тысячи, отделялись от общего воинства и создавали новый строй. Копыта коней застучали по твердой почве – две длинные полосы всадников сорвались в галоп и пропали в серой дали где-то за скалами.

Князь остался с десятком тысяч Стражей. Кроме двух воевод у него не было командиров. Вся армия поделена на четыре равные части, именуемые войском. Каждое войско делилось на сто сотен, каждая сотня – на десять десятков. Но ни сотников, ни десятников Стражи не имели. Все команды могли отдаваться одновременно каждому воину или отдельной группе. Что такое совесть, долг и ответственность братству Стражей не требовалось повторять.

Как только угроза приблизилась к Земле, Стражи оставили все свои дела и прибыли на место сбора. В обычной жизни эти воины вели отнюдь не обычную жизнь. Многие из них выбрали путь отшельника, они селились в безлюдных живописных местах, на фермах, в деревнях, рыли землянки в глухой тайге, жили в общинах вдали от цивилизации. Другие, хоть и были приверженцами пути отшельника и стремились разрушить в себе социальную блокировку, использовали знания Тьмы в повседневной жизни, поэтому нередко из таких воинов получались писатели, музыканты, ученые и даже президенты. Исключение составляли только Михаэль и Князь Тьмы. Старый воевода полностью посвятил себя братству, он несколько десятилетий не выходил из Тени, проводил Посвящение и занимался обучением Искателей. Его необычный способ получения энергии компенсировал необходимость организма в пище и сне. Князь Тьмы, сколько он помнил себя, жил всегда в Храме. Ничего другого рассказать о себе он бы не смог.

Сотканный из нитей Судьбы перед Князем возник конь. Это не было животным, скорее – функцией, призванной помочь воину в передвижении. Так же как и меч Стража в действительности не являлся мечом. Конь рванул с места, приглашая за собой остальных всадников; гул копыт снова разбудил долину. Впереди Князь создавал проход – точку сингулярности, пронизывающую пространство и открывающую доступ к другому уголку планеты. Воронка, со свистом тянущая в себя воздух, расширялась, сила ее крепла, пока не грянул настоящий ураган – мощный ветер отрывал копыта коней от земли и поочередно бросал Стражей в темный зев телепорта.

Глава 2

Отряд переместился на пустырь недалеко от человеческого города. Снежная равнина с одной стороны плавно уходила вдаль и врезалась в стену нарядившихся в белые полушубки деревьев. С другой – разбегалась и падала с крутого склона невысокой горы. Облачное небо укрывало от посторонних глаз спально отдыхавшего зимой солнца.

Стражи строились в длинные ряды, стараясь охватить площадь как можно больше. Несколько маленьких отрядов направились в населенные пункты, чтобы в случай прорыва организовать убежища. Спящая земля гудела от копыт нежданных посетителей, птицы и зверье со страхом покидали это место. Даже человек старался унести свою драгоценную пару ног подальше, ибо внутренним чутьем понимал – скоро здесь будет твориться что-то невообразимое.

Стражи заняли свои места, и на какое-то время под серым небом повисла тишина. Плотная полукруглая стена из трех рядов всадников замерла в ожидании. Князь стоял среди воинов будто неживой. Ни одна мысль, ни один эмоциональный мускул не пошевелился, чтобы выразить себя. Стражи были бесстрастны. Казалось, они могли простоять вот так, будто статуи на снегу, целую вечность.

В сером небе вспыхнуло вдруг желтое пятно. Через какое-то время до земли донесся низкий гул страшного взрыва. Облака разлетелись в стороны, обнажив голубое озеро неба, в центре которого – сияющий белый шар с дымящимся хвостом. Шар пронесся над головами Стражей и пропал за деревьями. Тут же сверкнула яркая вспышка, за ней – грохот, сотрясший землю под ногами. Волна снега и камней поднялась в воздух и обрушилась на воинов. Но кони под всадниками не шелохнулись.

Когда снежный ураган миновал, Князь не увидел перед собой белого поля и лесной стены – вместо нее возвышался вал кратера, усыпанного горящими камнями. Вверх поднимались струи дыма и пара. Тепло расплзлось по земле, топя снег, мокрая земля вперемежку с пеплом создавала под копытами черно-серую кашу. На землю рухнула только небольшая часть кометы – ее ядро, так называемое зерно. Основную массу небесного тела испарило Солнце и «отрезали» Стражи из отряда Константина в высоких слоях.

– *Окружаем!* – приказал Князь. Десятитысячный отряд пришел в движение и, растянувшись, замкнул кольцо вокруг кратера.

В то же миг из-под земли, из самых ее глубин, раздался гул. Он рос и рос с каждой секундой, пока земля не заходила ходуном. Гул постепенно превращался в грохот, будто некий великан стучал кувалдой где-то в недрах Земли. А потом из места, куда рухнула комета, брызнул фонтан расплавленных камней – и грохот прекратился.

На валу началось движение. Существо, выскочившее из дыры, не походило ни на одного из обитателей планеты, но в то же время состояло из плоти, как и другие существа. Каждая часть тела создания Хаоса была сконструирована так, чтобы нанести как можно больше повреждений. Острые шипы спускались от загривка до кончика хвоста, венчавшиеся увесистой «палицей». Длинные острые когти на сильных руках глубоко впились в обожженную землю. Горящие глаза одинаково подробно видели при свете и в ночи, а оскаленная пасть была вся покрыта острыми зубами. В каждом движении этого зверя чувствовалась мощь и злоба, он готов был крушить и убивать все, что попадется ему на глаза.

Чудовище обследовало поверхность вала и заметило Стражей. В тот же мигновение из глотки раздался душераздирающий визг. По земле прошли вибрации. Рядом с чудовищем появилось второе существо, третье, четвертое...

– *Приготовиться!*

Воины взяли в руки щиты и закрыли ими левую сторону торса.

Когда демонов собралось столько, что вал был полностью забит хищными созданиями, они, издавая жуткий рев, помчались на Стражей.

– *Вперед!*

Цепь воинов сорвалась с места и устремилась навстречу Врагу. Ряды перестраивались в движении – по мере приближения к чудовищам диаметр кольца сужался, часть передних рядов отступала во второй, второй ряд перестраивался в третий. Волна всадников ощерилась копьями.

Демоны валили из кратера непрерывным потоком, постепенно заполняя округу. Сначала их были сотни, потом тысячи, затем – миллионы. Густой, кишащий смертоносным оружием муравейник заставлял стонать многомерность. Чудовища лезли друг на друга, карабкались по головам, лишь бы первыми достичь вожаемой цели. Любой живой объект в их поле мировосприятия становился жертвой. Любое движение служило сигналом к атаке.

Острая волна Стражей с шумом вонзилась в океан демонов. Длинные копья нанизывали жуткие туши, словно мясо – на шампуры. Топот лап и копыт сменили рев, ржание, глухие удары по щитам и броне. Воины откинули в сторону копья, в ход пошли черные нематериальные мечи. Кони все еще продвигались вперед, чуть сбавив ход, оставляли позади ковер из перерубленной и стоптанной копытами плоти.

Мирное хлебное поле в одночасье превратилось в мясорубку. Орда демонов, как единый организм бесчисленного числа оскаленных пастей и острейших когтей, стремилась рвать, грызть, кромсать, уничтожать. С другой стороны – металлическая броня надежно оберегала Стражей от любых ранений. Идеальное оружие Хаоса столкнулось с идеальным щитом Тьмы. Равновесие этого противостояния могло нарушить даже легкое дыхание ветра.

Уязвимость чудовищ к черным мечам позволяла воинам теснить орду все ближе к дышащему жаром кратеру, но напор бестий не прекращался. В противовес неутолимой жажды демонов встала холодная стена невозмутимости Стражей. Воины не испытывали ни страха, ни злости. Только короткий всплеск боли – когда ослабевший от сопротивления Страж проваливался в реальность людей и там лишался своей непревзойденной защиты. Воина в то же мгновение разрывали на куски. Место павшего занимал другой воин из задних рядов – нарушение стройной стены могло привести к поражению. Стражи могли позволить себе в бою только одну мысль и одно чувство – свой долг: они – последний рубеж, отделяющий существование жизни на планете от полного уничтожения.

Проходили часы, но так быстро или медленно, что за временем нельзя было уследить. И только по тому, насколько широким был ковер трупов за спинами Стражей, можно было предположить, что прошло уже много часов, а демонов словно и не стало меньше ни на одного. Они шли и шли бесконечной смертоносной волной, и даже почва после тяжелых лап превращалась в черную, бесплодную пустыню.

Защитники начинали уставать. Их можно было сравнить разве что с пловцами, решившими пересечь океан. И вот, где-то на полпути, героический заплыв перестал казаться таким уж легким испытанием, как это выглядело вначале. Не смотря на всю свою подготовку и преимущества, Стражи не могли побороть бездонную стихию. Воины братства стали погибать все чаще. Волна, которой войско нахлынуло на орду, стала отходить...

Князь Тьмы рубил демонов с той же легкостью, что и в первые секунды сражения. Крепкие черепа и мускулистые лапы разрубались, едва встретившись с его мечом. Конь вставал на дыбы и копытами превращал в бесформенное месиво оскаленные пасти. Князь был ядром сражения, его целеустремленность разливалась по соседним рядам, подпитывая Стражей новыми силами. Заметив ослабление в какой-то части стены защитников, Князь направлялся туда и своим присутствием латал проявляющуюся брешь в силовом поле своих братьев. Какое-то время его маневры внутри окружения помогали сдерживать натиск, но кольцо

Стражей катастрофически редело – его диаметр стал вдвое больше, а воинов – во столько же меньше. И вот уже соседних с Князем Стражей оставляли последние силы.

Только с пятого удара воин Рональд поверг наземь очередную бестию, укрылся щитом. Все его тело содрогнулось от удара, даже пригнулись колени коня. Страж ответил мечом, но ослабевшая рука подвела – тот лишь скользнул по черепу, оставив после себя неглубокую борозду. Демон ударил так, что Рональда вышвырнуло с седла, путлища лопнули. Всадник оказался на земле среди холмов разрубленных трупов. В щит вонзились острые когти и вырвали его из рук воина. Остался только меч и тонкая броня, уже пробитая в некоторых местах. Выпавшего из строя Стража мигом окружили бестии, жить ему осталось несколько секунд.

Князь врубился в окружение, стремясь вызволить Рональда из беды. Уродливые туши разлетались от его меча целым фонтаном фрагментов некогда единого тела. Но Рональд уже едва дышал. Лишенный правой руки, сжимавшей меч неподалеку, с разодранной грудью, в которой видны были белые, окровавленные ребра, Страж стоял на коленях и глядел на Князя. Этот взгляд, полный ужаса и боли, но дикий, освещенный каким-то фанатическим огнем просветления, поразил даже Князя Тьмы.

– Сда-вайся... Князь, – слова выходили изо рта воина вместе с кровью. – Сохранишь...

Кому сдаваться и что он этим сохранит – Князь Тьмы так и не услышал: безжизненное тело Рональда повалилось на землю.

Плохо дело, – подумал Князь, оставляя тело павшего собрата. Раненых и мертвых не выносили с поля боя. Во-первых, потому, что раненых не надо было выносить – каждый воин бился до последнего вздоха. Во-вторых, мертвый Страж больше не являлся ничем, кроме разлагающегося костюма человека. Единственное, что могли сделать Стражи – собрать трупы после сражения и сжечь их, дабы предотвратить распространение заразы. Этот ритуал не носил никакого сентиментального контекста.

Черный силуэт птицы отделился от тела Рональда и направился в хмурое небо. Краем сознания Князь Тьмы следил за полетом тени, вклинившейся в косяк сотен подобных ей созданий, витающих над полем. Эти птицы больше не имели ничего общего с теми живыми организмами, в состав которых недавно входили. Лишенные своих нитей Судьбы, у них не было ни памяти, ни даже того, что человек назвал бы разумом. И невозможно представить себе, как они теперь воспринимают мир и что бы увидели, решив взглянуть с небес на поле боя. Наверно, их взору предстали бы загадочные силуэты непонятных существ, совершающих бессмысленные действия, ибо смысл имеет теперь только одно – воссоединение с Тьмой...

Недалеко от Князя раздался жуткий треск и пронизывающий вопль – воина по имени Махатма несколько чудовищ, схватив за ноги, руки и голову, разорвали на части...

Кольцо Стражей к тому моменту успело отойти от кратера еще на два десятка шагов. Князь остался в окружении чудовищ. Такое положение его несколько не смутило – волну орды пронзил настоящий водоворот смерти, создаваемый Князем и его мечом. Острейшие клыки и когти бессильно скрежетали по надежной броне, оставляя после себя едва заметные царапины. Воин вертелся будто юла, отражая все атаки противника. Вокруг него постепенно вырастали горы изувеченных трупов.

Но ту легкость, с которой Князь рубил демонов, отяжеляло понимание того, что в одиночку ему не остановить вторжение. Он может сопротивляться сколько угодно, но в конце концов лишь останется последним живым существом посреди мертвой планеты-пустыни.

Цепочка всадников шириной всего в один ряд походила на воздушный шарик, непрерывно наполняемый воздухом. Еще один глоток воздуха, еще один шаг назад – и шарик лопнет. Демоны ворвутся во внутренний мир и посеют Хаос на Земле. Если б можно было дать Стражам короткий отдых, немного времени для восполнения сил...

У Князя не было другого выбора, как отозвать Константина с задания. Ему нужно было укреплять рубежи.

– *Константин, пора возвращаться.*

– *Это невозможно. Мы уже слишком глубоко в воронке. Обратный путь займет много времени,* – слова воеводы доносились издалека, с помехами.

– *Долго еще осталось?*

– *Трудно судить. Здесь нет пространства...*

Значит, подкрепление будет не скоро.

На какое-то время луч надежды озарил поле боя – птицы павших воинов разогнали снежные тучи на небе, и яркое Солнце глянуло на белую землю. Для Князя это был шанс – с огнем он был в духовной близости, что позволяло использовать силу стихии. Забыв на какое-то время о битве, Князь обратил все свое внимание на бледный желтый шарик в небесах. Блеклое зимнее Солнце ответило на просьбу воина, побагровело, словно раскалившись, и увеличилось в размерах. А потом как будто взорвалось – плотные шторы облаков окрасило алое зарево. Лучи солнца превратились в огненные стрелы и сыпали через просвет на поле. Место сражения оглушили дикие вопли сгорающих демонов. Чудовища прекратили наступление, волна пожара охватила орду, подминая под себя все больше и больше корчащихся в муках безобразных тел. Черный дым, взвиваясь клубами, расползлся по земле и тянулся к небу.

– *Мы уже близко, я вижу просвет,* – сказал Константин.

Скоро пелена гари закрыла Солнце, сила заклинания ослабла и огненный дождь прекратился. Князь Тьмы выбрался из-под холма навалившихся на него сгоревших трупов. Стражи к тому моменту успели перестроиться в три ряда и даже теснили остатки пылающих бестий – на демонов, только что вылезших из кратера, огонь перекидывался редко.

И вдруг произошло то, что в начале битвы казалось неизбежным и в конце ее – невозможным: дышащий шаром котлован покинула последняя тварь Хаоса. Вместо демонов на валу кратера появились всадники Тьмы. Войско Константина гнало орду навстречу растянувшейся цепочке Стражей, и волна таяла на глазах. Спустя какое-то время два отряда встретились посреди поля, туша последнего демона рухнула на ковер его павших собратьев.

Константин с интересом разглядывал черное поле, от края до края заваленное холмами изрубленных тварей. Останки демонов после уничтожения сделались пустотелыми, будто являлись только костюмами для некой нематериальной субстанции. Теперь эти шипастые костюмы лишились своих «наполнителей» и быстро разлагались – стоило наступить на с виду прочный труп как нога проваливалась в пустоту, будто в прогнивший валежник. Плоть крошилась в труху.

– Надо сжечь тела, – обратился Князь к воеводе.

– Я полагал, что у меня опасное задание, – произнес в ответ Константин. – А мы, оказывается, совершили приятную прогулку в верхних слоях.

– Здесь был ужас, – бесстрастно согласился Князь. Ему трудно было понять ни удивления воеводы, ни чувства облегчения, витающее в среде остальных воинов, которые с облегчением избавлялись от доспехов и жадно впитывали в себя энергию каналов Судьбы. Князь сделал свое дело, а чувства можно оставить на потеху людишкам.

– Сколько мы потеряли? – спросил Константин.

Князь обвел взглядом ряды уставших воинов.

– Половину, – просто ответил он. – Нам нужны новые...

Со стороны кратера вдруг раздалось шипение, словно вылили холодной воды на раскаленные камни. И действительно – с той стороны поднимались густые клубы пара.

– Она закрывается? – поинтересовался Константин.

– Ты уверен, что зачистил полностью? – внимательно разглядывая слои измерений, встречным вопросом ответил Князь. Где-то между мерностями происходило неестественное движение.

– Уверен, что так...

Но только Константин успел произнести эти слова, как шуршащая туча вылетела из-за вала и поднялась в воздух. Тысячи крыльев замелькали на фоне грязного от копоти неба. Новые демоны владели явным преимуществом – умением летать. Стая чудовищ кружила над всадниками, будто готовясь к нападению, но вдруг сорвалась с места и понеслась в сторону города.

– За ними! – скомандовал Князь, отправляя своего скакуна вдогонку.

Глава 3

Копыта, высекая искры, стучали по темному асфальту. Город был пустым и мрачным, но не вечерние сумерки являлись тому причиной, а дух смерти, накрывший мирные улицы. Даже фонари – те, что еще светили, – казались тусклее обычного. На частные дома окраины будто рухнул настоящий смерч, сорвавший крыши, раскидавший автомобили, поваливший деревья и столбы ЛЭП. Кое-где полыхали пожары, наполняя округу рыжим светом и чадным дымом. Но самое ужасное в этой картине – мертвые тела, тела, тела... Они были повсюду – изувеченные, в самых разнообразных позах и в самых неожиданных местах: на ветвях деревьев, под грудями искореженных автомобилей, в черных от крови и копоты сугробах... Это тела не только человечьи: собаки, кошки, домашний скот... – демоны Хаоса не делали биологической сортировки, хотя предпочитали по большей части гуманоидов.

Но было тихо. Если не считать треск пожаров и хруст кирпичной крошки и стекла под копытами. Ни одной живой души – ни человека, ни зверя. Чудовища умчались далеко вперед.

– *Они уже заполнили полгорода*, – сообщил Александр – один из Стражей, посланных в город на случай прорыва. – *Я дам вам координаты, но это не вся информация. Нас слишком мало, чтобы вычислить каждого.*

– *Мы сильно отстаем*, – сказал Константин, изучив отправленную Александром карту.

– *Разделим Стражей на отряды*, – решил Князь. – *Демоны охотятся на то, что дышит и движется. Собирайте всех выживших в этой точке*, – Князь Тьмы указал координаты в центре города. – *Это сдержит Хаос от распространения. Не теряйте времени.*

Стражи веером разошлись во все стороны. В каждую группу входили от десяти до пятнадцати воинов – итого около ста пятидесяти отрядов. Теперь задачей Стражей было не просто уничтожение противника, но и непосредственная защита всей обитающей в городе живности.

– *Константин, как ты мог их недоглядеть?* – спросил Князь, когда его отряд отделился на значительное расстояние от остальных.

– *Я был уверен, что все чисто*, – без «ноты» оправдания или сожаления ответил воевода.

– *Может это быть зерном в зерне?* – вступил в разговор третий Страж – Густаво. Информационный канал был открыт всем воинам в радиусе двадцати километров – это был самый распространенный способ общения на средних-близких дистанциях. Существовали и другие, в том числе охватывающие всю планету вплоть до самой окраины атмосферы. Однако такие широкие каналы были доступны не всем Стражам из-за личностных возможностей.

– *Думаешь, Хаос начал оставлять резерв?* – заинтересовался Константин.

– *Я считаю, это было бы логичным для врага*, – сказал Густаво.

– *Мы сами решаем, что логично для Хаоса, а что – нет*, – отрезал Князь.

– *Мне все равно это не понятно*, – отряд Густаво встретился с демонами, началась битва, но Страж продолжал беседу как ни в чем не бывало. – *Неужели Он не обладает никаким разумом? Разве у Врага не существует тактики? Почему нельзя внушить ему, что нападать бессмысленно? Тогда все это прекратилось бы....*

– *Мы – Его отражение. Он – отражение нас*, – сказал Константин.

– *Тогда почему мы перестали понимать поведение орды?*

– *Ты слишком цепко держишься за слова*, – сказал Князь. – *Их легко исковеркать, ими легко запутать, их можно по-разному интерпретировать...*

– *Так говорил и Михаэль. Он советовал задавать поменьше вопросов.*

– Совершенно справедливо. Если никто не может тебе дать полный и понятный ответ, лучше не задавать вопросов. Только запутаешь себя.

– Чтобы задать правильный вопрос, нужно знать половину ответа, – изрек Константин. – А чтобы понять правильный ответ, нужно хотя бы наполовину понимать того, кого спрашиваешь. Поэтому правильный ответ ты можешь узнать только у Тьмы.

– А другая половина вопроса нужна, чтобы с Ней связаться, – добавил Князь.

Вдруг в небе промелькнула тень, перепрыгнула с одного здания на другое, послышался треск и звон стекла. Отряд сразу же помчался в ту сторону. В свете пожара был виден силуэт крылатой твари – она сидела на балконе жилого дома, пытаясь протиснуться в узкий для нее проем двери, сильными лапами расширяла себе проход, даже грызла зубами бетонную стену.

С той стороны дома послышался крик. Кричал сначала один человек, затем к нему присоединился целый хор голосов. Князь быстро отправил двоих в здание, а сам с основным отрядом поспешил на крики.

Перевернутый взрывом горящий автомобиль освещал двор, на который из подъездов выбегали люди: их полные ужаса глаза уже ничего не видели перед собой, жильцы в панике разбежались во все стороны. А на крыше дома мелькали тени, оттуда сыпались куски кирпича и бетона. Лопнуло стекло, из разбитого окна вылетела фигура человека, следом в проеме показалась морда бестии...

В воздухе кружил дух праздника беды и запах смерти. В городе творилось черт знает что. Конечно, горожане еще не понимали, что в действительности происходит. Демонов Хаоса они видеть не могли. Это была свихнувшаяся стихия, внезапно рухнувшая на засыпающий город. Откуда взялся смерч в этих краях – никто не стал размышлять. Возможно, холодный зимний ветер столкнулся с потоком горячего воздуха, возникнувшим после падения метеорита где-то возле окраины... Население оказалось не готовым. В панике люди покидали свои дома, кирпичные стены крошились, падали столбы ЛЭП, разрывая ночь снопами искр. То и дело вспыхивали пожары. Куда бежать? Что делать? Большая часть подвалов была закрыта на замок хозяйственными гражданами, защищающими свой скarb и спокойствие от нашествия бомжей.

Где-то одиноко завывала сирена. Сначала издалека, звук какое-то время приближался, а потом резко и жевано взвыл в последний раз и затих. Послышался скрежет металла и звон бьющегося толстого стекла.

В небе шуршали крылья. Стая демонов кружила над домами, время от времени пикировала вниз, чтобы схватить в когтистые лапы убегающих. А затем химеры швыряли с высоты безвольные тела – или то, что от них оставалось. Небо то и дело разряжалось красным кровавым дождем; беглецы кто с ужасом, кто даже не замечая, вытирали мокрые лица, оставляя алые разводы на щеках.

Заметив Стражей, исчадия Хаоса как по команде оставили охоту на людей и обрушились на воинов.

– Глупыми этих тварей не назовешь, – заметил Мартин – это было его первое сражение. Молодой Страж орудовал мечом спокойно, ничуть не отвлекаясь от информационного обмена и не смущаясь творимым вокруг адом. – Сначала Хаос представился мне чем-то средним между цунами и горным троллем – неудержимым, мощным, но с точки зрения живого существа – крайне глупым.

– Вы должны понимать, – сказал Константин, – что Хаосу необходимо принять какую-то форму, чтобы проявиться здесь. Самые близкие к нему образы – страхи, способные разрушить не только материальный, но и духовный мир человека. Он лишь копирует уже имеющиеся формы. И благодаря воображению творцов из числа людей (художников, военных конструкторов, религиозников), эти формы становятся все разнообразней и смертоносней.

– Это не объясняет Его тактику. В образах страха нет инструкции по уничтожению.

– Хаос движется по пути наибольшего сопротивления, – объяснил Князь. – Он пожирает сначала то, что проявляет большую активность. В данном случае это Стражи. Затем будут люди, далее – остальной животный мир. И так до менее активных и энерго-содержащих элементов Жизни.

– Самый активный среди нас – это ты, Князь, – сказал Чан откуда-то с другого конца города. Его безэмоциональное сообщение ничего не выражало, но каждый Страж понял, что это шутка. – Они реагируют на тебя, как осы на нектар.

Всадники двигались по разоренным улицам, стараясь не сильно ввязываться в сражение: перебить демонов они всегда успеют, а спасти другие жизни требовалось сейчас. Твари Хаоса следовали за отрядом по воздуху, игнорируя горожан, но не прекращая попыток атаковать Стражей.

Люди, подчиняясь некой мягкой волне, шли в окружении воинов и не очень задумывались о цели своего пути. Хотя многие из них в спешке покидали жилища практически без одежды и босиком – в том виде, в котором их вырывали с постели. Родители несли на руках испуганных детей. Ночью мороз окреп, и белый снег колко скрипел под босыми стопами. Редкие старики – те, кто нашел в себе силы покинуть дома, – ковыляли в «обозе» – сами или под ручку. Но большинство пенсионеров попросту остались дожидаться смерти на жестком табурете в кухне перед окошком. Седые супруги, на чью долю выпала уже совсем немощная пара, укрывались теплыми одеялами, разговаривали о прожитых годах и ждали конца. Ни слез, ни отчаяния, ни страха – только буря за окном и самый дорогой человек под боком.

– Но ведь люди их все равно не видят. Они видят только сам процесс разрушения, – сказал Мартин. – Какая разница как выглядит Хаос?

– Это не делает Его бестелесным, – ответил Князь. – Человеческий мозг работает на обобщение, многие детали он старается не замечать. Статистика, психология, массовая культура и производство, этика – почти все сферы деятельности человека – это обобщение. Среднестадная константа от самого великого до самого ничтожного. Чтобы заметить демонов, необходимо знать о них. Незнание может сделать видимое невидимым, но не бестелесным.

По мере продвижения отряд встречался с другими Стражами, держащими свой путь с других концов города. Небо постепенно исчезало за шторой из перепончатых крыльев. Демонов становилось все больше, они уже заметно препятствовали движению. Всадников то и дело вырывали из седел, поднимали в воздух и уже в небе изматывали до полной потери брони и оружия. Стражи теряли свое преимущество и с легким хрустом разбивались об гололед или крыши домов. Целью чудовищ все чаще становились люди – их число почти в сотню раз превышало количество Стражей.

– Придется дать им бой здесь, – решил Князь через какое-то время. – Отправьте людей в ближайшее убежище. Пятерых Стражей для охраны.

Длинные вереницы людей, подчиняясь указаниям невидимых воинов, потянулись в подвал многоэтажки через несколько входов. Темное, сырое помещение быстро заполнялось народом и скоро забилося до отказа. Демоны принялись штурмовать бетонные стены, крушили оконные проемы, врывались в квартиры, но большая их часть уже перенацелилась на Стражей. Во дворах вокруг здания закипел бой.

Князь Тьмы рассчитывал быстро покончить с чудовищами и продолжить путь, но справиться с летунами оказалось непросто. Даже несмотря на то, что все внимание Стражей теперь было направлено на небо, вовремя увернуться или задеть бестию мечом удавалось не всегда. Сражение походило на бой пасущейся коровы с надоедливymi мухами – воины были жестко ограничены в маневрах, тогда как противник владел целым небом. Битва затягивалась.

Ситуацию обнадеживало только одно – разосланные отряды информировали о том, что на другую сторону города орда еще не распространилась. Стражи выводили жильцов из домов и без препятствий двигались к месту сбора. Темная, холодная, сонная восточная часть города еще не знала об угрозе, однако чувствовала ее близость – не зря же всю ночь были сирены и долетали разные слухи, больше похожие на сюжет фильма-катастрофы. Многие из толп шагающих по замерзшим улицам были уверены, что началась война, но держались скорее весело и с предвкушением – горя своих западных соседей люди еще не познали.

– *У нас тут более семидесяти тысяч горожан,* – доложил Константин. – *Продвигаемся медленно – улицы переполнены.*

– *Предлагаю стянуть все силы Хаоса на меня,* – сказал Князь. – *Все отряды, кто ведут на хвосте демонов, двигайтесь сюда. Константин, оставайтесь на месте, закрепитесь. Патрулируйте улицы.*

– *Скоро придут спасатели,* – известил Александр.

– *Не пускать их в город,* – отрезал Князь.

– *Они помогут раненым,* – напомнил Страж.

– *Они покажут демонам выход за пределы города. Нам нужна полная изоляция. Перекройте дороги и гасите все поступающие и исходящие сигналы.*

Вдруг раздался взрыв – вспыхнул газ, клубы дыма и пламени повалили из разбитых окон, дрогнула земля. Удар был настолько мощным, что перегородки не выдержали, несколько верхних этажей рухнули на нижние, завалив их обломками. Князю Тьмы хватило мгновения, чтобы раздуть вспышку энергии, превратить взрыв в смертоносный огненный поток. Пламенная змея ударила по демонам, вихрем пронеслась по небу, сжигая бестий, раскидывая обгоревшие трупы и пепел далеко вокруг. Стая летунов заметно поредела.

– *Какой же тогда информационный обмен может быть самым достоверным, если вербально полная передача данных невозможна?* – спросил Густаво после некоторой паузы в начатой беседе.

– *Копировально-образный,* – ответил Константин.

– *То есть тот, который мы используем. Но мое восприятие образов может отличаться от восприятия брата по оружию.*

– *Тогда общайся с ним его языком,* – посоветовал Константин.

– *Это как?* – заинтересовался Густаво.

– *Непосредственно через Тьму,* – ответил Князь.

– *Ее образы слишком тяжелы. Мне трудно долго разговаривать с Ней...*

Где-то в созданных взрывом развалинах раздался глухой крик, приглушенный толщами бетона. Голос был слишком высоким для взрослого человека – это кричал ребенок. Как он оказался в пустом здании – Князь не уловил. Конечно, люди и даже дети не являлись для него такими важными фигурами, чтобы бросаться на помощь сломя голову. Но крик повторялся, затянулся плач, и Князь принял решение оставить бой ради спасения.

– *Если Хаос научился нас обманывать, но саму визуализацию Хаоса создают люди, что это получается?* – спросил Мартин в продолжение своего разговора.

– *Что у человеческого страха появилось второе дно,* – ответил Князь.

– *Что это означает?*

– *Скорее всего, сомнение в реальности.*

Ни окон, ни дверей на втором этаже больше не было – верхние этажи целого подъезда смялись в одну гору бетона и кирпича. Как в этой железобетонной мясорубке осталось что-то живое – можно было только догадываться. Князь принялся разгребать завалы, откидывая в сторону целые кирпичные глыбы и бетонные плиты. Плач становился все ближе. Наконец, отправив в сторону очередной строительный кусок, Князь Тьмы наткнулся на стенку старого советского шифоньера. Прочности натурального дерева хватило для того, чтобы в

горе обломков оставить небольшой мешок безопасности, в который по счастливому случаю угодил ребенок. Но – стоит хоть как-то нарушить целостность этого мешка, – и убежище окажется ловушкой, в которую устремится поток битого кирпича и прочего хлама. Князь пробил дыру в шифоньере – из темноты на него глянули детские глаза. Этот взгляд был такой необычный, что Князь на какое-то время растерялся.

– Не бойся, все будет хорошо, – сказал он в темноту. Глаза моргнули, плач прекратился. Девочка не видела Князя, но слова и присутствие Стража обволокли ее защитным одеялом.

Совершив несколько движений, Князь осторожно расширил дыру и вытащил ребенка из убежища. Девочка была цела, за исключением нескольких гематом и ссадин. Слой пыли на волосах, испачканная одежда и сажа на лице делали из нее настоящего чертенка. Князь Тьмы проанализировал психологическое состояние ребенка и убедился в том, что все показатели находятся в пределах нормы, – для девочки происходящее было игрой, правила которой она до конца не понимала.

Девочка спала, когда шум на улице вытащил ее из детских грез и поместил в одиночество квартиры – кроме нее дома никого не было. Она поначалу с любопытством глядела в окно, но вскоре чувство тревоги переместило ребенка под компьютерный стол в комнате родителей, где и застал ее взрыв. Накренившийся шифоньер и столешница спасли девочке жизнь.

Пока Князь пробирался обратно по завалам, держа спасеныша на руках, биение сердца девочки окончательно выровнялось и она даже сделала попытку заснуть – усталость и чувство безопасности от присутствия Стража склеивали ей веки. Князь хотел было передать ее в руки воинов, охранявших убежище, но вдруг передумал и отчего-то решил перенести ее сам.

Бой клонился к завершению – огненный смерч уничтожил большую часть стаи. Прибывавшие отряды с дальних концов города приводили с собой все меньше чудовищ. Окончательная победа над Хаосом на этом участке была только вопросом времени.

Убежище напоминало Ноев Ковчег. Длинные коридоры, растянувшиеся на пару сотен метров, были полностью забиты людьми, домашними и уличными животными. Настроение – как в подлодке, медленно идущей ко дну. Громко старались не говорить, где-то плакали, где-то успокаивали, где-то причитали, но большей частью – смиренно ожидали развязку событий. Электричество отсутствовало, в подвале царила ночь, местами нарушаемая небольшими фонариками, телефонными подсветками. Иногда чиркали спички и зажигалки – чтобы на время короткого проблеска отыскать что-то во тьме.

Князь шел вдоль нити Судьбы, тянувшейся от девочки у него на руках и пропадающую где-то в глубине мрачного лабиринта. Доставить ребенка необходимо было именно туда. Люди в узких проходах вжимались в стены, чтобы дать воину дорогу, но совершали это произвольно и даже как будто не замечали своих действий.

Князь двигался вперед, как вдруг наткнулся на стену. Невидимая преграда, которую без проблем пересекали обитатели убежища, не давала Князю сделать и шага. Первой его мыслью было – Хаос! Но никаких проявлений Врага рядом не наблюдалось – многомерность в подвале выглядела спокойной. Невидимую стену создало что-то другое. Князь пытался обойти преграду – не получилось. Тогда он собрал в кулак большой кусок энергии и, размахнувшись, ударил. Стена поддалась, но не рухнула. Князь нанес еще несколько ударов и увидел, что преграда слабеет. Совершив усилие, полководец все-таки пробил себе проход, но следом за первой стеной возникла новая. Впереди, будто сквозь затемненное стекло, мерцало что-то важное – именно так сознание Князя отреагировало на необычное явление в Тени. Миновав новую преграду, Князь столкнулся с третьей, затем – с четвертой... Будто кто-то нарочно пытался его остановить, но прочность стен с каждым разом делалась все меньше. А напор Князя Тьмы, желающего вопреки преградам добраться до цели, лишь усиливался. Мерцание становилось все четче и ярче. За «стеклом» как будто происходило движение –

тени прошлого вынырнули из небытия, словно киноплёнка прокручивали события минувшего. Но ни лиц, ни деталей было не разглядеть. Князь больше не пробивал себе дорогу – он уверенно двигался вперед и хрупкие стены, будто стеклянные, разлетались перед ним вдребезги. Что бы это ни было, кто бы чего не скрывал от Князя Тьмы, – он все равно это узнает.

Девочка открыла глаза и тут же радостно вскрикнула: «Мама!». Молодая женщина жадно схватила ребенка, осыпала поцелуями, прижала к себе так крепко, как может только мать, желающая никогда не отпустить и оградить от всех бед на белом свете... Свете... Света!

Светик. Князь вспомнил – девочку звали Светланой.

Глава 4

Как бы не горело в груди – я вспоминал. Жадно, кусок за куском, вызывая жгучие спазмы в том разделе человеческого естества, которое должно было погаснуть навеки в Князе Тьмы, – душе. Пламя неизвестного происхождения ворвалось во мрак и серость лабиринта воспоминаний. Это было что-то новое для меня, другая жизнь, совсем непохожая на эту. Человеческая жизнь. Детство, семья, институт, «Седьмая тропа», любовь... Любовь? Что это?

Это Вика.

Я помнил все. Каждую нашу встречу. Каждое расставание. Каждое из писем, написанных в самых различных уголках планеты, но так и не отправленных адресату. Особенно меня вдохновляло на это присутствие костра в те дивные вечера и ночи, когда «Седьмая тропа», блуждая с гастролями по миру, разбивала стоянку в глухих местах, недоступных для цивилизации. Иногда в такие вечера мне не спалось, я подолгу сидел у пляски огня, предавался воспоминаниям, давил в себе слезы и общался с памятью о Вике. Я писал ей признания в любви, зная, что Вика никогда не получит их. Свои письма я поутру сжигал в костре...

Так зачем? Почему она вернулась в мою жизнь именно сейчас, когда я праздновал победу над собой? Когда обрел, наконец, возможность не испытывать чувства и забыть – последний из рубежей социальной блокировки (как я понимал когда-то). Когда мне больше не стало равных в этом уголке Действительности!

Я вернулся туда, откуда так долго пытался убежать. Все силы, все старания оказались напрасны.

Разумеется, пистолет не выстрелил. Перспектива самоубийства вывела моих волков из анабиоза. И они, почуяв, что преграды вроде меня перед ними больше нет, сцепились в безумной схватке. Да, я помню, как это было: меня корчило, катало по берегу Кубани. Я кричал. Внутренние звери безжалостно рвали и друг друга, и меня. Не знаю, сколько длился бой – минуты или часы – пока не определился победитель. Им стал черный. Белый волк оказался в заточении, в непроглядной мрачной тюрьме, куда его швырнули вместе со всеми воспоминаниями. Так распорядился победитель, чтобы навсегда отсечь возможность появления своего противника.

Я ошибочно полагал, что силы покинули меня после столкновения с кометой. Наоборот – когда я соткал энергосферу на последнем концерте, то *проглотил* ее. И стал *больше*. Не в физическом плане. Того облачка личного света, которым я видел себя в Тени, больше не существовало. Вместо меня появился плотный узор из нитей Судьбы, в котором сконцентрировалось огромное количество энергии. Оттолкнув комету, я истратил львиную долю своих новых сил, но никак не потерял их. То, что я испытывал после концерта, можно назвать голодом. И тогда я еще не знал, как с ним справиться. К тому же, лишившись личного света, я перестал быть коконом в паутине каналов. С того момента я превратился в *паука*, свободно передвигающегося в пространстве паутины. Это новое совсем сбilo меня с толку. Будь я не столь тяжелым в энергетическом плане такое перевоплощение, потеря всех нитей Судьбы, действительно убило бы меня. Я видел, что происходило с девушкой Юлей, умирающей возле моего дома.

Затем я отправился в Храм, прошел Посвящение и проснулся уже Князем Тьмы. Никакого другого меня с этого момента больше не существовало. В небытие отправилось даже имя – последний оплот личностной самоидентификации. Прошлая жизнь целиком и полностью была погружена во мрак, а желание узнать что-то о себе было предано забвению. Я был заново рожден.

А теперь?

Белый зверь выглянул из своей тюрьмы, и Князь Тьмы был этим фактом очень недоволен. А я – снова вернулся.

За окном серел рассвет, но атмосфера вокруг была настолько мрачной, что казалось, Солнце больше не вернется в эти края. Я лежал на кровати в одной из уцелевших квартир и глядел на грязный рассвет. Мир, в котором постоянно обитали люди и в который Судьба теперь обрушила меня, казался неправдоподобно голым, грязным, плоским. Он весь состоял из границ и запретов и больше напоминал палату в психиатрической больнице, чем то место, где должно обитать живое существо. Такой контраст с живостью Тени здорово угнетал.

Когда битва подошла к концу, я не присутствовал на поле боя. Белый волк вернулся и вызвал соперника на поединок. Меня выбросило из Тени, продолжать сражение я больше не мог. Поднявшись в квартиры, я забрался в одну из комнат и рухнул на кровать. Отсюда я наблюдал, как за окном постепенно затихает буря. Стражи одержали победу.

Тихо скрипнула дверь, разорвав тишину, осторожные шаги приблизились к моей кровати.

Я сразу понял, что это *она*. Стражи как будто забыли своего полководца, презрев за слабость, и не старались найти меня или связаться со мной.

– Ты, – первое, что сказала Вика. Я услышал ее голос впервые за много лет. Чужой голос, он жгучей волной накрыл все сознание.

– Как ты нашла меня? – спросил я, не поднимаясь с кровати.

– Кто-то мне сказал в подвале, что ты здесь.

Разговаривать с ней было мукой, но слова Вики заинтересовали: от кого она узнала? От Стражей? Зачем?

– Кто тебе сказал? – устало спросил я.

– Не знаю. Там было темно.

Значит, Стражи отпадают. Их слова звучат в голове собеседника, как его собственные мысли. Копирование образов.

– Это был мужчина или женщина? – продолжал допытывать я.

– Какая разница? Я не за этим сюда пришла...

– Мне важно.

– Трудно сказать. Этот голос мог быть и мужским, и женским, – вспоминала Вика. – И собеседник... будто невидимый.

Ее описание больше походило на Тьму. Значит, это Она указала Вике дорогу? Как вообще Вика связалась с Тьмой?

Что ты задумала?

Вопрос улетел во Тьму и остался без ответа. Странно, пока я был Князем, ни разу связь с Тьмой не нарушалась. Я мог вести с Ней беседы целыми сутками, не отрываясь от других дел.

– Куда ты исчез? – Вика, на время озадаченная моими странными вопросами, пошла в наступление. – Твою машину обнаружили на границе с Дагестаном. Ее угнали в Невинке на берегу Кубани – двери нараспашку, ключ зажигания в замке. Ты как будто убегал от кого-то. Но тела не обнаружили – ни в воде, ни в окрестностях. Розыск тоже не дал результатов. Нашли только пистолет, но из него никто не стрелял.

Я хотел было поинтересоваться, откуда у Вики такие подробности, но вспомнил, что она собиралась идти работать в прокуратуру. Но – скорее всего – о деталях дела раструбили вездесущие СМИ.

– У меня были на то свои причины, – огрызнулся я. Почему я до сих пор не послал ее? Что этой женщине нужно от меня?

Вику такой ответ не удовлетворил – ее губы сжались, взгляд опустил. Наверно, я сейчас о себе много нехорошего узнаю. Но Вика промолчала.

– Ты искал меня? – наконец спросила она, подняв голову. В ее глазах больше не читалась ненависть, наоборот – в них проснулись жалость и нежность. Нежность эта, будто нож, пронзила всего меня похлеще презрения или злости. Но в ту же секунду ласковые ноты покинули взгляд Вики и сменились разочарованием. Она желчно усмехнулась: – Ну, конечно, нет... Тебе было не до того. Как же, музыкант, звезда, легенда! Ты и рад был, что отделался от меня.

– Зачем все это теперь перебирать? События давно в прошлом. К тому же ты была инициатором расставания...

– Если бы ты по-настоящему любил меня, то нашел бы способ! – не унималась Вика. Меня от ее слов выворачивало наизнанку.

– Я не участвую в любовных треугольниках, – вздохнул я. – Судьба вела меня на Олимп сцены, я не собирался отказываться от такого подарка. У меня не было ни сил, ни времени заниматься интригами. Все эти драмы только истощали мой потенциал. Я творец, мне надо создавать, а не бегать за юбками! Останься я тогда с тобой, начни упрашивать вернуться обратно – и до сих пор гнил бы в том магазинчике, терпел хамство коллег и начальства, лишь бы не потерять свой кусок хлеба! Поэтому считал: ты либо со мной и поддерживаешь меня, либо – проваливай!

Вика отшатнулась от меня, встала с кровати и отошла к комоду. Ее руки дрожали. Вика хотела унять предательскую дрожь, уперлась руками в крышку комода и неловким движением опрокинула небольшую вазу. Та хлопнулась о паркет с легким звоном.

Вика здорово изменилась с момента нашей последней встречи. Она стала какой-то... потухшей, без намека на былой блеск, энергию и целеустремленность.

– Что случилось с тобой? – уже мягче спросил я. – Ты стала рассеянной. И мать из тебя, извини, не очень – трехлетнюю дочь постоянно без присмотра оставляешь!

– А на кого мне оставить Светика? Скажи мне? Может няню пригласить, а? Я и без того пашу как лошадь, чтобы коммуналку заплатить и дочери хоть какое-то детство устроить! – Вика готова была либо гневно вспыхнуть, либо разрыдаться.

– А муж?

– Обьелся груш! Какой муж еще?!

– Отец Светы. Кажется, я видел его в тот день, когда захватили ваш дом, – я соизволил встать с кровати и подошел к Вике.

– Это был Игнат. Мой коллега. Когда он узнал про то, что случилось, сразу приехал поддержать меня.

– Кто же тогда отец? Где он? Почему он оставил вас?..

– Ты! – грохнула Вика как атомная бомба.

– Что я?

– Света твоя дочь!

Вот так поворот. Теперь мне стало ясно ее поведение. Однако, сказав это, Вика успокоилась. А затем посмотрела на меня как-то виновато, снизу вверх. Я понял – она сомневается. Не нужно быть большим специалистом по математике, я просчитал – в то время она тайно от меня встречалась с Антоном. Я мог бы «прочитать» ее из Тени, разгадать узор ее нити Судьбы, но как и прежде не стал этого делать. Если в вас когда-нибудь проснется способность видеть жизни других, практически – читать их чувства, никогда не применяйте ее на своих близких – иначе останетесь в одиночестве. И не то, чтобы я этого боялся, но... между нами как будто стояла ледяная стена, которая постепенно таяла и истончалась. У человека должны быть свои тайны, свое личное пространство. Если близкий человек захочет рассказать вам правду – он это сделает. А знать все – это непосильный труд и борьба с самим собой.

– С Антоном мы расстались, как только он узнал, что я залетела, – предугадав мой вопрос, сказала Вика. – Это случилось через неделю после нашего расставания.

– Он свалил?

– Нет. Это я. Я знала, что отец – не Антон. Я надеялась, ты вернешься.

– Откуда ты знала?

– Знала, – Вика потупилась. Такое поведение было ей совсем не свойственно. Раньше Вика редко полагалась на познание чувствами – знаменитую женскую интуицию.

– Почему ты мне не сказала? – выдохнул я. Тьма-тьмущая, о чем я тогда только думал! Я знал, почему Вика не нашла меня – я сам этого не захотел. Ошибка на ошибке... у этой истории не будет хорошего финала.

– Ты сменил номер телефона. Я звонила к тебе домой, но никто не хотел мне ничего говорить. Я не сказала им о беременности, хотя, наверно, стоило бы... Просто не хотела использовать ребенка.

В это мгновение в груди как будто что-то треснуло. Внутренности обожгло болью. Я вновь узнал, что это – боль.

– Так ты был там? Когда террористы...

– Был, – прервал Вику я.

– Что ты там делал? Ты меня видел? Почему не пришел? Боялся, что заметят репортеры? – последний вопрос был пропитан ядом.

– Я видел тебя. И то, что в доме находилось для тебя что-то важное. Там я и наткнулся на... Свету, – язык не поворачивался назвать ее «дочерью». Не потому, что я так не считал – уж как-то резко на меня свалилось это отцовство. – Поначалу я действительно считал захватчиков террористами, но спустя время понял – это был Хаос. И он охотился за мной.

– Что еще за Хаос? – без особого интереса спросила Вика.

– Как бы тебе объяснить поделикатней... Представь себе море демонов, крушащих все на своем пути. И если их не остановить, они пронесутся по планете смертоносной волной.

– Ты здоров? – Вика отошла от меня на шаг.

– Помнишь, тот день, когда я подарил тебе розу на остановке? – Рассказать тайну о себе было трудно, и я решил сразу идти в наступление – бить фактами. – Тогда Антон еще повел себя... странно.

– Да, – припомнила Вика. – Он вдруг замер, как неживой... и стоял так, пока ты не ушел.

– Это я приказал ему.

Будь передо мной другой человек, он не смог бы выудить из меня ни слова. Но рядом стояла Вика. Та, родней которой у меня никогда не было и вряд ли будет, и я желал, чтобы она оставалась рядом как можно дольше. Для этого стоило продолжать разговор, устанавливать контакт, строить мост. Ледяная стена между нами стремительно таяла, спешно заполняя пробел многолетнего отсутствия общения. В холодной глубине моего естества мрачный волк по имени Князь Тьмы все еще противился этому, рычал, пытался укусить, но был бес- силен меня остановить.

Я рассказал Вике все: о Тьме, о Стражах, о Храме, о демонах и Хаосе.

– Этот Хаос – он разрушает планеты? – спросила она в конце рассказа.

– Не совсем так. Его целью не является уничтожение крохотных островков во Тьме ради геноцида биологических организмов. Это дело достаточно хлопотное и бессмысленное. Когда поблизости открывается точка сингулярности, мы сами притягиваем Хаос на планету. Землю можно назвать одной из крепостей в этой войне за право *быть*. Только на Земле и других подобных ей мирах можно остановить вторжение. Если комета Хаоса попадет на звезду – вот тогда случится катастрофа.

– Что может сделать метеорит для целого Солнца?

– Обычный – ничего существенного. Но если попадает именно *зерно*, то звезда дестабилизируется. К слову, обычно зерно имеет довольно маленький размер по сравнению с дру-

гими космическими телами – так его сложнее заметить. Первый этап в плане Хаоса – уничтожить Солнце, чтобы выключить проектор Тьмы. Ему нужно обратить мощь звезды против самой себя. – Я заметил, что слово «Тьма» вызывала у Вики негативные ассоциации – при каждом упоминании о Ней Вика едва заметно морщилась.

– Создать Черную дыру? – когда-то Вика интересовалась астрономией, так что мой рассказ зацепил ее.

– Да. Но Черные дыры вселенная создает и сама – в этом заключается один из аспектов эволюции Тьмы.

– То есть, Хаос помогает Ей?

– Нет. У Него совсем другие цели. На вселенную действуют две силы: внутренняя тянет ее к уплотнению, то есть сужению, а внешняя сила стремится *разорвать*, для чего расширяет ее, будто тянет простынь за уголки. Так действует то, где *ничего* нет. Люди ошибочно полагают, будто расширение вселенной – это признак ее эволюции.

– Хаос эта внешняя сила? – догадалась Вика.

– Да. В том месте, где пропадает материя, появляется антиматерия. Плотность вселенной – это ее своего рода щит от Хаоса: чем плотнее вселенная, тем сложнее разорвать ее. Ты ведь знакома с ядерным синтезом? – Вика кивнула. – Внутри звезд под воздействием огромной температуры и давления протоны и нейтроны сковываются вместе и образуют молекулы, – на всякий случай напомнил я. – Получается газ. Затем этот газ прессуется и возникает материя – камень, железо, лед и прочее. Дальше материя объединяется в еще большие объекты вселенной по модели Виктора Сафронова. Получаются планеты – но это только одна ветвь соединения и уплотнения материи. Другая ветвь кроется в Черных дырах, и там намного интересней. Черная дыра возникает, если в достаточно большом *относительном* объеме материи вдруг образуется антивещество, пустота, и по закону аннигиляции – или проще нейтрализации – материя стремится его вытеснить. Представь себе резко сдувающийся воздушный шарик. Ускорение нейтрализации таково, что в какой-то момент материя не успевает остановиться, даже когда вытеснит все антивещество, и прессуется все больше и больше. Возникает небольшой объект с относительной плотностью выше, чем у нейтронных звезд. Скорость инерции увеличивается, продолжает прессовать объект, пока он не начинает выворачиваться наизнанку и прессоваться снова – раз за разом. Как будто бесконечно пожирает самого себя. Такие движения вызывают волнения в окружающей вселенной, возникает нечто вроде воронки, всасывающей все, что попадет ей на пути. Черная дыра *наматывает* на себя окружающий ее космос, не давая ему расползтись, и тем самым создает галактики. И чем больше она наматывает, тем тяжелее становится, и тем с большей силой будет продолжать свою деятельность.

– Но ведь не может это продолжаться бесконечно, – в глазах Вики я прочитал явный страх, посещающий людей при мысли о смертоносной и беспощадной Черной дыре.

– Теоретически такую сингулярность может вызвать любой объект, не только звезды, но чем меньше его размер, тем сложнее это проделать. Коллапс автомобиля, например, должен быть быстрее скорости света. Но это еще не все, что я собирался рассказать. Внутри Черной дыры происходят куда более интересные события. Представь, что вселенная сложена из тесно подогнанных друг к другу веществ – элементарных частиц. Они такие крохотные, что между ними нет никакого расстояния. Точнее – есть, но нет ничего, что могло бы протиснуться через такие узкие щели. И вот когда Черная дыра набирает достаточную плотность, она начинает дробить уже не материю, а вещества, из которых материя состоит. То есть, разрушает то, что когда-то было создано звездой: крошит атомы на составляющие. Дальше, после еще большего уплотнения, – электроны, кварки, фотоны.

– То есть, Черная дыра создает новые элементарные частицы? – догадалась Вика.

– Да. Мне приходится использовать грубые физические термины, хотя на деле все обстоит несколько иначе.

– И куда же деваются эти новые частицы?

– Заполняют пространство между прежними элементарными частицами. Вроде как замазывают щели между кирпичами, делая вселенную еще плотнее и прочнее.

– Ты не понял. Эти частицы покидают Черную дыру?

– Разумеется. Вращение Черной дыры создает центробежную силу, которая выбрасывает вещество на периферию к своим *стенкам*. А уж если эти стенки состоят из элементарных частиц, то новые, еще меньшие частицы проходят через них как через сито – не застревают. А затем разлетаются по всему космосу. Новые частицы как бы осаждаются на дне вселенной, делая ее *глубже*. Естественно, самые глубокие места во вселенной – непосредственно рядом с Черными дырами.

– Так что же делает Хаос?

– Представь себе вселенную как водную воронку, где вода, вещество, всасывается в одну большую Черную дыру, такую Большую Дробилку или Мясорубку. На стенках этой воронки находится все: планеты, галактики, спутники, звезды, небольшие Черные дыры... Каждый из этих объектов тоже создает крохотные водовороты разных диаметров и глубин. Но ни один из этих мелких водоворотов не может пробить толщу главной вселенской Воронки и достать до ее *дна*, где находятся элементарные частицы. Естественно, вселенная будет постепенно приближаться к Большой Мясорубке, которая увеличивается при попадании в нее новых Черных дыр. Задача Хаоса – ускорить процесс увеличения Большой Мясорубки, он словно веником сгоняет к ней все космические тела. Потому что когда Мясорубка наберет достаточно сил, вселенная стремительно обрушится сама в себя. И начнет дробиться, набирая скорость, пока интенсивность дробления не станет таковой, что не будет больше никакой материи – а лишь тяжеленное облако размером с молекулу, стремительно перемалывающее само себя. В таких условиях Врагу будет нетрудно разорвать вселенную на части и выбросить ее на *Дно миров*, где ожидал своего часа Хаос. Там, в одном из *Дне миров*, инерционная сила бывшей Большой Мясорубки выбросит тяжелый кусок *крохотной* вселенной, частицы которой больше не будут удерживаться силой гравитации, и грянет новый Большой взрыв. Остальные куски бывшей вселенной постигнет та же участь – возникнут миры различных измерений. Уплотнение вселенной с этого момента начнется заново.

– Не понимаю, зачем все это? – спросила Вика.

– Хаосу нужна позиция, которую занимает Тьма в Действительности. Потому что по соседству с этой позицией находятся еще несколько областей Хаоса – разной мерности. Он хочет поменяться с нами местами и объединиться. Заодно и ослабить Тьму: пока Она будет находиться в состоянии неплотного первовещества, у Него будет больше возможности отбрасывать нас назад все дальше и дальше.

Заметив, что Вике все равно не понятно, я решил помочь ей образно:

– Ты играла когда-нибудь в нарды?

Она кивнула.

– Хаосу необходимо пройти все игровое поле, чтобы вернуться «домой». А для этого нужно, чтобы все пешки его цвета оказались рядом друг с другом в определенной позиции. То же самое делает и Тьма. Вернуться домой – значит объединить все мерности своей фракции в одну неразделимую Действительность. Не думай, зачем это нужно и что будет потом – так течет Сила, и даже Тьма не ответит на этот вопрос.

– Ты говорил, что Хаос – это полная противоположность вселенной, – Вика упорно не желала использовать слово «Тьма», – и что они отталкивают друг друга или... нейтрализуют. Как тогда Он появляется здесь?

– Закон противоположностей допускает наличие в нашей среде противоположной фракции. Антивещество может существовать только до тех пор, пока Тьма не найдет к нему ключ и не создаст точно такое же вещество с противоположными свойствами. Но по закону нейтрализации аннигилируют оба.

– Они исчезают?

– Трудно сказать. Оседают мусором на Дне миров.

– Получается, кометы приносят с собой антивещество?

– Нет. И это не кометы, это зерна. Метеориты, астероиды, кометы – это всего лишь визуализация надвигающейся угрозы. Знамение. Настоящий Хаос появляется позже. Давай объясню чуть проще. Частицы Хаоса проносятся мимо нас с такой скоростью, что зафиксировать можно только редкие антивещества не больше молекулы. Если увеличить поток антивеществ и создать благоприятные условия для восприятия их в нашем мире, то есть вроде как сделать футбольные ворота для мяча или полотно художника для красок, то сила эта уже будет заметна. Объем Своих частиц может увеличить только Хаос, а скорость потока и благоприятные условия создаем уже мы – Стражи. Так получилось, что наиболее близкие к Хаосу образы – это человеческий страх. Неважно какой, сейчас он имеет форму чудовищ, завтра может быть совсем другим. Люди для нас – это фонари, которые освещают частицы Хаоса. Выходит, именно благодаря нам появляются все эти чудовища и разрушения.

– Как это? – Вику это известие окончательно запутало. – Вы притягиваете Хаос на планету, вы же и провоцируете разрушение на ней?

– Я не зря назвал Хаос зерном. Проникнув на планету, зерно «закапывается», то есть, вытесняет материю. А затем начинает распространять гниль и разложение. Это зараза планетарного масштаба. Чтобы предотвратить это, Стражи вычисляют зерно и проникают внутрь него. А затем выдавливают на поверхность его начинку, как прыщ. Другие Стражи в это время находятся на *другом* конце и вылавливают появляющуюся гадость. Из-за высокого давления поток орды иногда трудно сдержать, но обычно Стражи справлялись. А сейчас Хаос нашел какую-то лазейку против нас и проник в город. Но я тебе обещаю – мы вылечим пораженный участок Земли.

– Лекарь, – я увидел улыбку Вики впервые за долгие годы, и от этого стало так тепло, что я невольно поразился тому холодному официозу тона, с которым мы разговаривали сейчас с ней. Казалось, она восприняла мои слова родственниками бреда сумасшедшего, ведь в действительности не могла увидеть ни демонов, ни даже Стражей – как они есть. Я был для нее человеком, давно знакомым, пропавшим и вновь объявившимся. Вика не верила мне, для нее весь ад происходящего на улице был плодом разгулявшейся стихии – не больше. А я – слегка тронутая, измученная, исхудавшая и чуть постаревшая закатная рок-звезда. Князь Тьмы внутри попытался было встать во весь рост, чтобы выразить свою волю: «не говори ей, пошли ее подальше!». Но грозный рык белого волка заставил попятиться назад бывшего триумфатора. Я поделился с Викой своими мыслями насчет бредовости всего, что я ей рассказал.

– Я так не считаю, я тебе верю, – ответила она. – Только все это слишком сложно для понимания. Единственное, во что я не верю, так это в то, что вселенная создала такую богатую, такую прекрасную жизнь на Земле, создала нас, людей, создала природу, создала глубокие чувства, общение – ради того, чтобы мы занимались защитой Солнца. А в конце нас попросту сожрет Черная дыра, скомкает и выбросит на помойку все, что человечество создало. Ты, может быть, знаешь и больше меня, но твой рассказ очень холодный: в нем только борьба, только расчет, только факты. Я не могу поверить, что жизнь так жестока и холодна, что когда-нибудь позволит всему этому исчезнуть.

– Во вселенной все вечно, но не постоянно. В этом и заключается то, что ты называешь красотой. Ты боишься Тьмы и боишься нового. Никто не уверит меня, что ему не страшно

покидать зафиксированную зону комфорта. Он может поменять работу, сменить город, друзей или увлечения. А как насчет смены жизни? Да, я сейчас говорю о смерти. Только тот, кто не боится умереть, может свободно говорить о ничтожности зоны комфорта.

– Ну вот, опять этот холод. Одни холодные слова!

– Я тебя согрею: суть вселенной сводится к сохранению формы до самого последнего момента. И она никаким образом не хочет твоих слез. Поэтому Тьма дает возможность существам построить своего рода спасательную капсулу, когда настанет момент отправляться в Мясорубку. Эта капсула для нас – личный мир человечества, состоящий из другой материи, нежели остальная вселенная. Такая материя будет невосприимчива к физическим силам нашего измерения и невредимой пройдет сквозь Черную дыру.

– Интересно. Как построить такой мир?

– Я не могу сказать, я не знаю, – признал я. – Сфера моей функции касается только разрушения, а не создания. Но если сравнивать, то разрушение вселенных можно отнести к вопросу физики, а сохранение – лежит в области духовных практик.

– Это успокаивает, – Вика прижалась лицом к моей груди.

То, что происходило сейчас, происходило не так, как должно было. Я обнимал свою Вику и готов был поклясться – даже если провалится земля в этот момент, мы этого не почувствуем.

Пение птиц и яркий солнечный свет заставили меня оторваться от Вики. Я огляделся. Ни комнаты, ни мрачных разрушенных улиц за окном больше не было. Мы стояли посреди широкого поля, усеянного полевыми цветами и молодой травой. В небе висели низкие, недавно пережившие дождь, густые облака, редкие, не заслоняющие ослепительного солнца. Где-то на горизонте видны были темно-синие сопки. Ветер мягкими порывами приносил к нам запах теплой земли и разнотравья.

Контраст между прошлым миром и этим был так велик, что на время я был сбит с толку.

– Что это за место? – оглядываясь, тихо спросил я.

– Мы были здесь много раз, – улыбнулась Вика. – Ты наверно забыл, а я всегда мечтала вернуться.

– Как оно называется?

– Называй, как хочешь, – засмеялась она. Вика смотрела на меня заигрывающее и таинственно. Ее руки гладили верхушки цветов. – Когда-то мы часто сюда заходили: строили мечты, укрывались от внешнего мира, в общем – были друг с другом...

– Это место реально? – не унимался я. – Где оно находится?

– Странно слышать такие вопросы от человека, рассказывавшего о том, о чем только что рассказывал ты, – ответила Вика. Я понял, что этот мир такая же загадка для меня, как и природа женской души. Вернее – два этих понятия связаны между собой. Здесь мне остается только принять реальность как должное.

– Где Света?

– С ней все хорошо. Твои Стражи присмотрят за дочкой. – «Мои Стражи» – значит, Вика мне все-таки поверила?

– Не хотела тебе говорить, но, знаешь, этот голос, эта... Тьма... кажется, я уже слышала его.

– Когда? – насторожился я. Меня все больше беспокоил тот факт, что Тьма ведет скрытую от меня игру. Вика не являлась Искательницей, я это видел очень ясно, но Тьма по каким-то причинам связалась с ней. Я полагал, что если у нас общий Враг, значит, не должно быть каких-то секретов друг от друга.

– Наверно, когда встретила Антона, – Вика неуверенно опустила глаза. – Меня будто кто-то настраивал, говорил, что он будет отличным и верным мужем... Нет, лучше, наверно, не будем об этом...

Я оставил для себя закладку в этом эпизоде, понимая, что сейчас все равно нет возможности во всем разобраться.

– Пойдем, – пригласила Вика. – Здесь недалеко было озеро с водопадом. – Вика взяла меня за руку и потянула за собой. Она чувствовала себя здесь как рыба в воде, а я – будто только что заново родился. Все это казалось сном, по крайней мере, только так я мог объяснить происходящее.

Обуви на стопах Вики почему-то не оказалось – она шагала босиком, ничуть не опасаясь пораниться, была энергична и вся светилась изнутри. Трава, словно угадывая наш путь, стелилась мягкая, между листьями после Викиных стоп из земли пробивались маленькие синие цветы. Сказочный мир.

– Вечером, после нападения террористов, Света сказала мне, что видела папу, – как бы невзначай обронила Вика. – Теперь я знаю, что она имела в виду.

– Почему ты назвала ее так?

– Хотела, чтобы в жизни у меня появилось что-то светлое, когда от меня все отвернулись: ты, родители... Когда они узнали о беременности и о расставании с Антоном, был жуткий скандал... Светлана, – Вика произнесла имя дочери медленно, смакуя. – И еще прочла описание ее имени и захотела, чтобы моя дочь выросла именно такой... Наверно, это глупо – как имя может повлиять на судьбу человека?..

– Почему глупо?..

– Или как расположение звезд может создать характер новорожденному? Почему люди верят в зодиаки? И почему зодиаки оказываются правы?

– Вся эта наука появилась не на пустом месте. Сотни лет наблюдений и расчетов привели звездочетов к мысли о том, что даже такие далекие от нас элементы вселенной как звезды способны влиять на земную жизнь. И это так. Дело даже не в самих звездах, а в положении Земли относительно них. Наш мир не отрезан от остальной вселенной, он постоянно и непосредственно контактирует с ней. Конечно, влияние других тел зависит от расстояния и силы контакта, но оно всегда есть. Даже ураган не может поднять песчинку с земли и сделать вид, будто ничего не произошло ни для него, ни для песчинки. Для урагана это изменение локальное, для песчинки – глобальное. Их связывают нити Судьбы. И если положение Земли в пространстве таким образом сказывается на обитателях планеты, в этом нет ничего колдовского. Изменись как-то глобально наша солнечная система, например, пояись новая планета или вторая звезда, – и вся земная жизнь не будет прежней. Она может стать совершенно иной. Имя, как и прозвище, и должность, и социальный статус наделяет человека определенной ролью, которой он бессознательно следует...

– Хватит умничать! – совсем по-детски рассмеялась Вика и, отпустив мою руку, побежала вперед.

Возле сопки пахло хвоей и тенистым спокойствием. Воздух посвежел, где-то за стеной сосен шумела вода. Мы пробирались по рыжему колючему лесному ковру, Вика иногда кричилась, но продолжала идти босиком – кажется, наличие колкостей вдыхало в нее больше радости, чем самое мягкое, но незаметное для стоп покрытие. Солнце блестело в вышине на остриях сосновых копий. Мы гуляли по этому сказочному миру, и не было ничего желанней него и реальной. Люди со всей своей историей, телевидением, рекламой, соцсетями, рабочими местами, даже Хаос – все это осталось позади в уродливом прошлом...

Воздух зашумел, деревья расступились, открыв чудесную картину: сопки будто постарели, выросли, сменили рубашки из тонкой травяной ткани на твердые каменные куртки. Тонкие струи воды срывались с вершины и создавали широкую почти прозрачную занавеску, за которой в небольшом ложе у ног скалы продолжали зеленеть небольшие деревья и цвести кустарники. Внизу водопад расплывался в темно-бирюзовое озеро, огражденное от леса гладкими каменными берегами, покрытыми зеленым и красным мхом. Солнце глядело

сверху и окунало свои желтые лучи в прозрачные воды. Рябую бирюзовую гладь в центре нарушал только широкий плоский камень – будто остров посреди океана.

– Как же здесь хорошо! – воскликнула Вика и помчалась к озеру. На берегу она стянула с себя летнее платье (я только тогда понял, во что она была одета) и с визгом бросилась в воду.

Я отправился следом за ней. Игры в прохладной воде завершились играми на прогретом Солнцем «острове»...

Глава 5

Ночь, проведенная с Викой, притупила бдительность белого волка – Князь Тьмы снова проснулся. Девушка выскочила из квартиры задолго до рассвета и не успела застать пробуждение Князя. И сделала это как нельзя кстати. Сам Князь находился в каком-то похмельном состоянии, а прошедшее ночное приключение выглядело для него как удавшаяся пьянка. Его разозлил тот факт, что женщина забрала энергию, необходимую для битвы. Но резервы сил еще оставались, и предводитель Стражей вошел в Тень, облек себя в прочнейшую броню, чтобы не терять энергию на лишние переживания.

Стражи приветствовали Князя Тьмы. Никто из них не покидал Тени всю ночь, братство несло дежурство возле убежищ и ожидало возвращение полководца. Недалеко от города в небо поднимался столб дыма, расплзающегося по небу черной тучей – это горели тела погибших людей и павших воинов.

– *Уничтожены все?* – первым делом поинтересовался Князь Тьмы.

– *Странное дело,* – ответил Константин. – *Незадолго после того, как ты спустился в подвал, все демоны... растаяли в воздухе.*

– *Может, отступили, решив, что бой им уже не выиграть?* – предположил Страж по имени Чан.

Князь понимал, что является для Хаоса целью номер один, и внезапное отступление крылатой орды можно связать с неожиданной слабостью, посетившей Князя после пляды воспоминаний. Но Хаос должен был перевести все свое внимание на Стражей и людей, а не исчезнуть совсем. Что это могло означать?

– *Они могут вернуться в любой момент,* – сделал вывод Князь Тьмы.

– *Эта битва полна сюрпризов,* – сказал Александр. – *Хаос появляется из ниоткуда и уходит в никуда. Создается впечатление, будто Он затеял против нас партизанскую войну. Такой прием использовали вьетнамцы против США и других агрессоров: рыли сеть подземных тоннелей, что позволяло незаметно передвигаться по местности и наносить внезапные удары.*

– *Мы теряем контроль над ситуацией,* – подытожил Густаво.

– *Это напоминает войну на территории противника,* – и другие подобные сообщения жужжали в узком информационном канале.

Стражи все еще находились в своей броне, никакие мысли или доводы не могли сломить их стремления противостоять Хаосу. Но как только угроза исчезнет, воины вернутся в человеческий облик и продолжат свои бытовые дела, сон и еда необходимы даже для них. И тогда страх перед силой Хаоса и безысходность надломят боевой дух Стражей. Об этом предупреждал Михаэль Князя Тьмы перед битвой.

– *Спасатели все еще не могут добраться до города,* – напомнил Александр.

– *Пропустите их,* – велел Князь. Затем он попытался связаться с Михаэлем с помощью широкого канала – воевода на тот момент находился в Тибете, на другом конце материка.

– *Михаэль, что у тебя?* – спросил Князь.

– *Зерно упало в труднодоступном месте, населенных пунктов нет, кроме буддистского монастыря,* – ответил воевода. – *Нам удалось сконцентрировать Хаос в одной локации, но демоны сумели просочиться через пещеры под гору. В подземных святилищах прямо возле воронки находятся люди. Должно быть, Хаос чувствует их и пытается с их помощью найти выход. Я взял отряд и направляюсь туда.*

– *Мне нужно удержать воинов в Тени,* – сказал Князь. – *Поведение Хаоса не совсем обычно в этом регионе. Я оставляю Константина на дежурство и с остальными отправляюсь к тебе.*

– *Как проявляется необычность Хаоса?*

– *Он как будто прячется от нас.*

– *Я такого не заметил. Но буду иметь в виду. Вот наши координаты. И еще: пусть Стражи не выпускают людей из виду – у меня нехорошие предчувствия насчет них.*

Князь Тьмы получил координаты от Михаэля и начал собираться к отправке в Тибет. Константин рассредоточил по городу две тысячи Стражей в местах наибольшего скопления людей. В воздухе к тому моменту уже шуршали вертолеты МЧС, оценивая урон и выискивая уцелевших. Горожане, дрожа от холода, выходили на улицы. На площадях строились палаточные лагеря для тех, чье жилье превратилось в руины.

Через некоторое время воронка телепорта выплюнула отряд Стражей на каменистое плато, едва запорошенное снегом. Вокруг тянулись к небу лестницы гор, вершины гигантов обливались рыжими закатными красками. Недалеко от воинов идеальная гладь горного озера топила в себе вечернюю синеву.

Копыта коней взорвали тишину – грохот многотысячного отряда пересекал долину и устремлялся к скалистым великанам. Высоко над плато посреди белоснежного плаща горных массивов зияло черное пятно воронки от упавшего метеорита. Даже с далекого расстояния в Тени Князь видел Стражей, с трудом пробирающихся в пространстве, но все еще сдерживающих волны демонов – вот уже более тридцати часов подряд. Правда, масштаб сражения был несравним с бойней возле Невинки – диаметр кольца был в разы меньше. В глубине гор в лабиринте черных тоннелей проходила другая битва – сотни бойцов блуждали по пещерам и уничтожали проникнувших через каменные толщи чудовищ Хаоса.

– *Мы прогадали с координатами,* – обратился Михаэль напрямую к Князю. – *Здесь поблизости нет человеческих городов. Только небольшое поселение монахов.*

– *Мы стараемся притянуть Хаос поближе к людям, чтобы дать Ему возможность обрести форму на Земле. Как же тогда он проявился здесь?*

– *Я говорил, это будет тяжелая битва. Все, что я знал когда-то о Хаосе, стало непригодным. Его поведение изменилось с твоим приходом, даже будучи учеником ты привлекал свободные частицы Хаоса во Тьме в таких количествах, что никто бы не продержался и недели.*

Князь разделил отряд на две неравные части – одна должна была примкнуть к сражению высоко на горных склонах, другая, поменьше, отправится вместе с ним в пещеры.

– *Считаешь, это я причина нового поведения Врага?*

– *Безусловно. Был бы я человеком, давно приказал бы Стражам вырвать тебе сердце, чтобы спасти этот мир,* – усмехнулся старик. Князь понял, что он нисколько не шутит. – *И ты не смог бы и пальцем тронуть своего брата. Но я давно уже не принимаю человеческий облик. Иной раз мне приходит в голову мысль, что ты – часть плана Хаоса и даже не подозреваешь об этом.*

– *Это возможно?*

– *На этой войне возможно все, как видишь. Если даже у Стражей появляются сомнения в своем Князе.*

– *Не поддавайся Ему!* – почти закричал Князь Тьмы.

– *Князь, ты начал испытывать эмоции? Ах да... женщина. Зря... зря...*

Слова воеводы заставили Князя вспомнить о Вике, и что-то внутри у него откликнулось на это – слабое чувство нежности и ненависти. По безупречной броне воина пробежала едва заметная трещина, но Страж этого заметил не сразу.

Отряд Князя приблизился к бесформенному рту пещеры. Стражи спешили, и скакуны тут же растаяли в воздухе. Воины зашагали под мрачные своды природных тоннелей.

Сеть пещер была оборудована монахами под свои религиозные нужды – об этом свидетельствовали росписи на стенах, статуэтки Будды, установленные в нишах, цветы и раз-

ноцветные ленты. Но чем глубже пробирались воины, тем меньше ритуальной бутафории встречалось им по пути. Гнет колоссальной толщи горных пород, давящих сверху, должен бы сплющить психологическое тело человека. В глубины тоннелей спускались только самые продвинутые адепты – те, кто еще не мог познать Тень, но замечал колыхание легкой, прозрачной занавески, отделяющей реальности.

Отряд разделялся по ходу движения – воины расходились по разветвлениям подземной сети, чтобы заполнить их и не дать Хаосу вырваться наружу.

Стены пещер постепенно уродовались следами битвы: царапины, оставленные длинными демоническими когтями, располосовывали внутреннюю поверхность. Разбитые сталактиты хрустели под ногами. Останки бестий рассыпались в пыль, и горькое облако заполняло пространство, когда Стражи проходили через место прошедшего сражения. Трупы воинов попадались все чаще.

Чуть дальше стали встречаться целые обвалы – каменные глыбы заваливали проходы, иногда полностью блокируя путь вперед. Происхождение этих обвалов сразу стало очевидным – демоны попросту рыли для себя тоннели, наткнувшись на преграду или столкнувшись со Стражами. Воины методично расчищали дорогу, но понимали, что пространство пещер становилось неустойчивым и тонны горной породы могут рухнуть им на головы в любой момент.

Отряды Князя двигались по карте, изображенной Михаэлем исходя из траектории его пути. Судя по этим данным, битва около воронки проходила совсем недалеко.

– *А если демоны решили обрушить гору?* – спросил Страж по имени Альфред.

В этот момент пространство содрогнулось. Раздался грохот – будто кто-то запустил огромный каменный валун по наклонной. По стене справа от отряда ударило со страшной силой – так что воинов отбросило к противоположной стене. Ударило снова – и по пещере поползла паутина трещин. Стражи укрылись щитами и достали мечи. После третьего удара в отряд швырнуло каменные глыбы. А за ними хлынули демоны.

Биться в узком пространстве тоннелей было довольно тяжело – теснота не позволяла орудовать мечом с максимальной маневренностью. Стражи прикрывали друг друга, держались поближе к стенам, но неудержимый поток бестий отделял воинов все дальше. Ровный строй поначалу разбился на несколько групп, уносимых все дальше от эпицентра волны, затем от групп стали отделяться одиночки.

Князя Тьмы не смущали не размеры пещер, ни количество демонов. Несмотря на то, что вчерашняя битва и встреча с Викой изрядно осушили запасы сил воина, смертоносный вихрь танцевал под низкими сводами, превращая в фарш все, что попадется ему на пути. Горы быстро разлагающихся трупов возводились в мгновение ока. Сколько проходило времени – час или вечность – для Князя было совершенно все равно. Его движения были настолько быстры, что сравнить Князя можно было только со звездой, несущейся в космическом пространстве – его гравитация притягивала к себе демонов, чтобы потом разрубать их на части.

Трещина в доспехе Князя дала о себе знать несколько часов спустя – в едва заметную щель проникло жало одного из чудищ и вонзилось в тело Стража. Боль, вызванная ранением, расширила уязвимое место еще больше. Князь заметил изъян в своей броне, но залатать его уже не представлялось возможным – состояние воина потеряло стабильность, чувства тоненькой струйкой сочились сквозь трещину в холодное сердце. Князь Тьмы начинал злиться.

– *Мы уже почти рядом,* – донеслись слова Михаэля. – *Продержитесь чуть-чуть, мой отряд завяз в битве.*

Стражи падали один за другим. Лишенные возможности восполнить силы из-за брони после вчерашней битвы, воины были не так энергичны как прежде. Окруженные, захвачен-

ные в плен потоком чудовищ, воины ослабевали и погибали. Они изначально понимали, что идут в ловушку, другого пути у Стражей не оставалось, а теперь в непоколебимый разум воинов долбила одна и та же мысль: выйти отсюда живыми им не удастся. Отряд захлебывался сумасшедшей мясорубкой и пониманием обреченности.

Неожиданно, пролетев тысячи километров, сквозь непроницаемую каменную толщу до Князя Тьмы добрался едва различимый сигнал:

Я жду тебя.

В одурманенном сражением разуме Князя возникла картина: он увидел Вику с засыпающей на ее коленях дочкой – мутное видение семьи и дома в лучах тусклого электрического света. Отопление продолжало работать, горячие батареи наполняли комнату уютом и безопасностью, так что бурлящая за окном зимняя вьюга лишь беспомощно билась в заиндевевшие стекла...

Как ты добралась до меня? – прорычало внутри Князя. – И на таком расстоянии не оставишь в покое! Тьма, твоя задумка? Что Ты делаешь?

А затем – яркая вспышка вонзилась в сознание. Картина проявилась отчетливо и голос Вики, совсем близкий, будто прокричал ему в самое ухо:

Помоги нам!

Чувство опасности хлынуло сквозь трещину в броне Князя, расширив ее до опасных размеров.

Это видение сработало детонатором. Огромное количество энергии потеряло контроль со стороны Князя Тьмы. Ледяная корка слетела с его жаркого сердца, тело воина стремительно разогревалось. Из щели в броне Князя показался язычок рыжего пламени. Огонек быстро перебросился на остальной доспех и он моментально вспыхнул. Подобно звезде, извергающей корональные выбросы, хлестали из воина плети энергии, но общий объем ее все еще держала «гравитация» доспеха. Полыхал даже меч – вернее то, отсутствием чего Стражи именовали своим оружием.

Демонов на миг озадачило перевоплощение своего врага. Первые ряды сгорели, так что и пепла не осталось, дальние на шаг отступили. Но замешательство сторон длилось недолго – теперь уже сам Князь Тьмы кинулся в атаку и, понимая неизбежность столкновения, чудовища ринулись навстречу.

Стражи, «вдохновленные» победами Князя, теперь не отступали. Воины отбросили мысль о поражении и с удвоенным усердием объединяли разрозненные части отряда. Демоны перенацелили свою злобу на главный источник энергии и опасности – пылающего внутренним огнем Князя Тьмы. Стражи били чудовищ в уродливые спины и наивными мотыльками приближались к вожаку.

– *Кучнее, ребята, не давайте им снова разорвать ряды.*

– *Скоро мы их раздавим.*

– *Князь опять соорудил какое-то заклинание.*

– *Пожалуй, такое только ему и Михаэлю по силам,* – жужжал информационный канал отряда.

Внутри Князя Тьмы бушевала отдельная битва: одно из его начал, дикое, первобытное, именуемое белым волком, услышало сигнал возлюбленной о помощи. Воин рвался покинуть поле боя и устремиться к ней. Другое, более рассудительное и хладнокровное, черный волк, желал остаться верным долгу и продолжать битву, даже если придется пожертвовать родными существами.

Каждое движение воина раздувало пламя все сильнее. Все жарче и тесней становилось в пещерах, все больше погибало демонов. И все стремительней разрушалась, плавилась его броня.

Пока Стража оберегал огонь, ранения были не серьезны, но как только энергия выгорит, или произойдет что-то, что заставит пламя погаснуть, Князь останется беззащитен. Сила изнутри ломала контроль над собой, она стремилась вырваться из области своей концентрации, чтобы распространиться в свободном пространстве.

– *Вот так. Акияма, заходи справа.*

– *Постараюсь расколоть их, прикройте мне спину!*

– *Я чувствую жар энергии даже через доспех...*

– *Всем стоять!* – прорезал вдруг голос Михаэля канал отряда. – *Не приближайтесь к Князю!*

Закрывайся немедленно! – этот сигнал воеводы был обращен уже напрямую Князю Тьмы, который находился в такой степени опьянения от играющих в нем сил, что мог только слышать, усваивать поступающую информацию. Но ответить на нее или предпринять какие-то действия он был не в состоянии.

От доспеха Князя отрывались целые горящие куски – чтобы плавиться уже на каменном полу пещеры. А под броней воина оголялось что-то совершенно неожиданное, давно уже не посещавшее этот мир благодаря стараниям Стражей, настоящее чудо – там зарождался Феникс.

– *Назад! Назад! Назад!..*

Глубинную тьму тысячелетних пещер вдруг пронзила ярчайшая вспышка и разлилась по запутанной сети тоннелей. Влажный мрак в ужасе заметался из стороны в сторону и, не найдя прибежища, впитался в дрожащие стены. Остатки доспеха, будто скорлупа, разлетелись в стороны, обнажив сияющую чистым пламенем энергии сказочную птицу.

Два огромных крыла Феникса распустились из кокона силы и плавными, стремительными движениями накатили на стены пещер, накрывая волной Стражей и демонов. Пылающий ураган загудел в тесных тоннелях, собирая предсмертные крики. Кое-где огненные гейзеры мощно выстреливали с поверхности горы.

Соприкоснувшись с пламенем, чудовища моментально вспыхивали, как порох. Стражи еще сопротивлялись. Доспехи воинов какое-то время держались против натиска свободной бесконтрольной энергии Князя, гасили напор, впитывали и нейтрализовывали ее. Это обстоятельство заметно ослабила силу волны, ибо даже тех капель энергии, что еще оставались в сосуде предводителя Стражей, хватило бы на то, чтобы расколоть гору на части.

Но броня воинов разрушалась под натиском бури. Информационные каналы панически шумели не только бессвязными сообщениями отряда, но и тех Стражей, что оставались на поверхности. Все чаще раздавались полные боли крики горящих заживо людей. С легкими хлопками света тут и там лопались доспехи, воины теряли свою защиту, покидали Тень, и оставались один на один с полыхающей смертью. Никто уже не мог им помочь...

Когда я пришел в себя, вокруг было уже тихо. Горячий воздух в пещерах сгустился в горький туман, провоцирующий рвотный, удушающий кашель; руки и ноги липли к черной нефтеобразной субстанции, растекшейся по полу. В тяжелом пространстве вокруг тлели бесформенные огоньки, разгоняющие мрак. Я присмотрелся – и различил в них догорающие останки разорванных на части человеческих тел. Ни демонов, ни Стражей – в пещерах не осталось живого движения.

Что делать дальше в этом кошмаре – я совершенно не понимал. Я был слаб и словно вывернут наизнанку. Вернуться в облик Стража не удалось. В памяти смутно, назойливо отгоняемые желанием поскорей выбраться отсюда, мелькали тени причины возникновения огненного братоубийства и все последующие события. Князь Тьмы куда-то пропал. Кажется, его вывел из себя внезапный сигнал от Вики – эта парочка категорически не переносит друг друга.

Я вскарабкался на ноги и постарался определить, в какой стороне находится выход. Но память не подсказывала ничего – в Тени пространство выглядело совсем иначе, так что ориентиров в ограниченном мировосприятии у меня не было.

Мысль о том, что моим девочкам грозит какая-то опасность на другом конце материка, не переставая, долбила сознание. Следовало куда-то идти, спешить пока не поздно. Я выбрал направление – и пошел.

Но когда последний источник света оказался позади, я остановился. Двигаться в полном мраке по этим пещерам было не только трудно, но и опасно. К тому же отряд забрался слишком глубоко, обычному человеку ничего не стоит сгинуть в таком лабиринте, расширенном не без участия демонов. Фонарика с собой не имелось, смастерить факел не представлялось возможным. Я вернулся на тот участок, где было еще достаточно светло, и стал ждать. Либо меня найдут Стражи, либо я смогу накопить достаточно силы, чтобы вернуться в Тень.

Отряд Михаэля показался спустя долгое время. Почти все угольки к тому моменту успели погаснуть и остыть. В голове жужжали мысли о Вике и Светике. Картины опасности, которой они подвергаются, рисовались в воображении одна страшней другой и я злился от собственного бессилия. Оставалась крохотная надежда на Стражей, оставленных в городе – они-то смогут защитить их от Хаоса. Но если угроза исходит от самих людей – тут Стражи вмешиваться не станут.

– *Вот ты где, камикадзе*, – насмешливо, без интонации сказал мне Михаэль. Его как будто не смутило мое сожжение сотни воинов. – *Нам пришлось оставить удобную позицию, чтобы поспеть к тебе раньше бестий.*

В сумраке пещеры замелькали тени и скоро заполнили пространство вокруг меня. Стражи, по всей видимости, отступали, я не знал деталей проходящей битвы, так как находился в состоянии человека.

Положение мое стало критическим – демоны были рядом, я не видел их, но точно знал, что это так. А значит, в любое мгновение смерть может выскочить из невидимого мира и поразить безоружного и уязвимого человечка. Конечно, был мизерный шанс, что демоны меня попросту не заметят, но на это рассчитывать не приходилось. Тем более если Хаос догадается, что Князь Тьмы сокрыт в глубине меня – тогда мне точно не выжить.

Я пятился назад, укрываясь за спинами Стражей, и не видел в этом ничего унижительного. Был миг, когда неуправляемый, животный страх чуть было не погнал меня во мрак пещер подальше от сражения, но один из Стражей ухватил меня за шиворот и приказал:

– Оставайся здесь.

Я знал, что рядом с воинами – самое безопасное место. Отступление Стражей прекратилось, меня окружили плотным кольцом. Что представляет собой Хаос в человеческом восприятии, понять было тяжело – я чувствовал лишь ураган энергии, бушующей по ту сторону стены защитников. Дышать стало практически невозможно – воздух будто окаменел, как эти древние тоннели.

А между тем братство отдавало жизни, защищая меня – заняв невыгодное положение, воины один за другим выпадали из Тени и погибали мучительной смертью.

Михаэль был прав, мне стоило бы вырвать сердце, чтобы остановить вторжение, но вместо этого погибали другие. Какой им толк от Князя, если он сидит сейчас беспомощно на полу пещеры, окруженный трупами павших собратьев? К тому же стал причиной уничтожения остатков своего отряда, пусть даже они и были уже обречены. Может быть, такой исход отвратил бы угрозу и от моих девочек?.. Следовало что-то предпринять, я понимал, что большинству Стражей не выбраться отсюда. Мы и без того потеряли больше половины в этом вторжении. Еще немного – и защищать планету будет уже некому.

– Михаэль! – прокричал я в отчаянии, не задумываясь о смысле своих слов, и очень надеялся, что воевода находился среди Стражей. – Прикажи им убить меня!

– Ты же умный человек, – раздался басистый смех Михаэля совсем рядом, – и понимаешь, что это невозможно. Стражей из моего отряда серьезно потрепал этот твой Феникс. У них истончилась броня, но они выжили. И не смотря ни на что защищают тебя сейчас. Где твоя благодарность? Жаль, огонь не дотянулся до воронки...

– Зря я привел их сюда, – обреченно проговорил я, взявшись за голову, – следовало бы дать воинам отдохнуть, накопить силу. Я знал, что веду их на смерть.

– *Другого выхода не было*, – ответил Михаэль так, чтобы услышать мог только я. – *По крайней мере, ты дал им шанс.*

После этого я сделал глупую попытку вырваться из окружения и попасть в лапы демонов, но кто-то очень грубо оттолкнул меня обратно, так что я врезался затылком в стену и едва не потерял сознание. По рядам защищающих пробежала волна – ураган Хаоса вонзился в кольцо Стражей мне навстречу.

Эти глупые действия заставили меня пожалеть о том, что Князь Тьмы сейчас валяется без сил где-то в глубине моего естества. Он-то уж точно не позволил свершиться таким выходкам. Состояние человека было еще не совсем привычным, и оголенные чувства выливались за край.

– Видишь, ты делаешь только хуже, – прогремел голос воеводы прямо у меня над головой. А затем что-то тяжелое свалилось сверху – это был сам Михаэль в человеческом теле. Старый и опытный воин совсем обессилел и покинул Тень – впервые за долгие годы.

Откуда-то возник тусклый свет, но я не стал выискивать его источник. Всю грудь старика изуродовало кровавое пятно, Михаэль был серьезно ранен. Я посадил воеводу возле стены и собирался как-то осмотреть рану, но он отстранил мои руки.

– Надо же, как давно я здесь не был... – прохрипел Михаэль. В его голосе больше не звучала былая энергия, силы стремительно покидали воина.

– Ты говорил, что Книга Тьмы наделит ее обладателя силой, способной остановить противостояние. Ты знаешь, где ее найти?! – почти кричал я в умирающее лицо старика.

Передо мной полулежало ссохшееся старческое тельце, ничуть не похожее на того славного воеводу. Однако глаза его – они были настолько живы, насколько это вообще возможно. Взор Михаэля проходил сквозь меня, сквозь толщу горы, пронизывал пространство и упирался в некую сияющую Истину. Свет ее притянул внимание и ослепил старика, так что воевода не мог и шевельнуться. Мне вспомнился воин по имени Рональд в битве возле Невинки – когда он умирал, глаза его светились таким же просветленным огнем. Рональд советовал мне сдаться, и я решил, что он попросту бредит. Но в этот миг я подумал, что на пороге смерти и ему, и Михаэлю открылось нечто такое, недоступное живым. Даже Стражам и Князю Тьмы.

– Д-да-а... – прохрипел в ответ Михаэль. И умер.

Отчаянию, посетившего меня в следующие секунды, не было предела. Я был ужасно зол на старика, унесшего с собой такую важную информацию.

Воины вокруг продолжали погибать, и я обреченно опустил голову – мы проиграли.

Что-то иное, совершенно чуждое, даже из другого мира двигалось по пещере. Вдалеке мелькал огонек – я видел, как свет ползет по своду, удлиняясь с каждой секундой, будто копье.

А затем яркий свет вспыхнул позади Стражей, превратив их темные силуэты в подобие привидений. Меня ослепило, какое-то время я не мог убрать руку от лица – белый нож нестерпимо резал глаза. А когда зрачки приспособились к освещению, я разгадал источник света – это были фонари в руках людей, непонятно как оказавшихся сейчас здесь, среди битвы между Хаосом и Тьмой.

Группа людей шагала по пещере, не обращая никакого внимания на бушующее вокруг них буйство энергии Хаоса – Он только и мог, что трепать полы ярких накидок, не причиняя при этом никакого вреда. Бритоголовые монахи двигались беспечно сквозь сражение, лишь сделали шаг в сторону, чтоб не столкнуться с тенями Стражей.

Такое явление глубоко поразило меня. Будь я в облике Князя Тьмы, непременно нашел бы объяснение этому, но сейчас процессия шагающих сквозь Хаос буддистов была чудом не меньшим, чем хождение Иисуса по воде. Я поднялся с пола и уставился на монахов, пораженный.

– Как вы это делаете? – спросил я. В ответ услышал пригласительную тарабарщину – монахи явно предлагали пройти с ними.

Я посмотрел на Стражей – они все так же бились с демонами, падали и умирали. Силы во мне было уже достаточно, чтобы вернуться в Тень и продолжить битву, но я должен был использовать энергию для того, чтобы отправиться в Невинку. Это решение приободренный Князь Тьмы встретил протестом и сыпал проклятиями в мой адрес – он не мог оставить братство погибать. А я знал, что моя первоочередная задача – это спасти Вику.

Стражи больше не сопротивлялись, когда я сделал попытку выйти из кольца. Михаэль был мертв. Воины отпускали меня, возможно надеясь, что так я быстрее найду свою смерть. Я действительно рисковал: Хаос мог либо наброситься на меня и разорвать, либо потерять в толпе монахов. Но выбирать следовало прямо сейчас.

Процессия удалялась все дальше от места сражения. Уже не содрогались стены тоннелей от бушующей внутри них силы, запах гари становился еле уловимым. Монахи шагали уверенно, они прекрасно знали эту дорогу. Мы карабкались по грубым, вырубленным в породе лестницам, обходили подземные озера, протискивались через узкие щели проходов. Иногда потолок опускался так низко, что двигаться вперед можно было только ползком. Все эти нюансы я не замечал в Тени, когда шел с отрядом, – тогда пространство выглядело более гладким.

Хаос не делал попыток настигнуть меня: то ли Стражи не давали Ему пройти, то ли действительно демоны не видели во мне угрозу. Я остался жив и был близок к выходу из гнетущих психологическую оболочку горных тоннелей. Понимание этого вдыхало радость в уставшее тело и способствовало быстрой генерации сил. Вскоре я жалел лишь о том, что монахи шагают слишком медленно, в то время как стоило бы бегом бежать из этих пещер на свежий воздух и яркое Солнце!

Желание мое исполнилось довольно скоро. Гора внезапно ожила, тряхнуло, пол ушел из-под ног, меня отбросило к стене. Где-то в глубине каменного исполина раздался гул и треск, будто трутся друг о друга огромные валуны. Сверху посыпались камни с песком. Гул повторился – его злое эхо угрожающе пролетело по пещерам. Буддисты ускорили темп, пол под нами ходил ходуном.

Вскоре мы почти бежали, прислонившись к одной из стен, чтобы от толчков нас реже било о твердую поверхность пещеры. К тому времени уже показались первые алтари с золотыми фигурками Будды, насыщенный благовониями воздух смешался с горькой пылью.

Белый свет появился впереди внезапно и так же внезапно охватил меня со всех сторон. Свежий ветер бил в лицо и колюче наполнял легкие. Под ногами мелькала каменно-снежная поверхность. Я бежал, падал, вставал, снова бежал и снова падал... Позади не переставая гудела гора.

Булыжник, подвернувшийся под ноги, вывел меня из равновесия – земля встала вертикально, я едва успел прикрыть голову руками. Затем кубарем прокатился несколько метров по наклонной – и увидел хмурое, полное снежных хлопьев небо.

Я сел и посмотрел на гору. Мои ярко-оранжевые спутники стояли метрах в двадцати от меня и наблюдали за тем, как от громадного каменного массива отделяются целые скальные

пласты и рушатся вниз. Словно кто-то божественный режет гору тонкими порциями, будто слоеный торт. Вскоре гора исчезла в сером облаке пыли – о дальнейших разрушениях говорили только страшные звуки, долетающие с той стороны, треск ледника и стоны земли.

Твари Хаоса все-таки вывели каменного гиганта из тысячелетнего равновесия, изгрызли недра горы будто короеды – старый дуб. Появление Феникса завершило работу. К счастью, обрушился только один из склонов – большая часть горы устояла. Мне оставалось только надеяться на то, что некоторым Стражам удалось спастись. Насколько бы сильными не были воины братства – из подобной гробницы не выбраться даже им.

Бросаться откапывать выживших я не стал – затея смелая и благородная, но с малой надеждой на успех. Я забрался в Тень и постарался оценить обстановку: выжившие воины все-таки были – из числа тех, кто находился снаружи. Они постараются оказать помощь тем Стражам, кого еще можно было спасти под завалами. Следов Хаоса не было видно.

Телепорт дался с трудом – я вызывал его уже на краю бессилия. Впрочем, многим из Стражей такой трюк вообще неподвластен. Я мог лишь благодарить Тьму за тот клочок накопленной энергии, позволившей вернуться к Вике. Свистящая воронка быстро набрала достаточно скорости для перемещения, и я с нетерпением запрыгнул в нее.

Глава 6

Снежное облако, поднятое центробежной силой телепорта, медленно оседало вокруг. За белой пеленой постепенно вырисовывались очертания пейзажа, впрочем, такого же белого цвета. Определить местность удалось не сразу: в спешке я отправил себя не в сам город, а на его окраину – Невинскую гору. Но нет худа без добра – отсюда открывался прекрасный вид на заснеженную долину. Позднее зимнее Солнце едва выглядывало из-за горизонта, позолачивая снизу редкие облака. Небо радостно встречало новое утро.

Со стороны склоны горы выглядели идеально ровными, но стоило сделать неверный шаг – и можно было утонуть в сугробе по горло. Я с трудом пробирался вниз, скользя, падая, проваливаясь, так что очень скоро стал похож на снеговика.

Помнится, местные дети любили накатывать горки на этих склонах, чтобы затем с радостными криками проехать вниз на большой скорости. Я бы и сам сейчас воспользовался таким транспортом. Но, ни одна горка так и не встретила по пути.

Хотя картина должна была бы выглядеть более чем забавно: Князь Тьмы, скатывающийся верхом на санках. В сознании человека после этой фразы должен бы возникнуть образ Темного Властелина, облаченного в черный доспех, с водруженным на голову рогатым шлемом, черный плащ развеивается на ветру. В черных латаных рукавицах поводья маленьких разноцветных санок. И все каменное сердце Властелина никак не реагирует на то путешествие, которое возбуждает чувство радости у детворы всех времен. Он остается беспристрастен, ибо рожден управлять ордами своих верных слуг и захватывать мирные царства. Все, что ему в данный момент нужно – это спуститься как можно скорее с этой чертовой горы.

Если словосочетание «Князь Тьмы» вызывает в вас подобные образы – вы обмануты.

Холод постепенно сковывал суставы пальцев, однако остальное тело буквально горело от жара. Я покинул мир людей ранней осенью и с тех пор не было возможности посетить магазин одежды. Так что все мое облачение состояло из ботинок, джинсов и футболки с длинными рукавами – все это добро, кроме обуви, одревенело под действием пота, крови и мороза. Будь я сейчас в Тени, этот факт не имел бы и мизерного значения, но доступ туда на время был закрыт, я с легкостью мог замерзнуть этим чудесным январским утром.

Преодолев последние метры крутого склона, я побежал. Город был в паре километров, но пешком по снегу на преодоление этого расстояния ушло бы много ценного времени. Сигналов от Вики больше не поступало. Успею ли я? чего так боится Вика? – и подобные вопросы сверлили голову. Сфера неведения, окружившая меня, действовала угнетающе.

Солнце уже взобралось на облака, серые многоэтажки выросли впереди из белого снега. До этой части города демоны не успели добраться, так что на первый взгляд могло показаться, что жизнь течет здесь привычной чередой. Люди собирались на конечной остановке, погружались в автобусы, чтобы отправиться по своим утренним делам. Только вот быстро заполняемая вереница общественного транспорта, впрочем, не спешившего отправляться по маршруту, и неожиданно большое количество пассажиров были не совсем свойственны этому району. К тому же, приблизившись, я разглядел несколько автомобилей полиции и МЧС, сотрудники органов сновали между «пассажирами» на остановке и даже как будто заталкивали их внутрь. Все это выглядело довольно странно. Эвакуация? Похоже на то. Куда же их собираются везти? Неужели орда снова активизировалась?

Собрав последние силы, я ускорил бег. Из рта к тому моменту вырывались надрывные хрипы, глаза лезли на лоб от напряжения, ноги подкашивались. Я должен был успеть сесть в один из автобусов до их отправки. Если население и правда эвакуируют, это единственный способ как можно скорее добраться до Вики с дочкой.

Последняя группа уже почти погрузилась в салон, когда я добрался до пункта сбора. Несколько спасателей махали призывно руками, требуя поспешить. Затем как-то неожиданно на мне оказалась зимняя куртка со значком «МЧС России».

– Поедешь с нами, – оглядев меня, произнес капитан (если верить погонам) – спасатель лет сорока с твердыми чертами лица – и затолкнул в кабину служебной «Газели» – поближе к печке. Я оказался между капитаном и водителем, зеркало заднего вида висело перед глазами. Вид у меня был не самым свежим – оказалось, я не только был весь в снегу, а по большей части измазанным в крови и саже, оставшихся на память после Тибетских пещер. Стало ясно, почему мне выделили такое «vip-ложе».

– Что случилось, парень? – спросил капитан, когда отдал последние указания и караван автобусов тронулся. – Ты ранен?

– Дом сгорел, – придумал я. Челюсть словно окаменела, слова произносились с огромным трудом.

– Ранения есть? Чья эта кровь? – допытывался спасатель.

– Не моя.

– Андрюх, сделай печку потише, – попросил капитан у водителя. – И постепенно добавляй по дороге.

– Давай, снимай куртку, – сказал капитан, когда воздух в кабине достаточно прогрелся. – Надо снять твою одежду, – и сам принялся стягивать с меня свою фуфайку – в кабине микроавтобуса между водителем и вторым пассажиром сделать это было довольно сложно. – Брюки придется оставить, запасных у меня нету, а вот остальное мы сейчас тебе раздобудем. Сань, – крикнул капитан в салон, – посмотри там возле ящика ботинки стояли. И кинь мою запасную куртку и фуфайку Толька. Она ему уже не пригодится...

Пока я переодевался с помощью спасателя, капитан внимательно искал на мне следы ранений и обморожения.

– Конечно, хорошо бы чаем тебя горячим напоить, – бормотал капитан, – но чего нет, того нет. Ты мне вот что скажи: ты видел... *этих*? – вдруг спросил он.

– Кого? – не понял я.

– Тварей этих, – неловко пояснил спасатель. Я заглянул ему в глаза – капитан казался абсолютно трезвым и адекватно воспринимающим реальность.

– Каких? – тупо спросил я, грозя выставить себя полным дураком.

– О которых все говорят. Я сам не видел, но склонен доверять докладам своих людей... Блять, хуйня какая-то происходит, не иначе! – вдруг не выдержал и разматерился капитан. – Ладно, хрен с ним, свалился этот метеорит, смерч поднялся, выкосил половину города. Это все нормально, с этим мы, может, и не сталкивались, но все это понятно. Но, сука, когда это зверье появляется прямо из земли и начинает рвать толпу народа... это пиздец полный!

Только тут я понял, о чем говорил капитан. Люди увидели Хаос. Вернее – его скрытую от самих себя визуализацию. Странное дело: сначала одни совершенно игнорируют демонов, причем бестии отвечают им холодной взаимностью, затем другие вдруг начинают видеть то, чего нельзя заметить, не переместив сознания в Тень...

– И что теперь, что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Что, что... хорошо бы взять всех разом да вывезти подальше из этого проклятого города. Но Святые Отцы считают иначе.

– Священники?

– Как тебе сказать, – капитан вдруг замялся. – Официальные служители Церкви не дали никаких комментариев. Лишь поддержали МЧС по вопросу эвакуации. Каких-либо активных действий со стороны Церкви не последовало.

– Так что же вам мешает?

– Первая колонна едва успела покинуть черту города. Внутри автобусов после происшествия остался один фарш... Это я сам видел, зрелище жуткое. Просто наизнанку выворачивает...

– Значит, покинуть город не удастся? Они никого не пускают?

– Кое-кому удавалось вырваться, – задумчиво произнес капитан, – но эта бойня в автобусе парализовала страхом весь город. Люди боятся даже сделать шаг из дома.

– А что правительство? Сюда присылали команды МЧС, журналистов, войска?

– Невинка отсечена от внешнего мира. Исходящие сигналы в другие населенные пункты не проходят. Входящие – не поступают. Железные дороги и трассы пустуют, как будто транспорт не может сюда добраться. Но это удивляет меньше всего – недавний буран замел все дороги в этом районе. Заводы стоят. Все стоит. Мы пока не знаем, что происходит в остальном мире, но я боюсь – то же самое. Люди подавлены, одни готовы наложить на себя руки, другие – сделать все, лишь бы этот кошмар закончился.

Я чувствовал, что капитану не по себе. Находишь ситуацию в логичных пределах, спасатель вряд ли был столь словоохотлив с незнакомцем. Но сейчас он говорил – говорил все, что знал в надежде получить и от меня хоть какую-то информацию, способную объединить происходящее в более-менее разумную картину.

– Куда мы направляемся?

– На место сбора. Вчера вечером Святые Отцы распорядились собрать всех уцелевших возле администрации для богослужения.

– Значит, теперь эти Отцы всем заправляют? – многое же здесь изменилось за сутки! – Кто они такие, если не относятся к Церкви?

Капитан виновато посмотрел на меня:

– Может быть особо верующие, может быть что-то еще... Я думаю, эти люди знают, что делают. Они очень убедительны. Нам больше ничего не остается, как только слушать Отцов.

Кортеж приближался к центральной улице города, дорога впереди была заблокирована длинной цепочкой автобусов и служебных автомобилей.

Началась высадка пассажиров. Люди выходили из салонов, боязливо озирались по сторонам и с недоверием глядели на серьезные лица сотрудников полиции, довольно спешно и несколько грубо организовывающих высадку. Впрочем, ребята из МВД выглядели немногим лучше обычного люда, но привычка исполнять приказы, осознание своей роли во всем этом действе и висевшие на плечах автоматы дарили им иллюзию общности, защищенности и правильности своих действий.

Спасатели МЧС присоединились к работе полицейских, а меня подхватило течение толпы и понесло к морю голов впереди. Уцелевшие жители Невинки выстраивались в длинный ряд вдоль главной улицы перед зданием администрации.

Организаторы собрания, видимо, решили соорудить на площади перед «белым домом» церковь под открытым небом. На конструкциях разных размеров, напоминающих мольберты, установлены были иконы, в большом количестве расставлены канделябры с горящими свечами. Позади располагались странные помосты, напоминающие ширмы иллюзионистов, только в разы больше. Содержимое помостов скрывали черные занавеси. Всего сооружений я насчитал двенадцать штук.

В центре площади церковных хор из юношей и девушек, окруженных микрофонными стойками, напевал какую-то песнь или молитву, разносимую динамиками по всей улице:

– *Све-е-те ти-и-хий, святы-ы-я сла-а-вы*
Бессме-е-ртного Отца-а Небе-е-сного...
Святаго блаженного, Иисусе Христе-е,
Пришедшие на За-а-пад Со-олнца.
Видевшие све-ет вече-е-рний,

*По-ё-ом Отца-а, Сы-ы-на, и Святого Ду-у-ха Бо-о-ога,
Достоин еси, во вся времена,
Пе-ет быти гла-а-сы преподо-о-обными.
Сы-ы-не Бо-о-ожий, живо-от дай,
Тем же ми-ир тя сла-а-вит...
Сла-а-а-а-вит...*

Атмосфера претендовала на богослужение. Угнетенное сознание народа при виде такого представления получала дозу надежды, каплю облегчения. Даже ярые атеисты и безбожники всем сердцем тянулись внутренней неумелой молитвой к Богу, лишь бы отпустил их страх и жизнь вернулась в прежнее русло. Многие держали иконы и горящие свечи. По лицам людей текли слезы, губы горячо шептали просьбы, обращенные Небесному Отцу. Не было и намека на беспорядки или протест со стороны других конфессий – перед лицом общего Врага люди объединили и своих богов в Одного Единого.

Отыскать Вику в этой толпе было для меня сложной задачей, почти невыполнимой. Конечно, я мог бы воспользоваться Тенью, но это снова истощило бы меня, а силы необходимо было копить на крайний случай. К тому же я не ел и не спал несколько дней, и энергия Тьмы компенсировала эту потребность, поддерживая тело в жизнеспособном, активном состоянии. Я следовал логике и пробирался на ту сторону дороги, откуда должны были прибыть автобусы из микрорайона Вики. Если ее привезли сюда, значит она где-то там.

Вика и Светик нашлись совершенно случайно – я чуть было не пропустил их, если бы не окрик кого-то, кого я в спешке пихнул по дороге. Мы протиснулись друг к другу и обнялись.

– Я переживала за тебя, – произнесла Вика, уткнувшись мне в грудь. – Ты весь в крови.

– Не моя, – сухо ответил я. Пора бы хоть умыться, а то так и придется бесконечно повторять эту фразу. Потом добавил нежнее: – Я последний человек, за которого стоило бы переживать. Вы в порядке?

Вика посмотрела на меня снизу вверх и кивнула. Я взял Свету из рук Вики, девочка была тепло укутана зимней одеждой, так что видна была лишь узкая полоска голубых глаз между шарфом и шапкой. Дочка вела себя тихо – то ли замерзла, то ли была напугана этим столпотворением.

– Что будем делать? – спросила Вика.

– Мне нужно набраться сил, пока останемся здесь. Я не знаю, что замыслил Хаос. Но пока здесь Стражи, лучше никуда не уходить.

– Это они? – спросила Вика, указывая куда-то поверх голов. Я проследил за ее взглядом и действительно обнаружил темные силуэты воинов, расставленных по периметру улицы.

– Давно ты их увидела?

– Не знаю. Видела, когда садились в автобус, потом когда ехали, и вот сейчас... Вчера еще замечала каких-то странных личностей.

Невысказанный вопрос к Тьме всплыл в моей памяти. Вике по какой-то причине открылся коридор, по которому идут Искатели в поиске Храма. Она общается с Тьмой, видит Стражей, и неизвестно еще какие тайны ей успели открыться. Меня настораживал этот факт. Чтобы из яйца появился птенец, яйцо должно быть разрушено изнутри, а не снаружи. Что бы ни стояло за этим – Хаос или Тьма – оно вряд ли желает Вике долгой и счастливой жизни.

Между тем песнопения кончились. Отсюда не было видно площади «белого дома», так что оставалось только догадываться, что происходит на «сцене» этой импровизированной церкви. После некоторой паузы динамики снова ожили – с их помощью вещал низкий округлый голос, привыкший говорить громко и слегка нараспев:

– Светлого утра в эти темные времена, дорогие братья и сестры! – начал голос, произнеся слово «сестры» непосредственно с буквой «е». – Ужас пришел в наши земли и пле-

нил сердце каждого из нас! Смерть гуляет по городу и разоряет наш народ! Мы все когда-то считали Апокалипсис метафорической страшилкой и пытались найти в словах Иоанна Богослова тайный смысл, икали истину там, где ее нет и быть не может. Но он – любимый ученик Христа – не скрывал от нас правды! – Гремящий над толпой голос напоминал мне заклинание Михаэля в стенах Храма. – Сегодня мы собрали всех вас для того, чтобы сообщить: Суд Божий не за горами! Терпение Его подошло к концу, Господь требует от нас ответа за то зло, которому мы давали возможность твориться на своей земле. Только мы – богоизбранные и верные чада Его – можем положить конец бесчинствам Зверя и его приспешников во всем мире. Отсюда, из Священной Руси, мы начнем свой очистительный поход! Когда-то Господь отдал в жертву сына Своего ради искупления человеческих грехов, но сейчас Он уже не станет этого делать. Сейчас – наша очередь приносить Ему свои жертвы!

Толпа заволновалась – люди стремились скомпоноваться в центре, чтобы лучше разглядеть происходящее на «сцене». Народная волна уносила и нас ближе к администрации, начиналась страшная давка.

– Не суетитесь, братья и сестры, – вновь заговорили динамики. – Сегодня каждый станет зрителем нашего суда!

И действительно – внезапно ожили интерактивные рекламные щиты, транслируя службу неведомых Отцов. На экранах возникла фигура человека с микрофоном в руке, облаченного в парадную золотую мантию и клобук. Камера снимала происходящее издали, сверху вниз под углом, будто была подвешена на фонарном столбе. Отцы хорошо подготовились к своему выступлению.

– Мне очень безразлично использовать технологии Зверя, – сказал Отец, – но сегодня его оружие обернется против него самого. Мы не стали сразу включать трансляцию, чтобы не мешать этим вашей молитве.

На мониторах началось движение: десятки людей сновали туда-сюда, переставляли иконы, канделябры и прочие церковные приспособления, чтобы помосты с черными ширмами были лучше видны публике. В толпе разгоралось любопытство.

– Долгие годы зло оставалось безнаказанным, – продолжал вещать святой Отец. – Долгие годы зло судило добро и амнистировало зло. Пока Господь не сказал нам: «Хватит! Либо вы сами это остановите, либо это сделаю Я!». – С этими словами оратор дал знак своим помощникам – и черные занавески слетели с помостов. То, что открылось пораженным зрителям, казалось диким, неуместным, ужасающим, но в то же время вполне ожидаемым – металлические столбы с прикованными к ним фигурами людей. А вокруг столбов – шалаши из тонких досок. В мгновение ока смена декораций превратила импровизированную церковь в эшафот.

По толпе пробежал вздох удивления, но никто не выразил своего протеста. Страх и отчаяние разбудили в людях веру, они обратились к чему-то, чего раньше не понимали, старались обходить стороной, в надежде спасти свой мир, свое сознание. Цеплялись хоть за какое-то привычное понимание всего происходящего безумия. Люди жаждали ответа и Отцы предоставили его им. И если для свершения справедливости необходимы человеческие жертвы – толпа поддержит своих спасителей. Кого угодно, как угодно, лишь бы кто-то другой понес наказание.

– Что они делают, – прошептала Вика.

– Здесь – одиннадцать, предавших народ и учение Иисуса Христа. Те, кто не только сам себя все больше погружал в клоаку грехов, но и поощрял их распространение. Убийства, воровство, жестокость, предательство, алчность, ложь и сексуальные извращения – это лишь часть из списка содеянного этими людьми. Они и подобные им притягивают к мирной земле войско Сатаны и отворачивают светлый взгляд все милостивейшего Спасителя. Представители коррумпированной администрации и предавшего веру духовенства, жадные биз-

несмены и лицемерные стражи порядка. Мы нашли их, с божьей помощью. И никто впредь не укроется от нашего праведного суда! Мы вернем милость Господа и порядок!

Теперь уже не было удивления и недоверия в глазах собравшихся. Теперь они всецело поддерживали Святых Отцов. Любой, кто в Смутное Время сможет дать людям правдоподобный ответ, получит власть управлять ими. Поэтому Смутное Время никогда не кончается на нашей земле.

– Останови их, – шептала мне Вика. – Это же безумие, они ничего не знают. Эти люди на столбах не заслужили такой ужасной смерти. Они, может быть, и виноваты, но... только не так. – По ее щекам катились крупные слезы.

Те, кто захотят обманом уверить в своей правоте, будут рисовать оппонента в самых черных, мерзких, отталкивающих тонах. А себя преподнесут святыми и облаченными в белоснежные одежды. Ибо заставить – их главная цель, превышающая правду. В то время как истина – бесцветна. У этих людей нет ничего кроме своих иллюзий и желания впарить эти иллюзии другим. Если темнота скрывает, то яркий свет может только ослепить.

– Молитесь за их души, – вещал Отец.

– Один столб пустует, – напомнил я. – Вероятно, они ждут кого-то, и не будут пока начинать церемонию.

Но казнь отсрочивать никто не собирался. Может быть, у Отцов возникли некоторые «закулисные» проблемы, связанные с двенадцатым участником аутодафе? Оратор отошел в сторону и отдал «сцену» новому действующему лицу – монаху, с ног до головы облаченному в черную рясу, голову его скрывал глубокий капюшон. В руках монаха пылал чадный факел – Отцы, как приверженцы догм, решили далеко не отступать от средневековой традиции сожжения. Люди на столбах яростно кричали и дергались, стремясь вырваться из пут. Ожидание своей смерти, своей жуткой смерти в огне полностью лишало их рассудка.

В динамиках снова зазвучал хор голосов. Но это были уже не дети, славящие Христа, а густые голоса Отцов, читающих молитву:

– Да воскреснет Бог, и расточатся связи Его, и да бежит от лица Его ненавидящие Его...

– Пожалуйста, – шептала Вика.

Страж никогда не вмешивается во внутренние дела людей. Но я больше не считал себя Стражем. Плюнув на все возможные последствия, я отправился в Тень, чтобы спасти бедняг от лютой смерти.

Пространство исказилось, точнее – вернулось в исходное состояние, и то, что я увидел, глубоко меня поразило: в толпе на улице Невинки собрались сотни демонов самых разных визуализаций. Тех же самых демонов, с которыми совсем недавно бились мои воины. Они находились в толпе, они стояли возле эшафота. Теперь стало ясно, куда делись те исчадия Хаоса – они затерялись в людской массе. Демоны использовали страх людей, чтобы подчинить их себе. Воины братства наблюдали за происходящим в стороне, им не было никакого дела до человеческой возни. Главной целью Стража было отразить атаки Хаоса, если Тому вздумается вновь напасть на город.

– *Константин!* – воззвал я к воеводе. – *Почему вы стоите? Почему не защищаете город? Демоны здесь, они среди толпы! Битва еще не окончилась!*

– *Здесь нет Хаоса, Князь,* – спокойно ответил Константин. – *Здесь только люди, превратившиеся в чудовищ.*

Как же они не видят их? Стражи что, ослепли? Это ведь не люди, это Хаос!

Броня Князя на мне представляло собой жалкое зрелище. Некогда идеально подогнанные латы, защищающие с ног до головы, были цельным монолитом на теле. Теперь это был наспех скованный доспех с огромными трещинами, через которые сочился свет внутренней энергии. Стоило больших усилий удерживать пластины вместе, чтобы броня не развалилась на части. За мной тянулся целый шлейф из кусков рассыпающегося доспеха.

Пробираться сквозь толпу в Тени было намного проще. Я оказался у эшафота раньше, чем монах-палач успел поднести свой факел к первому костру.

— ...Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих, радуйся Пречестный и Животворящий Кресте Господень! — продолжал читать молитву хор Отцов, и жужжащий шепот толпы вторил им.

Я устремился к монаху, полный решимости прервать аутодафе, как вдруг кто-то с силой схватил меня сзади и рванул на себя. Я упал. Надо мной выросли двое ликующих демонов. В отличие от исчадий Хаоса эти твари казались менее проворными и не столь смертоносными. Я сразу понял, что это люди с заключенными в них частицами Врага. Почти такое же существо я встретил и в захваченном террористами доме Вики. При этом они видели меня, не находясь в Тени.

Я намеревался бороться с получудовищами, выхватил свой меч, но тот лишь натыкался на живую плоть, не причиняя ей никакого вреда. Мне вспомнилось мое первое знакомство с этим оружием, когда я хотел проверить лезвие на остроту, но оно оказалось неэффективно тупым. В мире материи мое оружие не действовало. Если осьминога в захваченном доме и подобных созданий удавалось сразить, то лишь потому, что я ясно видел в них источник Хаоса. В Отцах же Его доля было несоразмерно мала, так что обнаружить ее, прицелиться и нанести удар было почти невозможно без должной настройки. Враг рассчитывал именно на это.

Попытка подчинить полулюдей своей воле тоже провалилась — Хаос цепко держал соответствующие нити Судьбы и отдавать управление никому не собирался.

Борьба с полудемонами вызвала стремительное разложение доспеха Стража на мне. Я был зол, я был в отчаянии. Чувство обреченности вливало в меня силы для того, чтобы я смог справиться с угрозой. Энергия во мне катастрофически росла, броня разваливалась массивными кусками. Моя спасательная операция провалилась и грозила появлением нового Феникса. Я бы с радостью выпустил его наружу, пусть уничтожит здесь все. Но среди толпы находилась Вика с дочкой. На их жертвы я не готов был идти.

Единственное, что оставалось — это покинуть Тень. Самоубийственное решение.

В лицо ударил зимний мороз, правая щека прижималась к чему-то холодному и мокрому. Я лежал на площади, придавленный грузом двух Отцов. Хор продолжал надирать динамики, монах поджег первый костер и теперь двигался к следующему.

— ...Прогоняй беси силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшего силу дьявола, и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицей и со всеми святыми во веки. Аминь.

Удостоверившись, что я выдохся и больше не способен к сопротивлению, Отцы подняли меня на ноги и скрутили руки так, что любое движение отдавалось нестерпимой болью. Я стоял в согнутом положении, так что перед глазами были только заледенелые плитки площади. Чтобы посмотреть вперед, требовалось выгнуть шею насколько это возможно, но даже тогда я мог разглядеть только узкую полоску богобоязненной толпы, с любопытством глядящей на новую жертву.

— Вам знакомо лицо этого человека? — спросил оратор. Отцы чуть ослабили хватку, чтобы я смог немного выровняться, и потеряли мне лицо колючим снегом. — Вы вспомнили, кто он такой? Это один из тех, кто обольщал народ по всему миру своими песнями, кто призывал отринуть Божественную почву и падать в неизвестность. Он говорил на равных с еретиками и язычниками. Он говорил, что план — это упование на удачу, и не видел в нем никакого Божьего промысла. Возомнил себя Создателем! И Господь отметил этого человека. В ночь, когда он и его бесовские друзья творили свою отвратительную мессу, призвав на нее

весь город, Господь указал на них Своей огненной дланью. Бог хотел, чтобы мы остановили мракобесие. Но мы этого не сделали! Мы проигнорировали знамение, за что теперь и платим своими жизнями. Этот человек повинен в том, что выпустил адских тварей на нашу землю!

На удивление мне толпа громко поддержала святого Отца. Отовсюду неслись крики, обвинения, проклятия. За словами могли бы отправиться и камни, если бы рядом со мной не стояли Отцы.

– Но мы помолимся и за твою душу, – милостиво закончил оратор.

Еще один аспект тирании и управления – вменить человеку несуществующую вину и показать свою возможность исправить положение.

Руки снова пронзила боль – палачи отвернули меня от толпы и повели в сторону. Краем глаз я видел приближающийся столб. Отцы знали, что я приду, и оставили один костер для меня. Как же иронично глупо я попался и остался заложником своих сил и возможностей!

Все попытки вырваться не увенчались успехом, Отцы лишь укрепляли хватку. Суставам грозил вывих, но какой толк от целых рук для обреченного? Наоборот – чем больше боли он успеет почувствовать за краткий остаток своей жизни, тем больше получают удовольствия палачи и их паства и тем прочнее станет их вера. Отцы с великим наслаждением подвергли бы пыткам свои жертвы, если бы не торопились закончить казнь.

В какой-то момент монахам надоели мои усилия – и меня оглушили. Спустя паузу беспомощно я очутился уже на эшафоте, несколько Отцов звенели цепями, приковывая меня к столбу. Рядом уже пылало несколько костров, люди выли и кричали за пеленой бензино-древесного дыма. Те, кто ожидал своей участи, рыдали и осыпали проклятиями весь белый свет.

Монах с факелом в руке подходил все ближе, все тяжелее давило на голову чувство обреченности, но не страха. Я перестал сопротивляться. Может быть, это справедливо? Может быть, мы, Стражи, действительно заслужили костер за то, что устраиваем поле боя на этой планете, нарушая мирную и счастливую человеческую жизнь? Может быть, я должен погибнуть для того, чтобы братство смогло победить Врага? Может быть, то, что происходит, происходит по велению Тьмы?.. Я уже и забыл, когда в последний раз разговаривал с Ней, но не видел в этом никакой нужды. Когда появился Князь Тьмы, Она стала как будто частью меня самого...

Пропитанные доски подо мной вспыхнули и сухо затрещали. Вот и все, скоро закончится весь этот кошмар. Князь Тьмы уйдет в небытие, Стражи окончательно разгромят Хаос, а Вика... Вика...

В толпе кто-то пронзительно кричал, сквозь пелену черно-серого дыма я едва различил Вику с дочкой на руках. Ее держали двое полицейских на краю площади, несколько Отцов спешили к нарушительнице порядка. После недолгой и грубой возни, Вику повели куда-то в сторону, подальше от толпы. Эти психопаты могли сделать с ними все что угодно, сознание услужливо рисовало страшные картины пыток. Я рассказал ей слишком много, а инквизиторы, узнав обо всем, отправят Вику следом за мной.

Я мысленно выругался за слабость позволить вот так вот запросто приковать себя к жертвенному костру и оставить своих девочек, свою семью, один на один с этим кошмаром. Между тем пламя выросло вокруг меня стеной. Я начал дергать цепи, но прочный металл плевал на жалкие потуги человека. Уходить в Тень было опасно, даже той толике энергии, успевшей накопиться во мне, хватило бы разнести тут все вдребезги. Я понимал, что управлять силой в таком состоянии было невозможно.

И вдруг я осознал, что огонь меня совершенно не обжигает. Я вспомнил, что когда-то держал его в руках, будто маленького зверька. А затем в Храме буквально купался в нем, и тогда жар пламени был не просто теплом, а живительной энергией. Удивительно, но с тех пор я никогда не получал ожоги. И сейчас огонь, мой друг и союзник, не мог причинить мне никакого вреда. Понимание этого моментально окрылило.

Я глубоко вдохнул – и языки огня устремились через ноздри, заполняя легкие. Спустя несколько вдохов пламя уже распространилось по всему телу и стало заполнять его. Цепи застонали, из последних сил стараясь удержать своего пленника. Я вдохнул еще раз – и стальные пути разорвались.

Раньше, когда я впервые увидел себя настоящего – бледное мерцающее энергетическое тело – я был простым существом с небольшим запасом личного света. Затем, на Невинском концерте группы «Седьмая тропа», я сгенерировал огромный объем энергии и впитал его в себя. Конечно, сразу за этим мне пришлось почти всю эту силу израсходовать, но она успела увеличить мой потенциал за счет полной потери личного изначального света. То есть, раздула энергетический сосуд моего тела, как расширяется желудок обжоры. Впоследствии в этот «желудок» я мог накапливать гораздо больше силы, чем доступно простому человеку или даже Стражу, но и не был застрахован от ее полной потери, так как личный свет служил еще и неприкосновенным запасом человека и окончательно мог израсходоваться только в случае смерти. Чем больше размер этого «желудка» у существа, тем легче туда поступает энергия. И тем мощней будет инерционная сила, если этот сосуд резко опорожнить. Я напоминаю это для того, чтобы вам легче было представить все последующие события.

Освободившись от цепей, я ликовал. Я думал, что обманул Хаос, ибо Ему в очередной раз не удалось расправиться со мной. Я ликовал над Отцами, возмнившими себя судьями, десницей своего молодого бога. Я радовался, что мне удалось избежать страшной смерти. Это светлое чувство победы и радости распространялось от меня яркими лучами энергии, расходившимися по всем каналам Судьбы, заполнившей сначала площадь, а затем, пронзая даже бетонные стены домов, охватило весь город. Сила текла из меня так легко, и так приятно было излучать ее, что контролировать этот процесс я больше не мог. Блаженство, эйфория одурманили моих верных волков.

Пораженная площадь смотрела на чудо – костер одного из приговоренных вдруг начал гаснуть. Потом бедолага сбросил цепи и улыбнулся струдившейся на площади толпе. На эшафоте вспыхнуло яркое солнце.

А затем – начались действительные чудеса. Снег таял на прогретом асфальте и от теплого воздуха; на деревьях мгновенно возникли и распустились почки; совсем юные светло-зеленые ростки проклюнулись из парящей земли. На клумбах с фантастической быстротой набухали и распускались разноцветные бутоны. Все аккумуляторы ближайших автомобилей, батареи телефонов и прочих девайсов зарядились до отказа. Вспыхнули фонарные столбы, новогодние гирлянды на елках и в окнах домов, зацвели витрины магазинов. Тяжелые облака бросились в стороны прочь от города, слезли с неба, словно старая загубевшая кожа, обнажив молодую синеву...

Неожиданная весна распространялась от эшафота, заполняла дома, улицы, районы, весь город – и текла дальше по Кубанской долине. За несколько минут в радиусе нескольких десятков километров от Невинки возник цветущий эдем посреди законной зимы.

Неужели это Господь явился к ним? Неужели Он услышал их молитвы и взошел на костер, дабы испытать их веру? Неужели закончится этот кошмар?.. Люди в благоговении опускались на стремительно тающий снег, демонстрируя покорность и свое бессилие перед Высшим Разумом, перед Спасителем.

А Высший Разум тем временем одурманила победа и стремление поднять свой стяг, возвыситься над остальными, так что ни о каком разуме у этого существа и речи идти не могло.

Я, будто набравши полную грудь воздуха, стремительно освобождал легкие, а поток воздуха уносил меня в сторону от самого себя. Чем ярче становился излучаемый свет, тем дальше казался мир. Пока в один момент я не увидел его границы – черный контур за-Реальности вырастал на периферии мировосприятия и постепенно заполнял собой Всё. Мир

сужался, превращался в размытое пятно, а затем – в точку. Когда пропала и точка, я пришел в себя от душасщего чувства и оказался в абсолютном мраке. Моя сила полностью исчезла. Будто водитель машины, упавшей с высоты в глубокую реку, я на время потерял сознание, а когда очнулся, вокруг была уже одна вода, а в легких – ни глотка кислорода. Я начал выбираться из этого места – туда, где, по моему мнению, находилась точка мира в последний раз. Жажда воздуха все крепче сжимала горло, лишая воли для спасения и помутняя рассудок. Я барахтался изо всех сил, пытаюсь всплыть, но ничего не получалось. Более того – *внизу* появился водоворот, непреодолимая сила тянула на дно еще настойчивее. Воронка выглядела настолько ужасающе, что не оставалось сомнений – по другую сторону сингулярности нет даже смерти.

Я падал бесконечно долго – непроглядно-черное око воронки как будто не приближалось, но контуры ее заполняли большую часть оставшегося во мне сознания. Я знал, что выбраться уже не удастся – силы для этого не оставалось, я израсходовал ее всю до последней капли, и в огромном пустом «желудке» образовался вакуум. Сила вакуума заставила «желудок» пожирать первое, что попадется – то есть меня. Звучит ужасно, но таков реальный мир материи и энергии: я проваливался сам в себя, подобно старым звездам-гигантам. И вес огромной концентрации материи-энергии пробил микроскопическую, не больше ядра атома, Черную дыру, в которую я падал...

Заполнявший все мрак неожиданно затрясло. Послушался «БАМ!», приглушенный вязкой толщиной «воды». Еще один удар, чуть точнее – и по мраку пробежали радужные всполохи. Я понимал, что кто-то или что-то пробивается ко мне, но протянуть навстречу руку не хватало ни сил, ни воли. Удары слышались все точнее, а всполохи горели ярче, пока *надо* мной не появилась другая воронка – переливающаяся всеми цветами радуги.

Я оказался среди двух сил, жаждущих втянуть меня в себя. Я был настолько крохотным, что разорвать меня на две части они не имели возможности, а лишь растягивали в длинную-длинную точку. И по ходу этого процесса сознание мое светило все ярче, а черная воронка делалась уже. Это происходило с образованием боли и с увеличивающимся чувством собственного объема. В меня вливалось что-то инородное, однако совершенно дружелюбное и безопасное.

Я начал чувствовать себя: появилась голова, выросло туловище, из него вытянулись отростки рук и ног. В пустом теле возникли внутренние и внешние органы. Я будто рождался заново. Черная воронка исчезла, впереди, набирая яркость, крутилась радуга.

Наконец я смог разлепить веки – и в глаза вонзился ослепляющий свет.

Я понял, что лежу на спине, а щеки и нос щекочут кончики длинных волос. Вика сидела на мне, упершись руками в мои плечи. Сама она была бледна как смерть, глаза безумно горели, а грудь ходила ходуном. Вика требовательно и даже с угрозой глядела на меня, так что казалось, стоит вновь уйти в беспамятство, как она меня тут же прикончит.

Заметив, что я пришел в сознание, черты Викиного лица разгладились, глаза устало закрылись. Дрожащей рукой она вытерла пот со лба и прижалась ко мне.

– Он чуть было не забрал тебя, – прошептала Вика прямо мне в ухо. Я был настолько ошеломлен этим приключением, что не мог вымолвить и слова.

Глава 7

Вокруг не было слышно городской толпы, криков Отцов и треска догорающих костров, а подо мной явно находились не холодные плиты площади. Мы попали куда-то в совершенно другое место, где тишина была настолько полной, что я слышал биение Викиного сердца. Я прижимал ее к себе, будто спасательный круг, и все остальное теряло значение.

В таком положении мы провели долгое время, пока я окончательно не проявил себя в этой реальности и не почувствовал, что в силах подняться на ноги.

Мы встали и осмотрелись. Окружающее действительно выглядело странно – нас как будто занесло в некий замок или собор. Мы стояли посреди просторного помещения вроде тронного зала, что были во времена средневековья. Ни стен, ни потолка не было видно. Отсутствовали и какие-либо светильники – мы как будто сами излучали свет, позволявший видеть только в радиусе трех метров. Под ногами красная ковровая дорожка пробегала между редкими колоннами и упиралась в широкую лестницу перед тронном. Само царское кресло находилось еще далеко и терялось в полумраке. За границами красной дорожки блестяли плиты из почти зеркального серого камня. Колонны украшали скульптуры то ли богов, то ли могучих героев.

Мы двинулись вперед по ковровой дорожке, и трон проявлялся все отчетливее. Теперь можно было разглядеть на нем некую фигуру, облаченную в белые одежды и с блестящей короной на голове. Тонкая фигура явно принадлежала женщине, в тонких пальцах, украшенных перстнями, она держала белый резной посох с набалдашником в виде полумесяца. Лицо существа было скрыто капюшоном.

Справа от трона из полумрака выглянула другая фигура – облаченная во все черное, она казалась близнецом-противоположностью «царицы». Вместо огромных перстней на пальцах черной женщины блестели золотые кольца, а набалдашник на посохе имел вид шестиконечной звезды.

Несмотря на кажущуюся хрупкость, фигуры излучали такую мощь и влияние, что, подойди мы вплотную, нас бы расплющило о каменные полы. Мы остановились в двух шагах от лестницы перед тронном и выжидающе глядели на особ царского вида. Каким-то внутренним чутьем я распознал их: черная олицетворяла Тьму, а белая – Судьбу. Где бы не находилось это место, мы попали сюда не случайно, скорее всего, в тронный зал нас попросту «вызвали».

– Люди, другие живые существа именуют смерть наибольшим кошмаром и величайшей загадкой всех времен, – вдруг заговорила одна из фигур, какая именно – понять было сложно. Голос был женским, ни высоким, ни низким, настолько живой, с такими мелодичными тонами, что казалось – обладательница его не говорит, а поет. – И это справедливо, ибо сознание существа – это свет, которым он освещает тьму вокруг себя. Померкнет сознание – исчезнет все, даже само существо, даже его любовь, исчезнут даже те, кого оно любило. Но взамен одного сознания придет другое, совершенно иное и жизнь повторится. Эта вселенная живет миллиарды лет, столько же каждому из ее созданий. Единственное, что отличает смертных от бессмертных – это возможность меняться. Действительно страшно – навсегда пропасть из реальности, отсечь для себя любую возможность перевоплотиться, полностью исчезнуть из тела Тьмы.

Речь Высшей Силы казалась пафосным вступлением, которое я, к тому же, знал и без нее. Вика вцепилась мне в руку и боялась пошевелиться.

– Получается, Хаос не собирался меня уничтожить? – спросил я, чтобы подтвердить свою догадку.

– Неверный вопрос. Уничтожать собирался, убивать – нет. Какой толк в смерти Князя Тьмы, если он вновь способен вернуться? Нет, твоему Врагу необходимо было полностью тебя уничтожить, стереть. Выбросить на Дно миров. Чтобы не осталось даже мысли о том, что Князь Тьмы, Защитник Земли, сможет когда-нибудь вернуться в иной ипостаси и продолжить отпор. Единственный способ сделать это – вытянуть тебя в область Хаоса, чтобы навсегда закрыть путь во Тьму.

– И в Хаосе он бы смог нейтрализовать меня.

– Верно. Для этого твой Враг пожертвовал целой «звездой», схлопнул ее на территории Хаоса, чтобы создать Черную дыру, соединить с твоей и через получившийся коридор перетянуть к себе, – знание таких сведений выдали обладательницу голоса – это говорила сама Судьба.

– Он почти сделал это.

– Да. Она тебя вернула, – усеянный перстнями палец указал на Вику. – Женщина – прекрасный проводник энергии. Это она заполнила тебя, когда ты по глупости чуть было не сожрал сам себя, – Судьба позволила себе усмехнуться. Я крепче сжал Викину руку, понимая, что рядом со мной стоит сейчас самая драгоценная и прекрасная частичка вселенной.

– Значит, все это не имело смысла? Я стал Князем, убегая от Хаоса, чтобы Ему было проще меня раздавить?

– Ничто не происходит просто так. Если судить по твоему разумению, то получится, что бессмысленна и жизнь человека, ибо он рождается только для того, чтобы умереть.

– И что теперь будет с нами? – спросил я.

– Вы вернетесь обратно. И в качестве подарка получите от меня все, чего пожелаете.

– А как же Хаос? Он ведь не оставит меня в покое.

– Пока ты с Викторией Князь Тьмы не проявится, а Хаосу нужен именно он. Не давай Князю вырваться наружу, и останешься незамеченным.

– Как-то все это неправильно. Князь Тьмы нужен для защиты этой вселенной, разве не для этого Ты меня готовила? – обратился я к черной фигуре. Та вдруг ожила и повернула пустой капюшон в мою сторону. Из невидимого рта прозвучал голос, обладатель которого мог быть как мужчина, так и женщина:

– Алексей справится с твоей функцией, – сказав это, Тьма снова отвернула капюшон и замерла. Я понял, о ком Она говорит – об Алексе. Это известие меня удивило:

– Разве он Страж?

– Алексей нашел Тьму два года назад, – ответила Судьба. – Он здорово изменился с момента вашей последней встречи. Скоро он пройдет Посвящение и возглавит братство.

Все же Алекс оказался не так-то прост. Честно говоря, я был даже рад за него, ибо в какое-то время считал его прогнившей душой.

– А Стражи? Они не станут мне мстить?

– Ты все еще чувствуешь вину за Феникса... Нет, Страж не опустится до мести.

– Что будет с нашим миром? – продолжал я.

– Мир живет своей обычной жизнью, – лаконично ответила Судьба. – Все, что было непонятным, найдет объяснение, и виновные будут наказаны. Только ваш город никогда уже не вернется к прежней жизни – страх, витающий по его улицам, останется там на века. Он опустеет и превратится в бетонного призрака. Несмотря на официальную версию о падении метеорита и аварии на химкомбинате, будут слагаться разнообразные легенды и приезжать паломники со всего мира. Возвращаться туда не стоит. Найдите, пожелайте от меня себе новый дом.

Вика смотрела на меня сияющими глазами. Я знал, чего она хочет. Я знал, где мы будем с ней жить...

Судьба поднялась с трона и легкой походкой удалилась куда-то во мрак отсутствия нашего мировосприятия. Тронный зал стал терять свои очертания, краски размывались и скручивались. Я смотрел на черную фигуру Тьмы у трона, но Она все так же оставалась недвижимой, будто статуя. Затем и вовсе пропала в молочной пелене, охватившей мое сознание. Туман окружил и Вику, неведомая сила тянула нас в разные стороны. Вика улыбнулась, и я отпустил ее руку: волноваться за нее не было основания, очень скоро мы опять встретимся.

Как только Вика пропала из видимости, кто-то схватил меня за плечо и повернул к себе. Я с удивлением увидел перед собой черный капюшон и вмиг отпрянул, словно от чего-то ужасного.

– На, возьми, – из-за складок длинного балахона появился плоский прямоугольный предмет черного цвета.

– Что это? – спросил я.

– Прощальный подарок, – ответила Она. – Ты найдешь ему применение.

Я взял в руки предмет – это оказался зачехленный ноутбук.

Пол ушел из-под ног, я как будто очутился в невесомости, но при этом чувствовал, что падаю. Ноутбук, для чего бы он ни был мне необходим, я прижал к себе, боясь потерять в круговерти этого пространства.

Твердая почва ударилась в ступни так, что я едва не лишился равновесия. Туман рассеялся, и мне открылось светлое, чистое, легкое полотно неба над ароматным ковром луга из сине-красно-желтых узоров цветов. Высоко в небе свободный ветер-художник рисовал перьевыми облаками то дракона, то стаю дельфинов, то совсем неизвестных волшебных существ и строений, как бы приглашая своих маленьких зрителей на лугу поучаствовать в представлении и отгадать загадку.

Метрах в десяти от меня Вика гуляла со Светиком, взявшись за руки. Они о чем-то оживленно болтали, Вика указывала дочке на тонкую синюю полоску моря, укрывшуюся вдалеке за яркими лугами. С другой стороны свежий цветочный ковер, изгибаясь плавными волнами, менял цвета на фиолетовый и темно-зеленый с белой крапинкой, насыщался кустами, птичьим свистом, пока не густел совсем и не превращался в темный дворец высокого леса. И где-то там, в зеленой сумрачной глубине, вырастал белый купол настоящего тронного зала – гордой серой горы. Сверху лился золотой солнечный свет, так что хотелось лечь в душистую траву и забыть навсегда о том холоде и кошмаре, который остался далеко позади...

Мы находились в том же месте, куда нас с Викторией занесло во время неожиданной встречи. Только тогда не было видно моря – мы пришли сюда с другой стороны. Где мы находились в это время в мире людей – было совершенно неважно. Какое это могло иметь значение, когда внутри это место представлялось именно так, как мы его видели?

Ноутбука у меня в руках не оказалось. Я подумал, что он все-таки выпал где-то по пути сюда.

– Папа, смотри: ванька-кабанька! – воскликнула, подбежав, Светик. На ее маленькой ладошке красный жучок перебежал с тыльной на внутреннюю сторону, так что дочке пришлось вертеть ручкой, чтобы существо оставалось на виду. Девочке весь мир казался таким интересным, загадочным и привлекательным. Но я не мог разделить ее энтузиазма. Я смотрел в ясные, чище неба, глаза своей дочери и с грустью понимал, в какую бездну провалилась моя душа, когда поддалась соблазну черного волка познать Все и соединилась с Тьмой. Я стоял на коленях возле Светика и боялся прикоснуться к этому невероятно живому, сияющему созданию, чтобы не испачкать ее сажей своей обгоревшей души. В этот момент я желал вырвать с корнем свое прошлое, забыть навсегда все эти события или вернуться туда, откуда все началось, и не позволить себе отпустить Вику. К сожалению, ни то, ни другое, ни

третье было невозможно. Эти последние четыре года моей жизни пролетели бессмысленно и бесперспективно. Света, моя дочь, мое будущее, мое счастье улыбалась холодной, непроглядной Тьме.

Солнце неспешно тонуло в море, из-за горы шагали сумерки. Над темнеющим лугом замигали светлячки. Мы направились в сторону леса – где-то там должен находиться наш дом. Птицы больше не веселились так оживленно, на место их пения пришло журчание холодной речушки, чьи берега были выложены гладкими камнями, и стрекот жуков.

– Может быть, ты для того и стал Князем, чтобы мы снова были вместе, солнце мое, – улыбалась по пути Вика. – Порой, чтобы увидеть счастье у себя перед глазами, нужно пройти долгий путь.

– Я бы сказал иначе: ты не пройдешь долгий путь, пока не увидишь перед глазами счастье.

– И в чем разница?

– В том, что ходить за три моря в поисках счастья и найти его у себя дома – это кольцо, замкнутый круг. А вот уйти за три моря и понять, что счастье это сам поход за счастьем – это уже спираль, ибо этот поход не имеет конца. Придя домой, ты поймешь, что жизнь все еще продолжается, и только смерть скажет тебе, где было твое настоящее счастье. А по спирали движется даже вселенная, в ней все повторяется, но уже не так, как прежде. Но это не просто спираль, а винтовая лестница, поднимающая мир все выше и выше...

– Ну, перестань! – взмолилась Вика.

– Тебе раньше нравились все эти философские и научные измышления.

– Раньше.

– Да, ты изменилась.

– В худшую или лучшую сторону?

– Трудно сказать. Но я всегда любил тебя, какой бы ты ни была.

– Это Света изменила меня, – Вика посмотрела в даль и ушла в воспоминания. – Когда я окончила институт, зная, что беременна, начала искать работу, чтобы успеть уйти в декрет. Конечно, первым делом отправилась в прокуратуру, меня взяли – я же умница, с красным дипломом! Поработав несколько месяцев, я навидалась там столько разного... Но дело даже не в людях, которые туда попадали или работали в МВД, а во всей этой системе. Человеческая судьба была бумажкой с печатью и подписями, и таких бумажек – высокие стеллажи. Конечно, не все они были ангелами, но ведь почему-то они стали такими, какими стали! Ведь по большей части на преступление идут не для того, чтобы сделать кому-то плохо, а затем, чтобы себе было хорошо. Люди несчастны, потому и воруют, и убивают, и насилуют. А кто их такими сделал? Не сами же они издеваются над собой! И даже не родители и не друзья... Вот кто делает людей несчастными, – Вика указала куда-то на небо. – И как мне судить этих людей, когда судить надо совсем не их! Я потому и попросила тебе тогда помочь тем... на кострах... потому что не могла выносить вида казни невиновных.

– Но ведь на них ты мне только что и показывала, – напомнил я. Вику это смутило:

– Этих тоже кто-то заставляет.

– Кто?

Вика пожала плечами:

– Не знаю, – и повторила со вздохом, – я не знаю...

– Ты сказала, что Света изменила тебя.

– Да, – вспомнила Вика. – Когда я родила, то поняла, что не смогу больше выйти на такую работу как в прокуратуре. Там такая концентрация негатива, что я боялась принести в дом хоть каплю его. Моя дочь должна была воспитываться подальше от всего этого. Когда Светик подросла, я отдала ее в садик и устроилась туда же няней. Зарплата, конечно, была

маленькой, приходилось подрабатывать, но зато я почти все время проводила с дочкой. Приходилось заменять ей и маму, и отца.

Я почувствовал укол совести за то, что наслаждался своей музыкальной карьерой, пока моя семья выбивалась из сил, стараясь остаться на плоту в этом жутком мире.

– А что же этот... Игнат?

Вика выдержала паузу и неохотно ответила:

– Он хороший парень, работал у нас охранником. Всегда приходил на выручку, если надо было что-то сделать. Сам понимаешь, без мужской руки в доме не обойтись. Чем дольше мы были знакомы, тем больше он симпатизировал мне. Со Светиком они прекрасно ладили, к тому же Игнат был не женат... Но мы только целовались! – Вика покраснела и выжидающе посмотрела на меня.

– Игнат – не женат, – напел я рифму, Вика это расслабило. – А потом?

– А что потом? Потом пришел этот твой Хаос.

Весь остальной путь мы двигались молча. Вскоре показался одноэтажный сруб, стоящий на опушке между лесом и рекой.

В прохладной комнате было темно, наши вещи лежали так, будто оставленные час назад, когда хозяева решили прекратить свои занятия и отправиться на прогулку. Электричество водилось и здесь (нельзя было оставлять Вику без этого маленького помощника), в глубине комнаты зажглось несколько светильников. Испуганная темнота выпрыгнула из окон и обиженно уставилась на нас оттуда.

Блики света пробежали по лакированному столу-пню на четырех коротких ножках, окруженному тремя массивными креслами. В одном углу раскинулась широкая кровать, в противоположном – будто гора приросших друг к другу камней от пола до потолка растянулся камин. Несколько медвежьих шкур обнимали дощатый пол. На стене у входа висели топоры и двуствольное ружье, возле окон – свисали пучки сушеных трав, распространяющих пряный запах. Под окнами на длинных скамьях красовались цветы. К основной комнате примыкала кухня с большой глиняной печкой, на которой можно было вытянуться во весь рост. Одна из дверей в горнице вела в уютную баньку...

Я развел в камине огонь, теплая волна разлилась по дому. После ужина мы выключили свет, оставив власть над ночью одному пламени, и придвинули к камину два мягких кресла.

Светик очень скоро заснула на моих руках и тихо сопела, не обращая внимания на наш разговор. Я рассказывал Вике о тех странах, в которые заносили меня гастроли, она говорила о своей жизни, о судьбах наших общих друзей и знакомых. Так мы сидели, пока последний огненный танцор из каминного ансамбля не выдохся и, пригибаясь к углям все ниже и ниже, не улегся спать на дотлевающую постель. Только тогда мы покинули кресла и легли спать, прижав между собой нашу дочку.

Заключительная глава

Ноутбук, которым одарила меня Тьма, нашелся в сарае с дровами. Я отправился туда, чтобы пополнить запасы для камина и печки, и неожиданно наткнулся на черный футляр. Как он здесь оказался – можно было только догадываться.

На мониторе компьютера не было панели задач, а вместо обоев очень медленно воспроизводился странный ролик вроде гифки – сквозь пространство вселенной к Земле летело копье, в наконечнике которого я узнал себя. Эта картина меня озадачила, но ни о чем не сказала. Я долгое время изучал повторяющийся ролик, обращал внимание на детали, но так ничего не разгадал. Зато обнаружил на экране единственный ярлычок с буквой «W», спрятанный в углу монитора в сиянии какого-то звездного скопления. Это был офисный редактор, только зачем он здесь – я сразу не догадался.

Мы стали жить в своем доме на опушке леса. Судьба сдержала обещание и баловала нас всеми дарами жизни, так что немногочисленные соседи только завидовали такой просто несправедливой удаче. Мое ружье всегда находило дичь, огонь в камине никогда не голодал от дефицита дров, а погодные ненастья обходили наш дом стороной.

Родственники и друзья, узнав о моем возвращении, наперебой заезжали в гости, так что праздникам в моем доме не было конца. Журналисты тоже навевались, но не найдя в моем лице энтузиазма, скоро прекратили визиты. К тому же статьи и репортажи об ушедшей в закат рок-звезде скупно приобретались изданиями и не находили интереса у занятой более актуальными темами публики. Хотя коллеги из «Седьмой тропы» частенько уговаривали вернуться в музыкальный бизнес, впадали в ностальгию и мечтали о новых временах всемирной славы. Меня такая перспектива больше не цепляла. Так бывает, когда, дотянувшись до звезд, больше не хочется довольствоваться полетом над облаками. Ни Алекса, ни других Стражей я с тех пор больше не видел.

У меня была куча свободного времени, которое я проводил с семьей, тратил на исследование мира, а потом, в очередной раз изучая подарок Тьмы, вдруг открыл текстовый редактор и начал писать.

Писать мне было о чем. Я начал с того момента, который мог бы стать судьбаобразующим не только для меня и Вики, но и для целого мира. Я постарался вспомнить каждую деталь своего путешествия по этой жизни и записывал ключевые моменты. По мере работы над воспоминаниями картина происходящего раскрывалась все шире и шире, и когда последний пазл встал на свое место, я больше не мог находиться рядом со своей женой и дочкой.

Прошу прощение за излишнюю сентиментальность в предыдущей главе, в момент ее написания я был уже далеко от своей семьи и, если можно так выразиться, прощался с Викой и Светиком. Уходя, мне пришлось устроить жуткий скандал, в целое море неприятных слов я окунул свою любимую жену. Никогда раньше мой белый волк не позволял себе такого поступка. Вика должна была меня возненавидеть... и как можно скорее забыть. Надеюсь, это поможет ей вернуться к Игнату или найти другого спутника жизни.

Полагаю, вы уже догадались, что перед вами Книга Тьмы, которой Михаэль пророчил положить конец противостоянию. Он был прав. Тьма не зря оставила мне подарок – Ее Книгу написать должен был именно я. Но значение имеет не сам факт ее создания, а то, что я понял, работая над рукописью.

Первое. Братство Стражей было учреждено Хаосом. С одной стороны для того чтобы выявить потенциального Князя Тьмы и уничтожить его, с другой – именно Стражи позволяли Хаосу проникать в наш мир и копить силы.

Я повторяю то, что рассказывал Вике. Хаос – это полная противоположность Тьмы. И если Его орда проникает во Тьму, она попросту остается незамеченной из-за разницы в заряде материи. Так в горах Тибета игнорировали демонов буддистские монахи из числа тех, кто сумел отрезать от себя лишние нити реальности. Стражи необходимы были Ему в качестве полотна из материи Тьмы, на котором Хаос без труда проецировал свои смертоносные частицы. Сами воины в обычной среде очень разнородны, поэтому Враг стремится привести их к какому-то общему виду, прямо противоположному своему оружию. И тогда по закону нейтрализации демоны и Стражи могли взаимодействовать и уничтожать друг друга.

Второе. Земля уже находится под Его контролем. Еще не полным, но усиливающимся с каждым вторжением.

Когда-то даже мне было трудно понять, где именно Хаос вытеснял материю Тьмы на Земле. Вспоминая слова Алекса, я вдруг осознал, эта материя – человеческие мысли.

Когда-то жизнь на Земле была совершенно иной. Трудно объяснить – какой именно. Иной. Тогда еще не было Стражей, тогда каждый отстаивал Жизнь и не перекладывал эту ношу на чужие плечи.

И однажды на Землю пришел Хаос. Зерно гнило в недрах планеты, заражая почву, отравляя воздух, разлагая общество. Как Он это сделал, не имея того полотна материи, которое Хаос соорудил из Стражей? Энергия Хаоса может застрять в нашей реальности, но в таких ничтожных количествах, что она почти незаметна. Для того чтобы заразить всю планету разом, Ему потребовалась бы энергия целой галактики.

Поэтому сначала появился только Князь Хаоса. Он соорудил Храм и начал поиски воинов, чтобы отвлечь людей от борьбы за Жизнь и запутывать общество в паутину своего сюзерена. Социальная блокировка наслаивалась все больше на каждом из последующих поколений, пока такой тип жизни не стал казаться естественным.

Хаос – мастер маскировки и обмана, Его владычество на Земле характеризуется всеобщей паутиной заговоров, недоверия, тайн, мировых конфликтов и лжи. Главный инструмент Хаоса – заикнуть события так, чтобы в лабиринте обмана не нашлось бы ни тупиков, ни выходов. Потому что тупик может вызвать желание пробить стену. Для этого Хаос создает конечные бесконечности вроде интернета, сериалов, юриспруденции, денег, идеологий, сансары, интеллекта и даже круглых планет. Да-да. Действительный облик планет совершенно иной!

Но Хаос не идеален. Эти конечные бесконечности представляют собой клубок ниток, наматываемый на человеческое сознание: если найти концы, клубок можно распутать, но совершить это практически невозможно – чем больше стараешься выпутаться, что-то понять, тем вязнешь еще глубже. Так что неудивительно, что даже воины, лучшие из людей, поддались Его уловкам.

Другими словами – Хаос отводил глаза борцам против Него ложными целями, в то время как зерно успешно развивалось в недрах Земли. Выловить в океане людей воинов, из которых Хаос впоследствии создавал Стражей, чтобы затем планомерно уничтожать, не представляло для Него труда. Жаль, сами воины понимали это лишь перед гибелью, когда нити Судьбы, которыми Враг держал Стражей в своей власти, обрывались. Конечно, Его главной целью на этом участке вселенной всегда оставалось Солнце, но для начала Ему требовалось убрать Землю со своего пути.

Почему же Тьма не сообщила об этом ни мне, ни другим воинам? Птенец вылупляется только тогда, когда яйцо разрушают внутренние силы, а не внешние. Кесарево сечение здесь так же опасно, как и при настоящих родах. Логика Тьмы заключена в том, что воин сам должен увидеть правду, чтобы не считать полученную информацию уловками Хаоса. В таком случае, как я могу доверять сам себе, почему я уверен, что это не очередной узел в паутине

Его лжи? Когда оковы слетают с раба, поверьте, он это чувствует очень ясно. Чувствует – но не видит и не знает.

Конечно, я был не единственным агентом, посланным Тьмой с целью свергнуть диктат Хаоса. Но все предыдущие Князья потерпели неудачу. То, что произошло со мной, можно назвать гениальной операцией Тьмы под носом у Врага, выполненной по Его же законам. Тьма, ограниченная в своих действиях, сумела провести меня по тончайшей линии между Полюсами. Вика в этой истории служила как бы рычагом, направляющим меня в нужную сторону. Тьма рисковала, но не собиралась сдаваться. Я стал для Нее ключом, идеальным штормом, пересечением всех дорог. Когда Он разгадает мой план, весь мир встанет на дыбы, пытаясь меня остановить.

Да, это меня империя СМИ возведет на трон самого ужасного злодея истории. Это меня назовут Террористом №1, и прицелы всех снайперов мира будут искать мое лицо среди людских гущ. Это меня проклянут в церквях и запретят произносить даже имя, боясь призвать этим великое горе и бедствия. И это меня вас заставят ненавидеть всей душой. Я знаю и не надеюсь услышать благодарность за то, что собираюсь совершить.

Покинув свою семью, я отправился в Храм. Закончить рукопись я намеревался здесь, пока еще есть время. Ворота Храма надежно заперты, но когда Стражи узнают о моем плане, это их задержит недолго.

Несколько часов назад я разрубил «цепи» Книги Хаоса – эти меры предосторожности были усмотрены не случайно: как только Книга освободилась, весь Храм наполнился иллюзиями. Слушая рассказ Князя Хаоса, я чуть было не потерял самого себя и не поддался ему. Наверно, именно так и были завербованы первые Стражи. Я слушал повесть воина-предателя древности, но слышал совершенно иное. Стремясь поработить сознание людей, он невольно закопал в своих словах своего рода ключ, открывающий замок к незащищенному сердцу Храма, и оружие – Копье Судьбы. Уничтожить это сердце – значит разрушить Храм и развалить братство Стражей.

Я оставляю эту запись для того, чтобы однажды рухнул и мой мир. А на его месте возник новый – совершенно иной. Почему? Когда-то я представил историю как восходящее движение по винтовой лестнице. Это движение провоцируется отталкивающими свойствами в поле воздействия противоположных полюсов. Как маятник или весы. Электромагнитный двигатель. Восхождение мира может выглядеть только так.

Теперь я точно знаю, почему назвал Тьму именно так – тьмой нарекают что-то неизведанное, неисчислимое. В это неизведанное я и собираюсь отправить весь мир, оживить самый страшный кошмар всех фантастов – погрузить мир во Тьму. Действительно, нет ничего страшнее для социально заблокированных людей, чем отправиться в неизвестность.

Что будет дальше? Уничтожив Книгу Хаоса, я, как уже говорил, разрушу Храм. И Стражи, все тридцать девять тысяч девятьсот девяносто девять воинов (звучит как ценник на распродаже), встанут против меня разъяренной стеной. Больше не будет братства, останется орда людей полудемонов, жаждущих вырвать сердце из груди Предателя. Я не в силах переубедить их, влияние Хаоса на Стражей слишком велико. Безумцы, они до последнего вздоха будут верить в то, что сопротивление Врагу однажды приведет их к победе!.. На руинах Храма, на остатках человеческой надежды начнется бой между Князем Тьмы и его бывлой армией. Единственный способ выжить для меня и для целого мира – это перебить их всех. В этом мне поспособствует оружие против полулюдей – Копье Судьбы. Если у меня это не получится – Земле и всей нашей звездной системе наступит конец.

Я вычислил причину внезапного возникновения и исчезновения демонов уже после зачистки зерна: эти твари появлялись не из воронки – они возникали прямо из зараженной земли. Это значит, что Болезнь уже набрала серьезную силу. Об этом, к слову, я мог бы догадаться еще в период обучения, когда меня, чувствуя нарастающую энергию Князя, начинали

атаковать мелкие бесы вроде уродливых собак. Или в тот момент, когда простой омовенец принял облик жуткого осьминога. Или тогда, когда один из террористов оказался исчадием Хаоса.

Если у меня все получится, если мне удастся выжить в самом жутком бою с армией Стражей и я останусь один на вершине горы изувеченных тел, призрачная защита Земли рухнет, и Хаос в полном объеме накопленной Заразы вырвется на поверхность планеты. Отсутствие Стражей заметно ослабит Его, но энергетический гнилой дождь наделает много неприятных вещей.

За очень короткое время на планете вспыхнут очаги восстаний и вооруженных конфликтов; приступы необъяснимой и непреодолимой злобы поведут толпы по улицам городов, чтобы жечь и крушить; религиозный фанатизм достанет своего апогея и тысячи людей закончат жизнь массовыми самоубийствами; СМИ, блоги, социальные сети разольются по телевидению и Сети небывалыми лужами дерьма; семейные очаги потухнут от скандалов... Кажется, так должно выглядеть приближение Зверя. Хе-хе...

Впрочем, в мире уже полно людей, имеющих своего рода «зонтики» – разочарованность в реальности и еле уловимое желание отправиться туда, незнамо куда. В этом они похожи на тех монахов в Гималаях. В свое время к созданию таких «зонтиков» приложила руку и группа «Седьмая тропа» своими турне и необычной музыкой.

Прямой путь для Хаоса на Землю будет закрыт, но наше Солнце на время останется без защиты. К тому же Зараза продолжит гулять по планете и ее необходимо будет удалить. Истинная Тьма использует для этого один непревзойденный прием – второе Солнце. Две звезды способны воздвигнуть прочный гравитационный щит, оберегающий от нападения Врага. А так же общим излучением они выжгут остатки Хаоса на самой планете.

Я долго размышлял над тем, каким образом, каким чудом пригнать к нашему светилу напарника. А затем вдруг осознал: этим вторым Солнцем стану... я! Да, эта идея изначально показалась сверхфантастичной даже мне. Но вскоре я понял, что это не столько необходимо, сколько *неизбежно*. Изначально на такую мысль меня подтолкнула лже-Судьба, сравнив потенциал моей энергии с объемом целой звезды. Конечно, это неправда, но мысль меня заинтересовала. Потом я задался вопросом: как? У меня уже был опыт космических полетов, я собираюсь воспользоваться тем же приемом.

Энергии от взрыва Храма и погибающих Стражей должно быть достаточно, чтобы запустить клубок генерации энергии как это делал Михаэль – посредством заклинания. Полученной силы хватит для полета и на некоторое время существования в качестве Солнца. Да, это будет искусственная, не такая массивная и яркая, но все-таки звезда. Многообразие жизни на Земле от этого не пострадает, но мое излучение изменит планету в корне. У моей звезды будет длинная эллиптическая орбита, и когда через десятки тысяч лет я покину наблюдаемую с Земли зону пространства, то, скорее всего, не вернусь больше на земной горизонт. Ярило, умирающий и воскресающий бог, как сказал бы Семён. Раньше я был рок-звездой, теперь у меня есть шанс стать звездой настоящей.

Если все пройдет успешно, очень скоро жители Земли станут свидетелями небывалого зрелища: над поверхностью планеты пронесется небольшой огненный объект, сорвется в космос, и спустя несколько часов в небе фантастическим фейерверком зацветет новая звезда. Это будет самая красочная картина, которую люди увидят за всю свою жизнь. Прозреют даже слепые – и тогда никто уж точно не сможет отрицать того, что реальность изменчива, что Жизнь существует не только на Земле или где-то там по ту сторону телескопа. Вселенная рядом, ближе, чем вы можете себе вообразить. Она ближе ваших друзей и любимых, она ближе, чем ваше собственное сознание.

Если вы считаете, что это все я делаю из небывалой доброты к людям, рекомендую снизойти с небес на землю. Мой свет предназначен только для двоих – жены и дочери. Я, как

и любое живое существо, очень дорожу своим самосознанием. И готов с легкостью с ним расстаться, но терять его ради безликой толпы не намерен. Князь Тьмы сожрал во мне сочувствие и милосердие, а превратить святого из куска металла не по силам даже Судьбе.

Мы, родители, выплевываем в этот мир детей, обрекая их копаться в духовном и материальном мусоре своем и своих предков. Поколение сменяют поколения; одни уходят навсегда, удовлетворенно сомкнув веки с чувством выполненной жизни, другие появляются во мрак, вызванные из области чистого света похотью своих пап и мам. Свалка цивилизации с каждым витком истории растет все выше и шире, гниет и распространяет смрад и болезни.

Почему бы не навести порядок после себя, сдать смену, может, и не чище, чем принимали, но хотя бы в равноценном виде? Ибо наши сменщики – совсем не чужие нам существа! Поэтому все, что я делаю, я делаю для будущего своей дочери. Конечно, она не поймет моего исчезновения. Но рассказывать ей бессмысленно и небезопасно. Это единственное, что я в состоянии для нее сделать. Только так я могу выразить Вике и Светику свою любовь. Я очень сожалею и несказанно рад, что это право досталось именно мне. Настало время исправлять свои ошибки. Царству Хаоса будет положен конец.

Я совершил глупость, когда пытался остановить летящую на Землю комету. Стражи, поднявшиеся в верхние слои атмосферы, хорошо знали свое дело и лишь притормозили падение глыбы горящего льда. Я хотел предотвратить катастрофу, но на деле лишь спровоцировал ее – комета устремилась прочь из нашей звездной системы и скоро поразит соседнюю звезду. Так уж вышло, что защищать ее больше некому – Хаос разрушил все крепости этого Солнца. Рядом с нами, совсем недалеко по меркам космоса, откроется мощная Черная дыра.

Созидательное предназначение человечества продолжится с новой точки. Я уже говорил, целью человека является создание собственного мира, и он готов уже на две трети. Каким он станет: миром глобальной лжи или всеобщей свободы – зависит от того, в чьей зоне влияния будет находиться старый мир на момент Творения – Хаоса или Тьмы. Если Тьма продержится на Земле до создания Мира Людей, планета пройдет через соседнюю Черную дыру в целости. Если в это время будет хозяйничать Враг – он не допустит нашего перевоплощения, и мы отправимся на Дно миров. Как видите, выбор невелик.

В этом и состоит Великое Состязание. В этом заключается Игра. На этом моменте сконцентрирована Интрига.

Что такое Новый мир, Мир Перевоплощенных Людей? Это спасательная капсула, зерно Тьмы, отправляющееся в пустоту Хаоса для экспансии пространства Действительности, для создания нового кадра Времен. И Враг не будет ждать нас ТАМ с распростертыми объятиями. Новый мир должен быть силен и готов к борьбе. Закаляет его и обучает противостояние Хаоса и Тьмы здесь.

Надеюсь, теперь вы понимаете, о чем я говорю? Вам ясно, почему я называл Хаос и Тьму Он и Она? Если да, то вы осознаете, для чего мне необходимо появление Князя Хаоса в будущем. Создание конечно-изначального Рая, Утопии, спасательной капсулы невозможно без опыта зон влияния Хаоса и Тьмы. Действительность – восходящая спираль.

Из этого следует еще одно, последнее открытие, известное еще сотни тысяч лет назад. Я знаю, что движет вселенными, и знаю основу основ, ради которой существует Действительность. Я знаю силу, зарождающую Противостояние и поддерживающую Творение. Я знаю, в конце концов, что находится в центре Действительности, вокруг которого вращается Всё. Я предугадываю кислую мину, которая сейчас появится на лице нигилистов и циников. Я почти вижу, как теплые, вдохновленные, но обманутые глаза, улыбаются фразой «по-другому и быть не может!». Представляя все это, я готов расхохотаться холодным смехом Князя Тьмы. Потому что эти двое – все равно ошибаются.

Сила эта – Любовь.

Здесь я заканчиваю. Чувствую, мой черный волк, Князь Тьмы, уже готов выйти на свободу и начать свой последний бой.

Я ошибся в прогнозах – Стражи разгадали мой план раньше времени, они вот-вот проломают ворота Храма. Вика, Светик, я вас целую. Да поможет мне Тьма. Прощайте.